

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 33 АВГУСТ 1977

4 августа. Москва, Большой Кремлевский дворец. Торжественное открытие Всесоюзного слета трудовых объединений школьников.

Фото Б. Задвия

ЭСТАФЕТА ТР

Парад участников соревнований в подмосковном совхозе «Пламя».

Круг почета.

Фото А. Награльяна

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 33 (2614)

13 АВГУСТА 1977

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонек». 1977

В тот день, 4 августа, Большой Кремлевский дворец выглядел необычно: зал заполнили ребята в синих куртках. Это собрались на свой Всесоюзный слет представители трудовых объединений школьников. Десять миллионов юных бойцов рабочей четверти прислали в Москву лучших из производственных бригад и школьных лесничеств, лучших механизаторов, животноводов, автомобилистов.

Только в первое лето десятой пятилетки трудовые объединения выполнили работы на сумму более 330 миллионов рублей. А поле ребячьих производственных бригад, скажем, в Российской Федерации, раскинулось на 542 тысячах гектаров. Это им, нашей юной смене, адресовал сердечное приветствие Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

Много незабываемых впечатлений увезут из Москвы ребята. И от торжественного открытия слета, и от участия в конкурсах профессионального мастерства, и от поездки в совхоз «Московский», в лагерь труда и отдыха к своим сверстникам...

8 августа слет окончился. Его участники разъехались по домам, окрыленные высокой оценкой их работы.

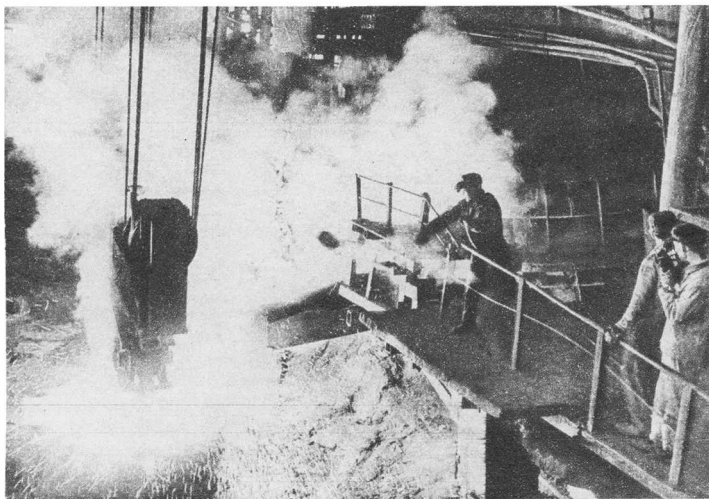
УДА

Нина Груздева, пахарь из Ивановской области, заслужила серебряную медаль.

СТАЛЬ КОРЕИ

Брызжет искрами мартеновский цех — идет сталь Кореи...

Гордость новой Кореи — комбинат «Хванхэ» в городе Сонниме. Его построил концерн Мицубиси, но во время отступления японцы оставили в домнах застывший металл, полагая, что завод не восстановит. С помощью Советского Союза уже через десять месяцев вновь забилось стальное сердце страны.

И новое испытание: американская агрессия 1950—1953 годов, нанеся огромный ущерб корейской экономике. От комбината остались груды искореженного металла. День и ночь не прекращались восстановительные работы. Группа советских специалистов обучила

своих коллег передовым методам труда. Более миллиона тонн стали в год, 250 видов проката выдает сегодня «Хванхэ».

Сталь называют хлебом промышленности. В КНДР теперь за три дня выплавляется больше металла, чем его давали до освобождения все заводы Кореи за целый год. Черная металлургия превратилась в ведущую отрасль тяжелой промышленности республики. При материальном и техническом содействии Советского Союза сооружаются мощные конвертеры, установки непрерывной разливки стали, прокатные станы.

Успехи Кореической Народно-Демократической Республики закономерны: опираясь на поддержку братских стран, республика уверенно идет по пути социализма.

На снимке: в одном из цехов Кансенского сталелитейного завода.

Фото ЦТАК — ТАСС

ДНИ
ЛИТОВСКОЙ ССР
НА ВДНХ

Недавно Герой Социалистического Труда Ю. Палецкис писал в газете «Советская Литва»: «В 1940 году рабочих и служащих в республике было 179 тысяч, а теперь — 1373 тысячи». И добавлял: из буржуазной Литвы, «...ставшей раем для эксплуататоров и адом для пролетариев, в поисках хлеба за 20 лет эмигрировало около ста тысяч рабочих и крестьян». Что может быть горше: хлебоборб в поисках куска хлеба покидает свои родные места... Но так было.

...Янтарным краем называют Литву. Край живописный и деловой, устремленный вперед, ценящий время. Всмотриваюсь в экспонаты юбилейной экспозиции и словно ощущаю дыхание Балтики, вижу кварталы Лаздинай, брожу по улицам Каунаса... Вот он, Каунас, пере-

сейчас живет 3 миллиона 355 тысяч 800 человек. Вчитываясь в сводку. Полугодовой план реализации товарной продукции перевыполнен, сверх намеченного продано изделий на 49,1 миллиона рублей. Выработано 5077 миллионов киловатт-часов электроэнергии, про-

других советских республик. Металл, уголь, хлопок, нефть, газ... Братские республики шлют сюда автомобили и промышленное оборудование. Литва производит особо точные координатно-расточные и станки с числовым программным управлением, уникальную счетную технику, телевизоры, холодильники, сельхозмашины... Литовская продукция расходуется по всей нашей Родине и экспортируется в 85 зарубежных стран.

Только товаров народного потребления за первое полугодие произведено в республике на 1 миллиард 420 миллионов рублей — это на 16 миллионов рублей больше, чем за тот же период прошлого года. Трикотажные и меховые изделия, обувь, холодильники, велосипеды, мебель, пылесосы... Сделано в Литве — это уже говорит о многом. За этим и качество и новизна.

В буржуазной Литве товары в магазинах тоже вроде бы были. Но кому по карману? А сейчас покупать есть на что! Только выплаты и льготы, получаемые из общественных фондов потребления, составили 664,3 миллиона рублей. Не случайно же товарооборот розничной торговли за те же шесть месяцев превысил 1 миллиард 608 миллионов рублей. В Советской Литве производится в 2—3 раза больше товарной продукции, чем в самые благоприятные годы в буржуазной Литве. А темпы строительства и сравнить не приходится. В первой половине 1977 года новоселы получили почти 9 тысяч благоустроенных квартир.

Богата, насыщена и культурная жизнь республики. Ее театры давно стали гордостью страны. Институт литовского языка подготовил девять томов академического словаря литовского языка, пять томов «Литовского фольклора», а Вильнюс признан мировым центром баллистики, сюда съезжаются именитые языковеды...

Так живет, так работает Советская Литва. Об этом рассказало сообщение республиканского ЦСУ. А комментарии к нему, комментарии самой жизни каждый может увидеть в павильоне, где размещена щедрая юбилейная экспозиция Литовской ССР.

К. КОСТИН

РЕСПУБЛИКА

МАСТЕРОВ

до мной, на стендах юбилейной экспозиции — в слайдах и макетах, в образцах всемирно известной продукции.

Листаю республиканские газеты, вчитываясь в строки проекта Конституции, и как-то поновому вижу цифры недавнего сообщения Центрального статистического управления Литовской ССР. В Советской Литве

изведены новейшие станки, искусственное волокно, сельскохозяйственные машины, деловая древесина, компрессоры, бытовые холодильники, приборы и средства автоматизации — все умеет республика! И делает добротно, с загладом вперед, с ответственностью за честь своей марки.

Сырье Литва получает из

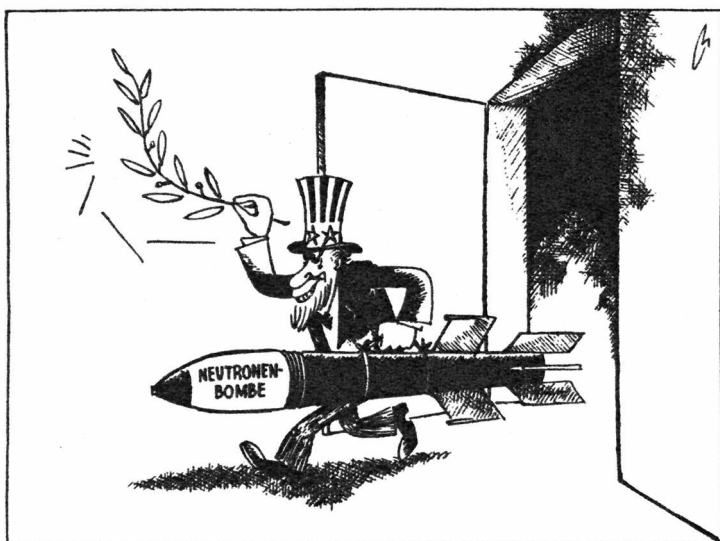

В павильоне, разместившем юбилейную экспозицию Литовской ССР. Экскурсовод О. Барс показывает приборы, телевизоры, изделия легкой промышленности, радиоприемники, мебель...

Фото автора

Нейтронной бомбе-нет!

ОПАСНЫЕ ПЛАНЫ ПЕНТАГОНА

Альберт ГРИГОРЬЯНЦ

Трудно назвать какое-либо решение Вашингтона за последние годы, которое вызвало бы столько озабоченности, тревоги и протестов во всем мире, как решение Белого дома запустить в производство крылатые ракеты и ускорить работы над нейтронной бомбой. У зданий посольств Соединенных Штатов проходят бурные манифестации, в редакции ведущих американских газет идет поток возмущенных писем, международные обозреватели все чаще прибегают к определению «безрассудный», расценивая шаг вашингтонской администрации.

Чудовищно, но факт: Вашингтон подстегивает гонку вооружений без каких-либо серьезных причин и оправданий. Ведь ни один из здравомыслящих людей не верит в миф о «советской угрозе», хотя его и раздувают всеми возможными средствами. Трудно поверить и утверждениям, будто наращивание американской военной мощи диктуется интересами национальной безопасности. Подлинная безопасность, пишет одна из солидных американских газет, зависит не от разработки все более изощренных систем вооружений, а от соглашения, которое уменьшило бы арсенал систем многократного уничтожения.

Так в чем же дело? Обозреватели почти единодушно высказывают мысль, что, развертывая качественно новые виды стратегических вооружений, Соединенные Штаты ведут дело к срыву договоренностей по ограничению гонки стратегических вооружений и стремятся добиться военного преимущества над другими странами.

Особенно опасным элементом в игре Пентагона является нейтронная бомба. Двадцать лет в лабораториях Калифорнийского университета в величайшей тайне шли работы по созданию этого нового варварского оружия. О ней не догадывались даже ближайшие союзники США. И вот мир поставлен перед свершившимся фактом: отбросив всякий камуфляж, вашингтонская администрация в лихорадочном темпе приступает к развертыванию производства нейтронной бомбы. На днях президент США Дж. Картер подписал законопроект о финансировании производства нейтронных ядерных зарядов для ракет «Лэнс» и артиллерийских снарядов. Очередной опасный виток в гонке вооружений начат.

Поразителен цинизм тех, кто пытается оправдать этот безрассудный шаг. На все лады воспевают свойства нейтронной бомбы. Она, дескать, не только допустимо, но и «чистое» и чуть ли не «гуманное» оружие. В подтверждение дают техническую характеристику «чудо-бомбы», которая объявляется «тактическим» и «локальным оружием». Ее применение, умиляются пентагоновские сирены, будет лишь «хирургической операцией». Подумайте, эта бомба лишь уничтожает все живое, а вот постройки и материальные ценности останутся целехонькими. Как видите, бомба эта еще, так сказать, рентабельна.

Попытки выдать новое смертоносное оружие за невинную игрушку не выдерживают критики ни по одному пункту — ни по техническому, ни по политическому, ни тем более по моральному. Видные западные ученые полностью вскрыли несостоятельность утверждений о «безобидности» нейтронной бомбы в качестве ядерного оружия. Профессор Эрнест Стернглесс, физик-атомник из Питтсбургского университета, подчеркивает, что применение нейтронной бомбы может иметь губительные последствия для всего человечества. При ее взрыве образуется значительно больше смертоносной радиации, чем при взрыве ядерной бомбы. По словам профессора, она не несет ни малейшей надежды на спасение от биологического уничтожения в случае массового применения.

В политическом плане новое оружие ведет к усложнению международной обстановки и возрастанию угрозы вооруженных конфликтов. Это ложь, будто нейтронная бомба как тактическое оружие, находясь в распоряжении практически всех воинских подразделений, содействует упрочению мира. Наконец, нет никакого морального оправдания оружию, которое специально создано для того, чтобы люди умирали в муках. И такое оружие создает страна, лидеры которой фарисейски пекутся о «правах человека» и читают другим воскресные евангельские проповеди о любви к ближнему.

Соединенные Штаты играют с огнем. Понятно, что их курс вызывает обостренную тревогу и решительные протесты как в самих США, так и во всем мире. Как показывают опросы общественного мнения, 77 процентов американцев высказываются за скорейшее соглашение с СССР относительно ограничения стратегических вооружений. Производство нейтронной бомбы осудили многие правительства, видные деятели и общественные организации различных стран.

Массовыми антивоенными манифестациями отмечает мировая общественность Международную неделю действий против нейтронной бомбы, которая проводится с шестого по тринадцатое августа по инициативе Всемирного Совета Мира. Миллионы людей гневно осуждают решение правительства США приступить к производству нового варварского средства уничтожения людей — нейтронной бомбы.

Особую тревогу планы Пентагона вызывают в Европе. Уже сейчас США располагают здесь 7 тысячами ядерных боеголовок. Теперь их арсеналы собираются пополнить нейтронными бомбами. Угроза опустошительной войны здесь может возрасти.

Человечество не хочет мириться с безрассудной игрой, затеянной военно-промышленным комплексом США. Во всем мире все более властно звучит голос в защиту мира, безопасности, за продолжение процесса разрядки и разоружения.

Глубокое впечатление на мировую общественность оказал Призыв коммунистических и рабочих партий, разоблачающий варварский характер нейтронного оружия и призывающий народы действовать в пользу прекращения гонки вооружений, в особенности против гонки ядерного оружия.

1. Прогрессивная общественность ФРГ активно выступает против усиления гонки вооружений в США, вступивших на путь создания новой разновидности ядерного оружия — так называемой нейтронной бомбы. Массовые демонстрации и митинги протеста прошли во Франкфурте-на-Майне (на снимке), Гамбурге, Дюссельдорфе и других городах страны. Участники этих выступлений решительно осудили опасные планы американской администрации по развертыванию производства этого смертоносного оружия, по размещению его на западногерманской территории. Они также призвали покончить с многомиллиардной гонкой вооружений и принять конкретные шаги к разоружению. Фото ТАСС

2. Американский вклад в дело разоружения. Карикатура из еженедельника «Хорионт». (ГДР).

3. Участники традиционного похода Токио — Хиросима, требующие запрещения ядерного оружия и нейтронной бомбы. Фото Джапан Пресс — ТАСС

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕ

Ярославль. Новый квартал жилых домов.

Фото М. Савина

ГАРАНТИРОВАНО КОНСТИТУЦИЕЙ

«Граждане СССР имеют право на жилище».

Вот цифры, факты, рассказы-вающие, как осуществляется в Стране Советов это право, зафиксированное проектом Конституции СССР.

Каждые два года у нас вводится жилья больше, чем было в городском жилищном фонде дореволюционной России.

Два миллиарда квадратных метров жилья получили советские люди за последние сорок лет. А всего за годы Советской власти построено 3201,4 миллиона квадратных метров жилья. Только за две последние пятилетки построено жилья общей площадью более миллиарда квадратных метров.

56 миллионов человек за годы девятой пятилетки улучшили свои жилищные условия.

550 миллионов квадратных

метров жилья — такова контрольная цифра на десятую пятилетку. Партия потребовала от проектировщиков и строителей улучшить планировку квартир, строить добротнo, качественно, красиво.

Около 100 миллиардов рублей выделено на жилищное и коммунальное строительство в целом в десятой пятилетке.

Менее одной трети расходов государства на содержание жилья и коммунальные услуги составляет плата населения за эти услуги.

Около пяти миллиардов рублей ежегодно выделяет государство на ведение жилищно-коммунального хозяйства.

Квартирная плата в СССР остается неизменной с 1928 года. В семьях рабочих она не превышает в среднем 3 процентов доходов.

РИГА

ПЛАН- ЗАКОН!

Латвия строит много, охотно. Я мог бы назвать десятки поселков, городов, районов республики, в которых только за последние годы поднялись целые жилые кварталы, промышленные предприятия, пролегли новые и реконструированы уже существующие дороги. Особенно высокими темпами идет жилищное строительство. За годы Советской власти жилья построено в двадцать раз больше, чем в пору буржуазной Латвии.

Республика строит — значит, смотрит в будущее. Новые силы дает нам проект Конституции СССР. Вчитываясь в строки этого исторического документа, который широко, всенародно обсуждается сейчас, в год 60-летия Советской власти, и все более крепнет уверенность: намеченное будет сделано!

Проект Конституции — документ сегодняшнего дня, опирающийся на все доброе, зрелое, что достигнуто народами Советской страны в нашем братском, неразрывном союзе. Проект Конституции — документ, нацеливающий и на день завтрашний. Мы все заинтересованы в том, чтобы своим трудом, своими знаниями спо-

собствовать выполнению грандиозных задач, стоящих перед страной.

Большое дело слагается из дел частных. Трудом каждого богатеет, становится могущественнее наша страна.

Соотношу строки проекта Конституции со своей судьбой, с судьбами моих товарищей, тоже строителей, и отчетливо вижу, как правилен путь, которым мы идем.

Тем более недопустимо, когда что-то мешает этому. Конкретно я хочу сказать о планах и их выполнении. Как бывает досадно, если кто-то подвел стройку, не привез вовремя детали, материалы. Хотелось бы, чтобы незыблемость планов была зафиксирована в Основном Законе страны. Всякое отступление от плана недопустимо рассматривать как нарушение законодательства со всеми вытекающими отсюда последствиями. Да и не только в нарушениях дело. План, поднятый на законодательную высоту, станет еще весомее.

**Я. СТРЕЛЬЧ, строитель,
Герой Социалистического
Труда,
депутат Верховного Совета
Латвийской ССР**

МОСКВА

ОБЕРЕГАТЬ КРАСОТУ ЧЕЛОВЕКА

За последнее время все более часто, а если сказать откровенно, все более нагло и развязно выступают противники разрядки, недруги мира, пытаясь всеми доступными им способами, но прежде всего клеветой и измышлениями, оболгать и опорочить наш строй.

В частности, они болтают о мнимой «несвободе» советских художников, якобы ограничиваемых в своем творчестве всевозможными «запретами» либо «указаниями»... Экая же гнусная и мерзкая ложь!

Много лет уже, подчиняясь призванию, которое я ощутил в самые ранние годы, я работаю в советском кино как актер и режиссер. Мой труд — это моя жизнь и жизнь моего народа, живое средоточие моих взглядов, убеждений, мыслей, надежд, короче говоря, моя совесть. И кто же посмеет сказать мне да и всякому другому художнику, что в этом моем труде мы, дескать, не имеем необходимого нам, художникам, внутреннего простора! Мы ничем не связаны, никем не закабалены. Статья 39 проекта Конституции СССР утверждает полноту

всех прав и свобод советского человека, а статья 50 гарантирует нам свободу слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. И если я вовсе не желаю «свободы» делать порнографический фильм или картину, перенасыщенную убийствами и насилием, то поступаю прежде всего согласно собственным нравственным велениям, хотя они, конечно же, воспитаны во мне моей страной, моей партией.

Из-за рубежа, к сожалению, часто проникает на наши экраны грязь; под видом свободы творчества демонстрируются разврат, пошлость, аморальное поведение подростков...

Именно поэтому я бы хотел добавить в проект Конституции СССР слова о недопустимости проникновения в наше искусство произведений, дурно влияющих на формирование личности советского человека.

Мы растим нашу молодежь по законам душевной красоты. Эти законы следует больше ценить и бережнее охранять.

**Сергей БОНДАРЧУК,
народный артист СССР**

КТ КОНСТИТУЦИИ СССР

ВНОШУ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ТЮМЕНЬ

В вашем журнале № 28 читатель В. Нагибин, на мой взгляд, внес очень ценное предложение в новую Конституцию о ветеранах войны. Я бы сделал это дополнение несколько шире, а именно: «Ветераны Великой Отечественной

войны и ветераны труда, отмеченные орденами и медалями за доблестный труд в период войны, пользуются особым уважением и правами в обществе».

Всем известно, что без самоотверженного труда работников тыла нельзя было одержать победу над фашизмом. И забывать их никак нельзя.

М. САРГИН

БРЕСТ

Я, как и все воины Вооруженных Сил СССР, одобряю и поддерживаю в целом проект новой Конституции СССР. Считаю, что он является поистине народным и демократическим документом нашей жизни.

Считаю своим долгом принять участие в обсуждении и высказать свои предложения и дополнения.

В № 28 «Огонька» заслуженный учитель Азербайджана А. Ахундов внес свое дополнение в статью 67, призвав не только беречь и охранять природу, но и вести непримиримую борьбу с браконьерами. В этой же статье говорится о том, что забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей — долг гражд-

дан СССР. Прошлое нашей Родины бесценно для народа, и всякий вред, причиненный памятникам истории и культуры, является преступлением. Предлагаю еще одно добавление в статью 67: «Граждане СССР несут полную ответственность перед законом за причиненный вред наследию народа».

В статье 21 законодательством закреплена забота государства об улучшении условий труда, о сокращении, а в дальнейшем и полном вытеснении тяжелого ручного труда на основе комплексной автоматизации и механизации производства. Но хотелось бы, чтобы было сказано и о вытеснении «труда, вредного для здоровья человека».

А. КОВАЛЕНКО,
ефрейтор

БЕЛГОРОД-ДНЕСТРОВСКИЙ

Вступительная часть проекта Конституции СССР начинается с указания на то, что Великая Октябрьская социалистическая революция разбила оковы угнетения и создала Советское государство. Сразу же делается переход к тому, что Советская власть осуществила глубочайшие социально-экономические преобразования. И ни слова нет о таком значительном этапе в жизни нашей страны, как преодоление отчаянного сопротивления внутренней и международной реакции, развязавшей гражданскую войну, выступившей в крестовый поход против только что родившегося Советского государства. Предлагаю вторым абзацем записать:

«Становление Советского государства проходило в ожесточенной кровавой борьбе с иностранной интервенцией и внутренней

контрреволюцией. Эта борьба наглядно подтвердила жизнеспособность Советской власти, полную поддержку ее со стороны народа, выступавшего под руководством Коммунистической партии против капитализма, за социализм».

Почему необходимо такое дополнение? Оно воздаст должное тем, кто понес великие жертвы во имя торжества новой жизни. Но это одна сторона дела. Такие строки напомнят нашей молодежи, что преданность социалистическим идеалам была присуща советским людям с первых дней Великого Октября.

Дополнение будет иметь и международное значение. Оно напомнит кое-кому из западных руководителей, что трудящиеся нашей страны всегда безраздельно доверяли Коммунистической партии, шли за нею даже в самые трудные, критические периоды.

Г. ГРУДАЧЕВ

МИКУНЬ, КОМИ АССР

Горячо одобряю проект новой Конституции СССР, как новый, важный документ в жизни советского народа. В нем красной нитью проходит забота о советском человеке, человеке-хозяйине, человеке-труженике, человеке — защитнике своей любимой Родины.

Предлагаю внести дополнения и изменения в следующие статьи:

Статья 31:

а) Первый абзац дать в следующей редакции: «Защита социалистического Отечества есть важнейшая функция Советского государства, дело всех граждан СССР».

б) Третий абзац записать так: «Долг Вооруженных Сил СССР пе-

ред народом — надежно защищать социалистическое Отечество, быть в постоянной боевой готовности, гарантирующей неприкосновенность священных рубежей Советской Родины».

Статья 60:

а) после слов: «добросовестный» добавить слова: «эффективный и качественный...» и далее по тексту;

б) после слова: «деятельности» добавить: «с максимальным использованием возможностей средств механизации и автоматизации» и далее по тексту.

Статья 66.

Начало фразы изложить так: «Все граждане СССР, общественные организации и государственные органы», далее по тексту.

В. ЩЕРБИНА

ЛЕНИНГРАД

С большим удовлетворением и гордостью за свою великую Родину прочитали мы, советские граждане, проект новой Конституции СССР, вынесенной на всенародное обсуждение.

Мне, комсомольцу с 1923 года, члену КПСС с 1926 года, ветерану труда, награжденному пятью орденами СССР, довелось быть участником выполнения всех пятилеток.

Нелегко был путь построения социалистического общества в нашей (до революции нищей) стране. Но под испытанным руководством ленинской партии все трудности преодолены, и мы подходим к 60-летию юбилею Великого Октября с замечательными победами.

Хочется обратить внимание на то, что статьи новой Конституции не только утверждают настоящее, но и смотрят в будущее.

Об этом уже писал в № 31 «Огонька» летчик-космонавт СССР В. Севастьянов в своей статье «В защиту человека и земли». Как и он, хочу особо обратить внимание на статью 18:

«В интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного,

рационального использования земли и ее недр, растительного и животного мира, сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды».

Полностью одобряя эту статью, как и все другие, считаю необходимым внести сюда следующее дополнение:

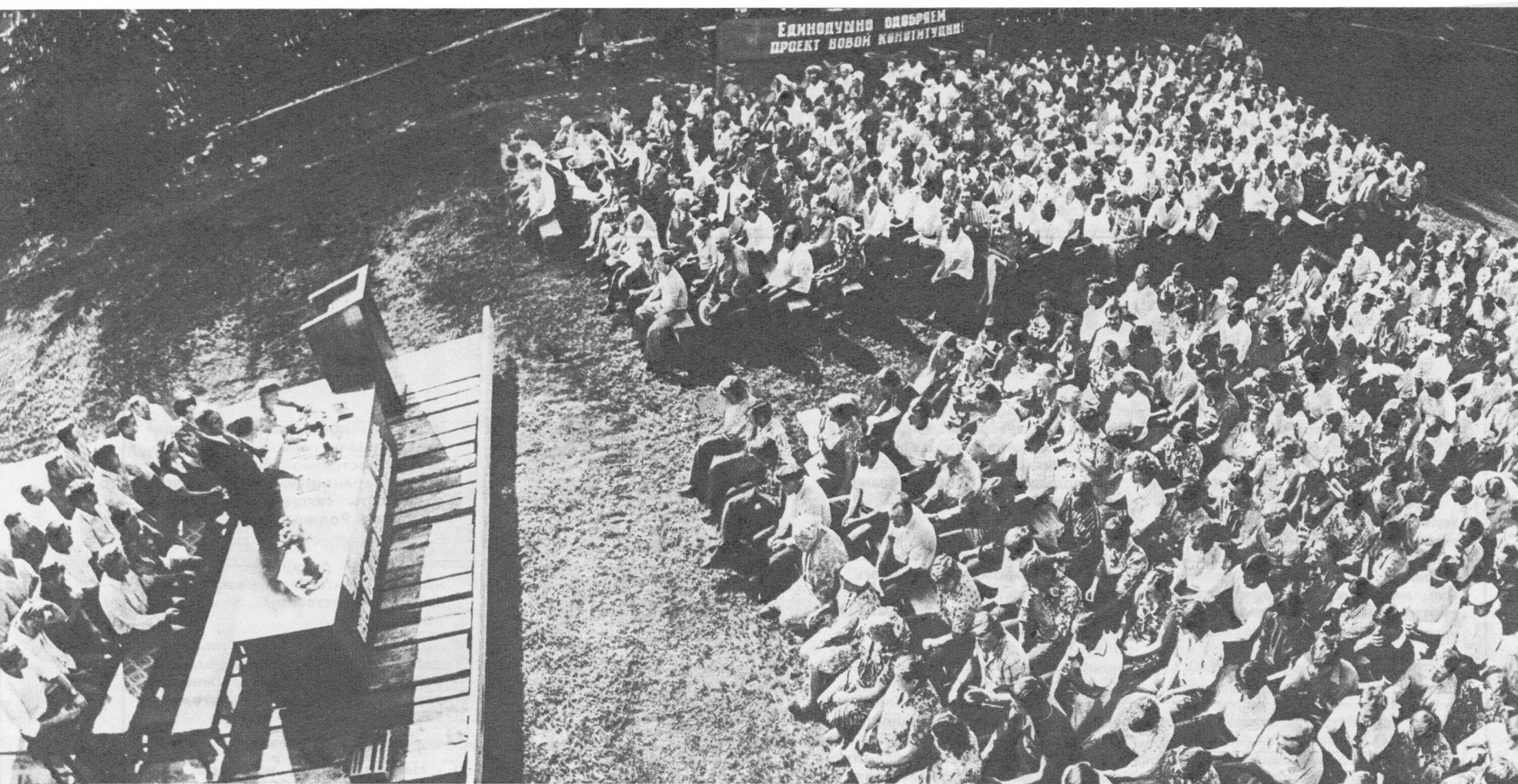
«Должностные лица и граждане СССР, виновные в невыполнении положений статьи 18, привлекаются к строгой ответственности по закону».

Предложение это вношу потому, что, к сожалению, есть еще случаи заражения водоемов неочищенными промышленными и бытовыми стоками с вредными примесями, убивающими все живое в воде. Во множестве озер и речек Ленинградской области, особенно близости к Ленинграду, нет рыбы, негде посидеть с удочкой. Для этого надо ехать за 100 и более километров от города.

Не забываются о чистоте воздуха работники ряда промышленных предприятий.

Упоминание об ответственности за невыполнение положений статьи 18 поможет устранить эти нарушения.

А. АЛЕКСЕЕВ,
персональный пенсионер РСФСР

Идет собрание.

Фото Г. РОЗОВА

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР

ОБЩЕКОЛХОЗНОЕ ОТК

Г. РОЗОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

В Подсоснове только рано утром и на вечерней заре ощущаешь, что находишься в деревне. Я приехал вечером, и ровно в девять все четыре широкие улицы заполнили стадо. Коровы степенно бодкались по асфальту, терлись боками о железобетонные фонарные столбы. Мальчишки, оседлав велосипеды, носились среди мычащих буренок, подгоняли их к домам. Через полчаса улицы опустели, зажглись фонари, зашпелили куда-то автомобили.

Колхоз имени Кирова, Славгородского района, Алтайского края, только за последние пять лет вложил в благоустройство села два миллиона рублей. Тут есть свой стадион, прекрасный спортивный зал, клуб, Дом быта, водопровод, газ, котельная для обогрева общественных зданий, трехэтажная школа, больница — все компоненты районного центра, включая телефонизацию.

И все-таки Подсосново — село не очень большое. Чуть больше пятисот дворов и около двух тысяч жителей. В колхозе работают 916 человек. Немного вроде бы, но хозяйство крепкое. В девятой пятилетке ежегодная прибыль составляла 1427 тысяч рублей.

Председатель колхоза Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Федор Федорович Шнайдер рассказывал мне о родном колхозе:

— К восьмидесятому году мы удвоим производство мяса, молока, шерсти. А задание у нас — рост на семнадцать процентов. Вы думаете, невозможно? — Федору Федоровичу показалось, что я сомневаюсь по части «удвоим», и он стал подробно объяснять, как и за счет чего будет достигнут этот рубеж. Суть сводилась к тому, что в Кулундинской степи с ее длительными засухами без орошения просто жить нельзя. Воду берут из артезианских скважин — сейчас поливают уже 573 гектара. Урожайность сена на поливном гектаре в десять раз выше обычной. Это уже фабрика кормов, не зависящая от погоды. Сегодня колхоз содержит 4700

овец и 430 коров. Для того, чтобы удвоить производство продукции животноводства, нужно в два раза увеличить поголовье скота, а значит, расширить орошаемые участки. На базе колхоза имени Кирова шесть соседних хозяйств создали межколхозное мелиоративное объединение. Оно «построит» только для подсосновцев еще 1500 гектаров орошаемых земель. Сена будет в достатке. А еще и солома. Раньше, когда ее просто скормливали животным, до тридцати процентов корма уходило под ноги коровам и овцам. Еще треть теряли во время уборки, потому что не было подходящей техники. А сейчас колхоз имеет двадцать комбайнов «Нива» с измельчителями и солома убирается полностью. Ее везут в собственный кормоцех, добавляют сено и комбикорм и перерабатывают в гранулы, которые буренки очень любят и в грязь, заметьте, не ваптывают.

И еще председатель рассказал, что подсосновцы, кроме коров и овец, держат лошадей, свиней, пчел, завели звероферму, теплицы, кирпичный завод построили, рыболовством занимаются.

...Председатель посмотрел на часы и напомнил: «Пора на собрание».

На стадионе играл духовой оркестр. Сельская ребятня важно дула в сверкающие трубы. Люди принарядились: шли на общеколхозное открытое партийное собрание. На повестке дня два вопроса: обсуждение проекта Конституции СССР и подведение итогов социалистического соревнования.

Секретарь парткома колхоза Вера Корнеевна Зайкова рассказала о проекте Основного Закона, напомнила односельчанам, что не всегда Подсосново было кирпичным и асфальтированным. Стояли тут, в голой степи, низкие саманные домики с земляными крышами и полами.

Всего тридцать лет назад выпускной восьмой класс в местной школе закончили восемь ребят, а в этом году шестьдесят семь старшеклассников получили свидетельства о среднем образовании. Сейчас в колхозе работают шестнадцать специалистов с высшим образованием, в разных вузах страны учатся восемнадцать подсосновских стипендиатов, каждому из которых хозяйство платит

шестьсот рублей в год, а семейным студентам оказывается дополнительная помощь.

В дома пришел достаток. Средняя зарплата составила сто шестьдесят рублей в месяц. Сельские магазины в прошлом году продали колхозникам товаров на 1 миллион 600 тысяч рублей.

Пока Вера Корнеевна говорила обо всем этом, я наблюдал за пенсионеркой Верой Сергеевной Герасимович. Она слушала доклад очень внимательно и изредка утвердительно кивала головой: «Правда, все правда...» Много лет проработала Вера Сергеевна в Подсосновое начальником отделения связи. Она хорошо помнит старое свое село. Жили скудно, и не всегда удавалось уговорить людей подписаться на газету. На ее глазах колхоз окреп, построили Дом быта, где связистам отвели отличное помещение. Кто-то, а она-то знает, какого труда стоило нынешнее процветание. Видимо, поэтому предложила пенсионерка к статье 60, где говорится о строгом соблюдении трудовой дисциплины, добавить: **лица, нарушающие ее, привлекаются к ответственности.**

Бригадир кормопроизводителей Александр Иванович Цицер говорил об успехах своих товарищей:

— Недавно мы закончили первый укос с орошаемых участков. Средняя урожайность сена составила двадцать восемь центнеров с гектара. Могло бы быть и больше, но не хватает воды. Старые

рант Всесоюзного научно-исследовательского института агролесомелиорации Яков Яковлевич Гавельганц напомнил односельчанам, что за последние четыре года в колхозе имени Кирова посажено 211 гектаров полезащитных лесополос, создано зеленое кольцо вокруг села и механизированного тока. Резко уменьшился ущерб, причиняемый хозяйству кулундинскими суховеями. Выросла урожайность пшеницы. В восьмой пятилетке она была 7,6 центнера с гектара, а уже в девятой — 15,6. Колхозники не только охраняют созданное природой, но и множат ее богатства. Строят искусственные пруды и рыбопитомник.

— Однако, — сказал Яков Яковлевич, — кое-кто губит деревья, берет чернозем, где вздумается, разоряет муравейники, браконьерствует. Каждый должен помнить, что, защищая зайцев, уток, муравьев, редкие в наших местах березки, мы защищаем самих себя. Но пока еще не все это поняли, необходимо бороться с нарушителями законов об охране среды. Я горячо поддерживаю положение, записанное в статье 67, где прямо сказано: «Граждане СССР обязаны беречь природу, охранять ее богатства».

Выступили на собрании молодая доярка Ольга Яук, и секретарь сельского Совета Валентина Ивановна Мягченко, и воспитательница колхозного детсада «Солнышко» Мария Васильевна Мейзер. Все они горячо одобряли проект Конституции.

Последним вышел на трибуну председатель колхоза Федор Федорович Шнайдер:

— Ныне каждый советский человек уверен, что он никогда не станет безработным, что он получит необходимое образование, что его дарования и таланты найдут развитие и применение, что его не бросят на произвол судьбы в случае болезни и он будет обеспечен на старости лет, что можно быть спокойным за свою судьбу и судьбу своих детей. И все это дала нам Советская власть, наша Конституция.

Общеколхозное открытое партийное собрание в селе Подсосновое единогласно постановило одобрить проект Конституции СССР.

Когда председатель колхоза вернулся в свой кабинет, мы продолжили разговор.

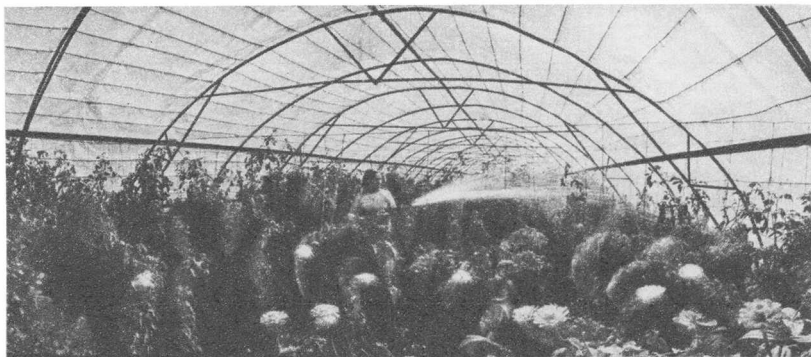
— К концу пятилетки нам, видимо, мало будет того, что есть сейчас. Мы уже мечтаем превратить наше Подсосновое в агрогород. И дома будут со всеми удобствами: с горячей водой, с канализацией, с центральным отоплением. Для этого надо построить пять стоквартирных домов, а нынешние прекрасные домики станут летними дачами колхозников. Деньги для этого мы бы и сейчас нашли, но не находим мощной строительной организации, которая взялась бы за такую работу. Приезжайте к нам года через три, многого не узнаете.

Уже прощаясь, я задал председателю последний вопрос:

— Почему Подсосновое так называют? Я не встретил на территории колхоза ни одной сосны.

— Тут недалеко от села есть рощица. Там раньше росло два десятка сосен. И село там же стояло. Сосны высохли. Всего две и остались, а название живет. Впрочем, теперь у нас есть вода, значит, обязательно вырастим новые. И зашумят в Подсосновое сосны.

Эти снимки — фотокомментарии ко всему тому, что говорили на общеколхозном открытом партийном собрании, обсуждавшем проект Конституции.

Под полиэтиленовым небом.

Поливные гектары.

Водные процедуры.

Обычный сельский вечер.

РЫТОЕ...

скважины наших потребностей уже не удовлетворяют. Еще в мае «Алтайводстрой» должен был пробить для колхоза четыре новых скважины, но до сих пор ничего не сделано. Огромный вред, и материальный и моральный, приносит такая нерадивость. Я думаю, что в Конституции нужна специальная статья, которая предусматривала бы строгую ответственность руководителей за невыполнение своих обещаний.

Проект Конституции законодательно закрепляет наши огромные достижения, — продолжал Александр Иванович. — Всех касается статья 43. Она гласит, что граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости. Многие колхозники уже давно ощутили действие этого положения. Они получают пенсии и ни в чем не нуждаются. Я думаю, целесообразно будет в статье 43 после слов «пенсиями по старости» добавить: «для женщин с 55, для мужчин с 60 лет, с предоставлением работы тем, кто сохранил хорошее здоровье».

Жителей Подсоснова серьезно беспокоит проблема охраны природы. Агролесомелиоратор, аспи-

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

60
ОКТАБРЬ

СТРОКА
В БИОГРАФИЮ
СТРАНЫ

ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ

1925 год. Страна переживала огромные трудности, многого еще не хватало, чтобы наладить мирную жизнь. Таджикская автономная республика в то время входила в состав Узбекской ССР. Грамотность, как известно, в обеих республиках до революции была на самом низком уровне. Повсеместно стали открываться общеобразовательные школы. Но не хватало педагогических кадров. Было решено создать в Таджикистане институт просвещения. Проект нового четырехэтажного здания был разработан ленинградскими архитекторами. Из Москвы, Ленинграда, Киева поступили учебники, книги для библиотеки, наглядные пособия, лабораторное оборудование, мебель для учебных кабинетов. Многие вузы страны направили на работу в новый институт опытных преподавателей. Так вся страна откликнулась на решение республики подготовить и воспитать свои национальные кадры педагогов, в которых Таджикистан столь нуждался. В 1928 году и я по путевке

комсомола был направлен в этот вуз. Я с благодарностью и любовью вспоминаю моих наставников-преподавателей Панкратова, Малицкого, Маджи, Брезовского, Ерзина и многих других. Преподавание велось на таджикском и узбекском языках. Некоторые лекции шли с переводом.

В институте обучались представители всех народов Средней Азии и даже из стран зарубежного Востока. Много лет прошло с тех пор, облик нового Таджикистана изменился, но мне приятно вспомнить свои трудные студенческие годы.

На снимке, сделанном в 1930 году, студенты географического факультета. В центре — декан П. Е. Маджи.

Может быть, глядя на эту старую фотографию, откликнутся мои однокурсники.

Махмуд АЗАМОВ,
ветеран войны и труда

Таджикская ССР,
Канибадам.

КОНКУРС

ПО СЛЕДАМ
СОВЕТСКОГО
ДИПЛОМА

5 июля 1952 года — замечательный день моей жизни. В этот день я получила диплом инженера-технолога Харьковского политехнического института имени Ленина. Советский диплом для меня очень много значит. Моей стране было нужно много новых специалистов, которые смогли бы применить свои знания в построении новой Болгарии.

После окончания института по распределению я поступила технологом на химический завод «Верил», недалеко от Софии, потом 10 лет работала главным инженером завода металлической литографии «Победа» в Софии, с 1964 по 1968 год в экономическом отделе по-прежнему НРБ в ГДР. После возвращения из ГДР была начальником отдела международных отношений в Госкомитете по бытовым услугам и Совете министров, позже, до октября

В ТЕ ТРУДНЫЕ ГОДЫ

прошлого года, заместителем директора научно-производственного объединения «Сланцевая промышленность».

Все эти годы я поддерживаю связь с институтом. Я переписываюсь с моим учителем — украинским академиком Атрощенко Василием Ивановичем. Эта переписка многое дает мне как специалисту и как человеку. Я не потеряла связь и с однокурсниками.

Группа болгарских студентов, которая в 1947 году уехала учиться в Харьков, состояла из шестнадцати человек.

Мы учились в очень трудное для СССР время. Совсем недавно окончилась война. Большинство советских студентов были одеты в военную форму, питание было скудное. Но мы чувствовали себя прекрасно среди советских людей, которые были примером для нас, эти люди с большим сердцем. Они учили нас трудолюбию, героизму, товариществу. Мы восхищались ими и хотели быть такими, как они!

Антоанета
ДЖУНДРЕКОВА-НЕНЧЕВА
София.

Этот снимок сделан 1 мая 1952 года. Я со своими сокурсниками Стефаном Мишевым (он теперь заместитель министра энергетики Болгарии) и З. Андреевой.

РУМЫНСКИЙ ДРУГ

В 1949 году я поступил учиться на агрономический факультет Кубанского сельскохозяйственного института, в котором и свела меня судьба с товарищем из Румынии. Его фамилия Рыпан, имя — Данилэ. Но я звал его Данилой. Мы с ним крепко подружились. Может быть, этому способствовало и то, что мы с Данилой оказались единственными парнями в нашей группе. Это был очень скромный, удивительно застенчивый и умный товарищ. Он очень интересовался жизнью нашего народа, нашей страны. В свою очередь, он много рассказывал о жизни румынского народа и о своем родном селе Стэнчени, где жили его родители. Самым памятным эпизодом нашей дружбы был один из дней в марте 1954 года, когда нам вручили дипломы об окончании института. Я держал в своих руках его диплом и видел в нем одни пятерки, а он рассматривал мой и видел в нем то же самое. Внизу подпись председателя государственной экзаменационной комиссии академика П. П. Лукьянен-

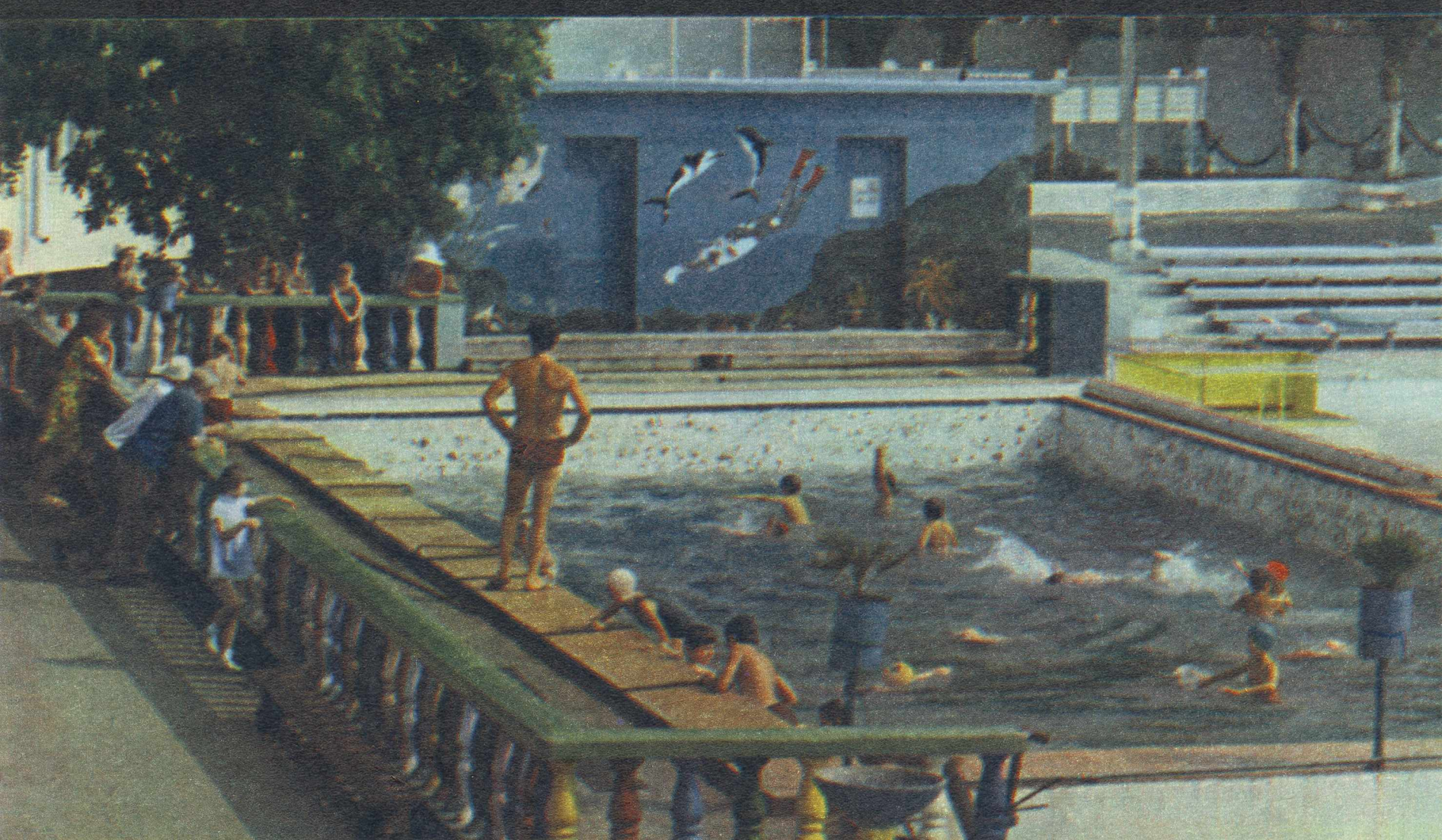
ко. Мы с Данилой крепко пожали друг другу руки. Учеба закончена. Настал и печальный час расставания. Данила со своими товарищами из Румынии и Венгрии еще оставался в Краснодаре, а нас, девятнадцать молодых агрономов, друзья провожали на целину на Алтай. Шумно и людно было на перроне Краснодарского вокзала. Я стоял в тамбуре вагона и с грустью смотрел в последний раз на такую милую улыбку своего друга.

Шестнадцать лет я проработал в Алтайском крае, из них семь лет — главным агрономом и девять лет директором совхоза. В настоящее время исполняю обязанности заместителя управляющего объединения «Сельхозтехника» в станции Кушевской, Краснодарского края.

Посылаю фотографию, где мы вдвоем с Данилой. Он — справа.

Н. В. МАТВЕЕНКО

станция Кушевская,
Краснодарский край.

«Статья 41. Граждане СССР имеют право на отдых. Это право обеспечивается 41-часовой рабочей неделей для рабочих и служащих и сокращенным рабочим днем для ряда профессий и производств, сокращенной продолжительностью работы в ночное время; предоставлением ежегодных оплачиваемых отпусков, дней еженедельного отдыха, а также расширением сети культурно-просветительных и оздоровительных учреждений, развитием массового спорта, физической культуры и туризма; созданием благоприятных возможностей для отдыха по месту жительства и других условий рационального использования свободного времени...».

Из проекта Конституции СССР

ГОРОД В СПОРТИВНОЙ МАЙКЕ

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧНИНА

До сих пор не знаю, что это было — везение или неудача, но когда мы разыскали в недрах Севастопольского жилищного управления — организации, занятой насущными проблемами жилья, — Зою Артемьевну Астахову, «физкультуркомандующую», как мы вскоре нарекли эту бесконечно воодушевленную своим делом женщину, то узнали от нее, что в городе из четырнадцати ее помощниц мы можем найти лишь одну, и притом самую молодую, всего три недели как приступившую к работе. Все остальные, самые опытные, с успехом развивающие физкультурно-массовую и оздоровительную работу по месту жительства, сейчас находятся вместе со своими питомцами за городом — в районе легендарной Сапун-горы, где проходит физкультурная игра «Рубеж»...

Так волею обстоятельств мы встретились с педагогом-организатором детско-подросткового клуба «Горизонт» Надей Антонченко, а не с Людмилой Ивановной Боролю, вот уже восемь лет успешно работающей в микрорайонных клубах, и не с Любовью Стефановной Бойник, пять лет бессменно руководящей клубом «Глобус». Но в конце концов это и помогло нам быстрее убедиться в том, как физкультура, как она стала необходимой им. Ведь в том, что многолетние деревья глубоко уходят своими корнями в землю, нет ничего удивительного, а вот что саженцы быстро принимаются — говорит о многом.

Ребята из Стрелецкой бухты, как до сих пор называют в городе четвертый микрорайон Севастополя, — сплоченный коллектив, многие из них друзья с самого детства и привыкли проводить свой досуг вместе в клубе. Боль-

шая часть этого досуга посвящается физической культуре, и вот в этот дружный, сплоченный коллектив однажды пришла маленькая, молчаливая женщина, похожая на нового члена клуба «Горизонт», а не на тренера. Сможет ли Надежда Антонченко найти общий язык с горизонтовцами? Этот вопрос немало тревожил Зою Артемьевну Астахову, но, узнав историю Нади, она поверила в нее.

Надя оказалась коренной жительницей Севастополя. Она выросла на рабочей Северной стороне, поступила в ПТУ и стала заниматься спортом в «Трудовых резервах». На стадионе «Чайка» Надя увлеклась бегом на средние дистанции, почувствовала тягу к тренерской работе и уехала из родного города учиться на спортивном факультете Львовского института физкультуры. И вот она вернулась в Севастополь с дипломом, да еще кандидатом в мастера спорта в беге на 800 метров.

И ребята из клуба «Горизонт» очень быстро приняли в свою среду нового педагога-организатора. Уже через несколько дней после появления Нади Антонченко в клубе она провела первую тренировку бегунов, облюбовав для этого тропинки легендарного Херсонесского мыса. Потом быстро ожила опустевшая была спортивная площадка, разбитая прямо перед домами, и теперь здесь каждый вечер после работы собираются поклонники баскетбола и волейбола, и большие и малые, а Надя — непременный участник всех турниров, в которых дети часто выступают против родителей. Такое соперничество ни у кого в четвертом микрорайоне не вызывает опасений, и члены совета клуба «Горизонт», его председатель десятиклассница Светлана Подгурская помогают своему новому педагогу чем могут. Так, с помощью актива клуба Надя организует сейчас группу бегунов, и, видимо, легкая атлетика получит в «Горизонте» постоянную прописку.

Зоя Артемьевна Астахова всячески поддерживает пристрастие педагогов-организаторов к тем или другим видам спорта. За всем ведь угнаться невозможно, пусть же каждый клуб имеет не только свое оригинальное название, но и свое «фирменное» увлечение. По этому пути и развивается физкультурная работа в микрорайонах Севастополя. В клубе «Андро-

меда» тренер «Спартак» Анатолий Левищев, тоже питомец Львовского института физкультуры, собрал вокруг себя молодых боксеров. Члены клуба «Виктория» предпочитают футбол, и там тренер-общественник Евгений Ребенков уже собрал несколько команд, а члены клуба «Романтики» — завязанные туристы.

При таком широком диапазоне спортивных интересов, конечно, одному педагогу-организатору никак не справиться, и все детско-подростковые клубы привлекают тренеров-общественников. Но где же найти таких тренеров? Да они под самым боком у клуба! Это жильцы микрорайона, когда-то сами состоявшие членами клубов, а теперь помогающие воспитывать молодежь. Это тренеры и педагоги физического воспитания из школ, шефствующих над детско-подростковыми клубами. Каждый из 14 клубов имеет своего шефа — школу, а над клубом «Горизонт» шефствуют сразу две школы — № 29 и № 35. Но и этим круг помощников педагогов-организаторов не ограничивается. Им помогают тренеры из детско-юношеских спортивных школ города. Вот и Надя Антонченко собирается попросить помощи у инструктора физкультуры детско-юношеской школы № 1 Игоря Дмитриевича Червенко.

Игорь Дмитриевич — специалист с большим стажем, он успешно занимается и с пожилыми жителями четвертого микрорайона и с малышами. Ранним утром Игорь Дмитриевич встречается с бабушками, а вечером с их внуками. В группах у Игоря Дмитриевича занимаются те, кому давно уже за пятьдесят, а то и за шестьдесят, а с пяти часов дня он учит плаванию на водноспортивной базе «Нептун» шестилетних и семилетних.

Мы побывали и на утренних и на вечерних занятиях Игоря Червенко, и он нам сказал:

— Да у меня все шиворот-навыворот: утро, которое всегда символизируется с юностью, начинается у меня с тренировки старичков, а вечер посвящен молодежи.

Все дело в том, что утренние питомцы Червенко, несмотря на свой пенсионный возраст, полны сил, и многие из них прямо из гимнастического зала направляются на работу, а малышей приводят в бассейн мамы и бабушки после окончания рабочего дня.

Водноспортивная база «Нептун» расположена на открытой воде в Северной бухте и состоит из большого бассейна и малого, мелкого, в котором занимаются малыши. Месяц Игорь Дмитриевич учит своих маленьких учеников держаться на воде, а затем они из мелкого бассейна, где им море по колено, переходят на плавательные дорожки, к новым воспитателям, которые отбирают тех, кто способен показать высокие результаты. Чем «Нептун» не шутит! Ведь выросла же в Севастополе олимпийская чемпионка Галина Прокуменщикова!

Во многих городах физкультурная работа один из важных разделов деятельности городских жилищных управлений, а в Севастополе она получила особенно широкое развитие. Недаром нынешней весной именно здесь прошло всесоюзное совещание-семинар, на котором обсуждались вопросы дальнейшего развития физической культуры и спорта по месту жительства. Десять тысяч маленьких севастопольцев занимаются спортом по месту жительства, и от них стараются не отставать их родители. С помощью городского Спорткомитета расширяется материально-спортивная база подростковых клубов, и они имеют уже сейчас тридцать спортивных игровых площадок, восемь комплексных баз, пять теннисных кортов.

...Если раньше Севастополь называли городом в матросской тельняшке, то теперь он стал еще и городом в спортивной майке.

Ира Лисицина. * Игорь Дмитриевич Червенко — инструктор физкультуры. * Светлана Подгурская — председатель совета клуба «Горизонт». * Надежда Антонченко со своими питомцами из клуба «Горизонт». * Новая спортивная арена.

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ

СЕМЬЯ, ШКОЛА И ГОСУДАРСТВО

О. Д. КИНКЛАДЗЕ,
министр просвещения
Грузинской ССР,
профессор,
доктор педагогических наук

Я пишу эти строки, когда по всей стране с нарастающей силой движется волна всенародного обсуждения проекта Конституции СССР. Опубликование этого выдающегося документа современности, имеющего поистине эпохальное значение, совпало с важной и ответственной школьной экзаменационной порой, которая как бы демонстрировала зафиксированные в проекте Конституции права граждан СССР на образование. И все, что касалось этого права, в нынешние дни выглядело особенно зримо, подчеркнуто убедительно: и бесплатность всех видов образования; и всеобщее обязательное среднее образование молодежи; и размах профессионально-технического, среднего специального и высшего образования; и широкие перспективы духовного и физического развития, возможность выбрать любимую специальность.

Размышляя о проекте Основного Закона нашей жизни, я ставлю перед собой вопрос: что надо сделать, чтобы гарантированное Конституцией право на образование осуществлялось как можно полнее, чтобы преодолеть, в частности, образовавшийся в воспитательном процессе некоторый разрыв между словом и делом, какой должна быть атмосфера в школе, при которой слово обязательно подкреплялось бы делом.

Готовя молодежь к жизни, мы должны создать в наших учебных заведениях объективные условия для того, чтобы сегодняшний школьник завтра был готов выполнить предусмотренные Советской Конституцией гражданские обязанности. Известно, что первейшая такая обязанность — добросовестный труд в избранной тобой области общественно полезной деятельности, строгое соблюдение дисциплины. Это надо твердо знать. И не только знать. Нужно готовиться к трудовой деятельности и привыкнуть соблюдать дисциплину, которую, кстати говоря, в большинстве случаев наруша-

ют пришедшие на производство вчерашние школьники. Именно в этом, на мой взгляд, и сказываются упущения в процессе воспитательной работы, которая ведется главным образом с помощью словесных методов, не подкрепляемых хорошо организованной практической работой в межшкольных учебно-производственных комбинатах, в учебных цехах на предприятиях, пришкольных участках, обрабатываемых на уровне современных требований агротехники. Словом, тут должна куда более активно проявляться связь обучения с жизнью, производством, развитием системы профессиональной ориентации, о чем так лаконично, но емко сказано в статье 45 проекта Конституции.

Недавно я встречался с выпускниками одной из тбилисских школ. Разговор был непринужденный, откровенный, товарищеский. Речь шла о том, что дала школа и что хотелось бы получить от нее за ушедшее в прошлое десятилетие. Беседовали о том, как думают жить, чем будут заниматься. Говорили и те, кто собирался на завод, и те, кто — в средние специальные учебные заведения, и те, кто — в вуз.

Я все время задавал один и тот же вопрос: почему именно на этот завод, а, скажем, не на соседний? И почему именно слесарем, а не токарем, например? Почему в медицинский, но не в другой какой-нибудь институт? За редким исключением меня не удовлетворили полученные ответы. Их не смогли обосновать, аргументировать из-за отсутствия доказательных доводов. В медицинский, например, шли потому, что хорошо усвоили физику, химию, биологию. Та же аргументация у поступающих в политехнический. Юноши и девушки шли учиться, не имея отчетливого представления о специфике, условиях и характере той работы, которой придется заняться после завершения высшего образования и получения специальности. Многие, выбрав будущую профессию врача, еще даже не заглядывали в больницу и понятия не имели о том, что такое работа в поликлинике или сельской амбулатории. Мало кто побывал на стройке из тех, кто решил стать инженером-строителем.

В этом сказывается главный недостаток в нашей работе по профессиональной ориентации, в этом проявляется все еще слабая связь обучения с жизнью, с производством.

Создание благоприятных условий для трудового воспитания в школах — это дело не только министерств просвещения, их местных органов, школьных педагогических коллективов. Это забота и отраслевых министерств, ведомств, трудовых коллективов предприятий промышленного и сельскохозяйственного производства и, конечно же, партийных, советских органов.

Именно к этому я и призвал своих коллег, руководителей республиканских министерств и ведомств, на недавно состоявшемся пленуме ЦК Компартии Грузии, обсуждавшем вопрос «О проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик и задачах партийной организации Грузии, вытекающих из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на майском (1977 г.) Пленуме ЦК КПСС». Такой совместный подход к этой чрезвычайно важной проблеме, несомненно, поможет укреплению связи обучения с жизнью, с производством, поможет совершенствованию профессиональной ориентации.

По моему глубокому убеждению, с проблемой профессиональной ориентации непосредственно связан и наблюдаемый в педагогической практике некоторый либерализм в оценке знаний учащихся. Такой либерализм учителей тоже неправильно ориентирует учащихся, у них создается ложное представление, будто они смогут запросто выдержать конкурсные экзамены и успешно продолжить учебу в высших учебных заведениях. Отсюда пустая трата времени, разочарованность иных молодых людей, которые после неудачи на вузовских вступительных экзаменах вынуждены искать место на «запасных» жизненных путях. А это нередко оказывается делом нелегким.

Советская Конституция предоставляет гарантированное право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием и учетом общественных потребностей. Воспитывая будущих граждан, помогаая школьникам сориентироваться в выборе профессии, мы должны особое внимание уделить этому учету общественных потребностей. И мы не можем мириться с тем, что порой либерализм в

оценке знаний школьника дезориентирует его в профессиональном отношении, осложняет и без того непростое дело выбора будущей профессии.

Проект Конституции побуждает несколько по-иному взглянуть на некоторые аспекты воспитательной работы, в частности на практику применения методов формирования у школьников общественного поведения и опыта общественных отношений.

Известно требование А. С. Макаренки о том, что детская жизнь должна быть организована как опыт, воспитывающий определенную группу привычек. Именно в этом требовании реализуется важнейшая закономерность воспитания: чтобы воспитать определенные качества у детей, нужно ставить их в условия, при которых эти качества постоянно проявлялись бы и закреплялись. Вот и проводил творец «Педагогической поэмы» со своими коммунарами ночные походы, практиковал ночные дежурства и, ставя их в эти условия, воспитывал в них смелость, умение преодолевать страх.

А мы что делаем? Мы разговариваем. Беседуем, читаем лекции, рассказываем, объясняем, призываем и... проводим различные мероприятия. За такой односторонний, лишь словесный, разговорный подход к воспитательным делам нас словно бы постоянно упрекает педагогическое учение А. С. Макаренки. Оно напоминает нам, что, сколько бы мы ни создавали правильных представлений о том, что нужно делать, без воспитания привычки мы ничего не воспитаем.

На граждан СССР возложена чрезвычайно важная обязанность «заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества». О проблемах семейного воспитания и семейной педагогики большой и интересный разговор шел на состоявшемся недавно IV съезде учителей Грузии. Тогда же депутаты съезда высказались за учреждение в Грузинской ССР республиканского общества родителей. Сейчас эти предложения уже реализуются. Решено создать такое общество с целью лучшей мобилизации усилий родительской общественности и повышения роли семьи в воспитании детей, а также для осуществления «педагогического всеобуча» и научной организации пропаганды педагогических знаний среди родителей.

КОНСТИТУЦИИ СССР

Вся наша деятельность по воспитанию юношей и девушек должна быть подчинена решению задачи огромной важности — готовить сегодняшнего школьника к выполнению им завтра своих важнейших обязанностей. Таких, как служба в Вооруженных Силах СССР и защита Родины, бережное отношение к социалистической собственности и охрана природы, забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей и т. д.

Но, повторяю, на одних призывах тут далеко не уедешь. Чтобы воспитать у молодого человека бережное отношение к социалистической собственности, нужно еще на школьной скамье приучить его рачительно относиться к школьному имуществу. И не вообще, а конкретно, предметно, практически: к библиотечной книге, наглядным пособиям, к оборудованию, различным материалам и техническим средствам, ко всему тому, что куплено на народные деньги. И не только беречь все это, но и уметь в случае надобности отремонтировать, привести в порядок, продлить жизнь учебному оборудованию, школьной мебели... А начинать следует с учебников. Отсюда легко можно перекинуть мост к дереву, лесу, природе, к проблемам ее охраны и защиты. Не может человек стать их надежным защитником, если он с детства не приучен ухаживать за зелеными насаждениями, не ждет перелета птиц и не готовит для них гнезда, корм и т. д. Говорят, что городские дети лишены такой возможности. Это неправда. Небольшие пришкольные участки можно иметь и при многих городских школах. Такие участки при настоящей заинтересованности появятся и по месту жительства — в новых микрорайонах, где имеется немало внутриквартальных площадей. Мы намерены привлечь школьников в порядке шефской работы к уходу за городскими парками, бульварами, зелеными площадками.

Вместе с тем мы активно ищем пути к тому, чтобы превратить процесс изучения биологии, ботаники, зоологии, даже астрономии в средство живого общения с самой природой, превратить этот процесс в «уроки мышления на природе», как это удивительно хорошо умел делать В. А. Сухомилинский. Наши сельские школьники, в частности жители сейсмических районов Грузии, могут и должны стать общественными корреспондентами, предупреждающими о воз-

можных землетрясениях и других стихийных бедствиях. Многовековой опыт наблюдений учит, например, что перед землетрясением животные ведут себя необычно, что теплее становится вода, есть и другие признаки. Хотим приучить школьников наблюдать за этими сигналами природы, фиксировать их, анализировать.

Вряд ли стоит доказывать и то, что заботиться о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей будет лишь тот, кто знает их историю, видел их и как бы «лично знаком» с ними. Именно с целью воспитания у школьников этого важного конституционного долга мы и намерены шире практиковать, особенно в каникулярное время, посещения школьниками исторических памятников Грузии.

Перечитывая проект Конституции СССР, задумываешься и над некоторыми вопросами, связанными с принципами национально — государственного устройства нашей социалистической Родины. Мы решили отметить начало каждого нового учебного года торжественным актом — над зданием школы под звуки Государственного гимна взвонится Государственный флаг СССР. Думается, что такая традиция будет способствовать воспитанию с детских лет чувства глубокого уважения к Государственному флагу и гимну, поможет воспитанию школьников в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма.

Расширение и углубление социалистической демократии как главное направление проекта Конституции СССР должны, на мой взгляд, найти отражение и в народном образовании. Не назначать директора школы, а избирать его на заседании педагогического совета, и чтобы периодически он отчитывался перед коллективом учителей — мы вводим такую училку.

...В пору самой активной подготовки нашего народа к празднованию 60-летия Октября начнется новый учебный год. Это ко многому обязывает нас. В ходе обсуждения проекта Конституции педагогами, работниками органов народного образования было высказано много соображений, смысл которых сводится к главному — в условиях развитого социалистического общества надо поднять на качественно новую ступень коммунистическое воспитание, духовное и физическое развитие молодежи, подготовку ее к труду и общественной деятельности.

ФУНДАМЕНТ ПОДЛИННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Л. Р. ЧАРИ,
адвокат,
генеральный секретарь
индийско-советского Общества
культурных связей

В СССР опубликован проект новой Конституции, который комментируют во всех уголках мира. Закоренелые противники социализма, мирового сотрудничества социалистических государств утверждают, что Конституция СССР всего лишь пропагандистский документ и соответственно проект Конституции СССР не имеет смысла. Самозванные хранители «чистоты марксистской доктрины» заявляют, в свою очередь, что руководители СССР «разоблачили» свой так называемый «ревизионистский» характер, «отказавшись от идеи диктатуры пролетариата».

Однако все, кто не является врагами социализма, кто честно хочет понять значение этого проекта Конституции СССР, стараются трезво и глубоко его изучить, сравнить новый проект с действующей Конституцией 1936 года, понять вносимые изменения, их обоснование и долгосрочное значение.

Я говорю «долгосрочное значение», потому что, хотя и твердо придерживаясь мнения, что ни один закон, даже конституционный, не может оставаться в силе на все времена, тем не менее считаю, что конституция страны воплощает главные черты характера ее экономической, социальной и политической системы и поэтому, по самой природе вещей, конституционные положения имеют или по крайней мере должны иметь долгосрочное значение.

Мне как жителю другой страны кажется, что самой знаменательной чертой последних четырех десятилетий является растущая социальная однородность советского общества. Это нужно было отразить в советском Основном Законе, что и сделано в разделе «Основы общественно-политического и экономического строя».

Примечательной чертой проекта является, на мой взгляд, и то, что статья 7 конституционно санкционирует участие таких массовых организаций, как профсоюзы, комсомол, кооперативы и др., в управлении государственным, общественными делами и в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов.

Это нечто совершенно новое в формулировке конституционных

положений в том смысле, что общественные организации наделяются четко определенными государственными и политическими функциями. Где можно найти конституционные положения, наделяющие общественные организации четко определенными государственными и политическими функциями? Нигде, кроме социалистического мира. Вот почему статья 8, характеризующая основное направление развития политической системы, говорит о «все более широком участии трудящихся в управлении делами общества и государства...».

Это не только новое положение, но оно имеет далеко идущее значение. Конституция рисует картину общества, где массы непосредственно участвуют в организованной форме в практическом управлении государством, где дела государства будут вершить не только государственные органы, а весь народ, и ясно указывает, какими средствами это будет осуществляться.

Не удивительно поэтому, что Л. И. Брежнев отметил: «В целом можно сказать, что **главное направление того нового, что содержит проект, — это расширение и углубление социалистической демократии**».

В области основных прав граждан, помимо приведенных выше новых положений, некоторые другие положения отражают гигантские успехи, достигнутые СССР за последние сорок лет.

Статья 40 предоставляет советским гражданам право на труд. Старое положение о праве на труд усилено положением о том, что это право **включает** «право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием...».

Далее, существует новая статья 44, предоставляющая советским гражданам основное право на жилище — конституционное право на обеспечение жильем, которое государство обязано проводить в жизнь. Какой резкий контраст с обстановкой в капиталистических странах, где царит жилищный кризис и миллионы людей лишены крова над головой!

Вот лишь несколько черт, которые поражают при ознакомлении с проектом Конституции. Это очень важный документ, который требует еще глубокого изучения. Но уже сейчас ясно, что его положения являются руководством к строительству коммунистического общества в Советском Союзе, это фундамент подлинной демократии.

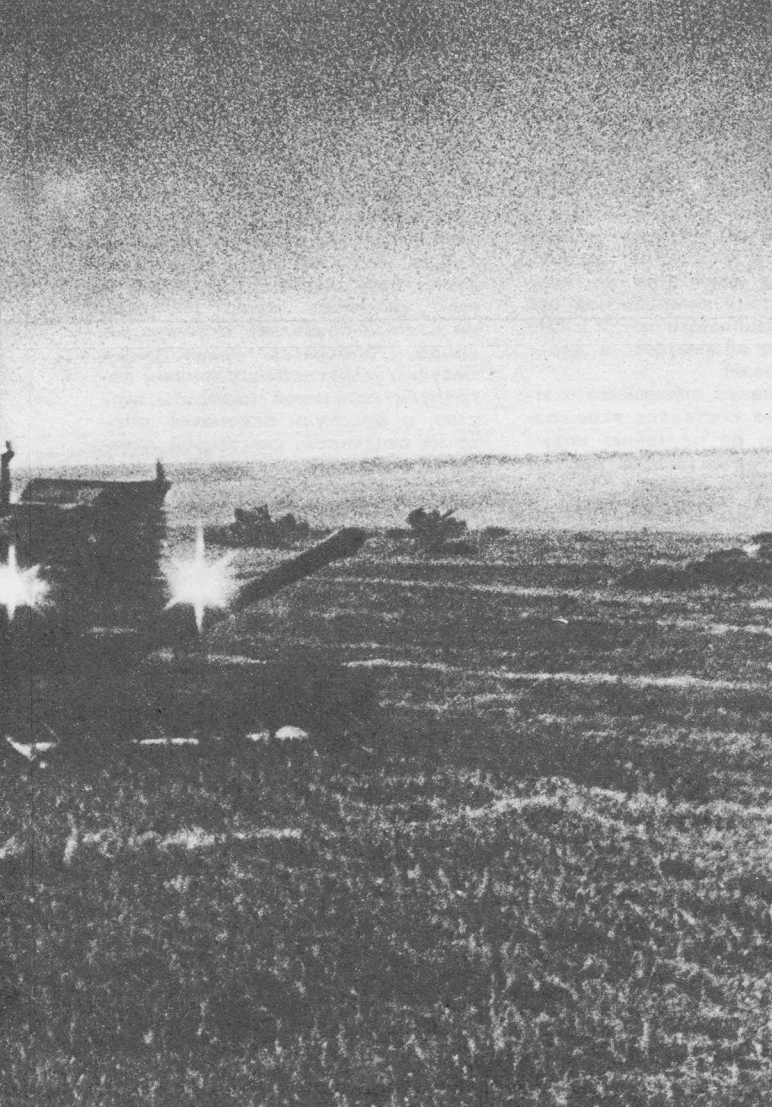

Ночная смена

Ц В Е Т З Е

Трубецкой хлебоприемный пункт.

От первой до десятой

Николай БЫКОВ,
фото А. ГОСТЕВА

«Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т. е. за коммунизм)».

В. И. ЛЕНИН

В 1913 году в России было 6,4 миллиона деревянных и железных плугов, 35 миллионов лошадей, всего 165 тракторов в помещичьих хозяйствах.

К 1917 году в Россию было завезено 1500 зарубежных тракторов.

В апреле 1921 года В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома «О развитии сельскохозяйственного машиностроения».

За последние 10 лет колхозы и совхозы приобрели более 3 миллионов тракторов. В 1976 году промышленность дала 576 тысяч тракторов — за каждый месяц десятой пятилетки тракторов выпускается в 1,5 раза больше, чем за весь 1940 год.

В десятой пятилетке сельское хозяйство должно получить 1 900 000 тракторов.

С главного конвейера завода «Ростсельмаш» каждые 5 минут сходит комбайн «Нива».

3,4 миллиона гектаров — зерновой клин Дона; в нынешней жатве участвуют 32 тысячи комбайнов и жаток.

М Л И

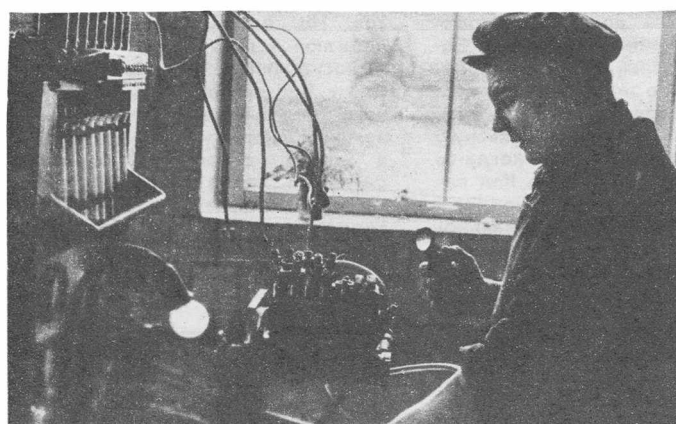

«ГИГАНТ»: хлебная индустрия. * Там, где поднимали целину. * Полвека зерновой фабрики в Сальской степи. * Ответ писателю. * Мальчишки гонят тракторы в ночное. * Юбилейный урожай.

гроза, и зеленые струи ливня тянутся к земле. А внизу — горячие сторонние ветры выются в листьях тютоны и смуглых черешен, шмели злятся, что рано отцвела белая акация. И все шумит — дождя, шоссе, ветров, снующих с гудом жесткокрылых — сливаются в один, общий, почти не-красовский зеленый шум. То голос земли полей, поднявшей новые колосья к небу беспокойного лета. Они еще зеленые — и стебли, и листья, и колосья «донской остистой», но уже пробегают степью крутые волны счастливого напряжения, с каким солнце переливается сквозь бесчисленные призмы хлорофилла в младенческие зерна пшеничных и ячменных растений. Видно, что нелегко урожке земле держать и лелеять урожай Сальской степи, извечно открытой бичам желтого «астрханца». И не одно сердце изболелось в нынешнем июне, предвидя, с каким усилием на этот раз дозревать хлебу за Доном. Небы-

С

альская степь в пору июня. Мир зелен, чист, свеж. Зелено все вокруг, кажется, даже небо над зелеными полями и садовыми зарослями отдает зеленым — там зарождается новая

вало великая зеленая масса урожая будто притягивает к себе шумные неурочные ливни. Самые стойкие сорта, еще не выжелтевшие и не наливающие зерна, стали было никнуть, пытаясь в напряжении заданной работы выстоять и скоро отдать людям ниву высокой спелости.

Земля вокруг Сальска никогда не знала достаточной влаги, ее собственные бросовые растения были бескровны и белесы, как пыль редких степных дорог. Но прошлые этих мест теперь можно представить себе только по выгоревшим фотографиям, собранным в совхозном музее. А за окном который год сочный, влажный цвет мая не сходит почти до страдного июля. Каждый квадратный метр новых сальских полей (в том же знаменитом орденосном совхозе «Гигант») теперь уже держит пятьсот и более злаковых растений. И не верится, что ей, все той же старой сальской земле, не под силу были вот эти, такие очевидные сегодня полтора-два пуда хлеба на гек-

прочнее прочного, но и неуклонно растет. Хлеб всему голова — эта фраза нынче звучит на сотне языков в мире, даже японцы почувствовали вкус печеного хлеба, стали завозить зерно на острова. Так что нет более актуальной заботы, чем производство именно товарного зерна. Например, в том же сальском «Гиганте» товарность — то бишь доля проданного зерна — поднялась до семидесяти процентов; такое достижение — результат специализации, интенсификации зернового хозяйства. Агрономы Дона видят огромный резерв фабрик зерна именно в сокращении разрыва между урожайностью, достигнутой передовиками, и средней — по области.

Инженерное мышление, перевод зернового хозяйства на промышленные рельсы помогли хлебное поле превратить в самый передовой цех многих фабрик зерна. И самый рентабельный. Помнится, с каким недоверием и желанием опровергнуть самые естественные и благоприятные выводы встретил один читатель мой очерк о жизни

тунова, за три года сложился в новую технологическую поточную линию. У нынешних степных косарей и секунда — работница! А час порою решает судьбу урожая стоимостью в миллионы рублей. Ибо средняя выработка на комбайн при новой комплексной организации машинного труда в степи сразу же возрастает в два с половиной раза!

В самый канун юбилейной жатвы в Ростове состоялся всесоюзный семинар по изучению новых форм и методов работы партийных организаций области с кадрами сельского хозяйства. Именно с кадрами. Этот вопрос неотделим от практики внедрения новых технологий на селе, потому что работают на машинах все те же люди. Двухсотпудовый урожай одно звено убирает с двух-трех тысяч гектаров за десять суток. И при этом каждый комбайн поточного звена выдает по тысяче и больше центнеров зерна за сутки. Побеждают люди, — мы прежде всего должны осознать и оценить высокую квалификацию испол-

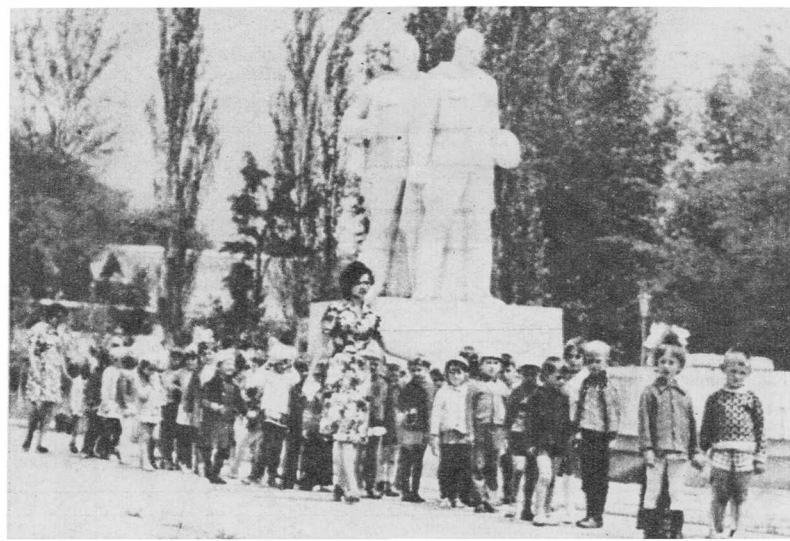
нителей, неких нишвановых, королевых, трубецких!..

На разъезде Трубецкой десант энтузиастов совхозного строительства высадили в такую же вот зеленую летнюю пору 1928 года. Замах был поистине революционный: распахать степь. Ни дать, ни взять — появились в безлюдье среди бросового разнотравья безусые марксисты-аграрники, нагрянули практикой поверять теорию, и дрогнули задонские дали от их отчаянной, счастливой жажды преобразовать унылый мир.

У этого натиска и жаркой работы первых была своя предыстория. Еще в самом начале апреля 1917 года в ночном поезде, мчавшемся в Петроград, Владимир Ильич, набрасывая исторические «Апрельские тезисы», сформулировал мысль о необходимости небывалой — социалистической — формы хозяйствования на земле: «Создание из каждого крупного имени (в размере около 100 дес. до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хо-

Писатели в гостях у хлеборобов зернограда.

Четвертое поколение гигантовцев.

таре, — когда? Да совсем еще недавно. На нашей памяти... Сейчас Сальская степь способна строить такой урожай, и терпит она такую нагрузку, и зеленые вертикальные ливни теперь уже не вдруг могут положить хлебные растения сальских зерновых фабрик.

Сохранилась фотография: Максим Горький, только что вернувшийся из-за рубежа на родину, произносит речь перед теми, кто пахал в то лето Сальскую степь. «Чему учит «Гигант»?» — спрашивал восторженный человек, и отвечали ему тысячи глаз энтузиастов, их обгоревшие лица, белые ресницы, черные, в ссадинах и керосине руки машинных пахарей...

Чему учит, чему научил «Гигант», бывший зерносовхоз № 1, детище первой пятилетки, «альфа» нашей зерновой индустрии?

2

Производство зерна было и остается главным для здоровой экономики — и мерилом культуры хозяйствования, и показателем народного благосостояния, и, в частности, базисом развития животноводства. Цена на зерно в мире не просто стабильна, не просто

и успехах знаменитого донского звена Героя Социалистического Труда Н. В. Бочкарева. Читатель из Зауралья, он сам бывший механизатор, работал когда-то даже инженером МТС, — так вот такой опытный человек не мог поверить и не поверил в реальность технического достижения на жатве первого в стране транспортно-уборочного комплекса в 1974—1975 годах. Современную технологическую гармонию зерновой индустрии читатель на досуге поверил алгеброй собственных представлений о технической вооруженности полей; даже не алгеброй — арифметикой времен МТС.

В этом году на донской ниве действуют уже более полутора тысяч уборочных отрядов, в том числе шестьсот транспортно-уборочных комплексов. В каждом — три звена по четыре комбайна с приданными автомашинами для немедленного отвоза зерна, а кроме них, еще и звено жаток для подготовки поля к уборке, звено по уборке соломы, звено для улучшения стерни и звено технического обслуживания. Так опыт бочкаревецев, опыт донского же звена Нины Васильевны Переверзевой, а также и моего нового знакомого из «Гиганта», Алексея Лукьяновича Ков-

нителю такой работы. И профессиональное мастерство всех без исключения членов уборочного комплекса. И степень их рабочего напряжения. К работе в таком заданном режиме не все, может быть, и готовы. Но инженерное мышление к тому обязывает. Таково веление времени. О нем и еще о высокой технической оснащенности мечтали энтузиасты-первопроходники 1928 года. Я вижу каждого, кто высадившись на глухом разъезде Трубецком, что в сухой Сальской степи...

3

Сколько лет этой земле? Старая-старая, никто не считал. Сколько лет этим полям? Не более полувека. Всего-то!..

...Промелькнул под лиловой тучей желтый биплан, работающий на последней подкормке озимых.

Сырая хлебная степь сладко пахнет желтым донником и редкой прищипанной полынью. Зеленые окна полей забраны в прочные и такие же зеленые рамы выросших лесополос. А ведь еще живы те, кто распахал Сальскую степь, обезображенную когда-то безводьем да солончухами. Как по-ископятили ее табуны коннозаводчиков, петербургских дально-

зайства под контролем батрацких депутатов и на общественный счет.

В этой ленинской записи теперь, спустя шестьдесят лет, хочется подчеркнуть, выделить буквально каждое слово. Ибо так велико значение тут каждого слова для аграрной политики ленинцев, для исторических судеб нашего сельского хозяйства. Когда власть перешла к революционным массам, одним из лозунгов был: землю — крестьянам. А крестьян миллионы. Значит, тут же и неизбежно возникли миллионы мелких разобщенных хозяйств. Идея социалистического земледелия сразу же обросла проблемами; ни о какой интенсификации сельского хозяйства тогда не могло идти речи. И голод, бесхлебье не заставили себя ждать. Земля — у крестьян, поместья крупных землевладельцев и зерновых воротил — в руках батрацких комитетов. Но, по выражению Ленина, «землю нельзя есть». Так как «многие миллионы дворов без лошади, без орудий, без семян ничего не выигрывают от перехода земли к «народу». Что же делать в данной исторически реальной ситуации? Ленин учил: «Надо немедленно ставить на обсуждение вопрос о том и принимать прак-

тические меры к тому, чтобы крупные хозяйства, при малейшей к тому возможности, продолжали вестись, как крупные, под руководством агрономов и Советов батрацких депутатов с наилучшими машинами, семенами, с применением наилучших приемов земледельческой техники».

Владимир Ильич не скрыл от крестьян, что их мелкие хозяйства не в состоянии избавить человечество от нищеты масс, что «надо думать о переходе к крупному хозяйству на общественный счет и братья за него тотчас...». Молодая Советская республика уже в конце 1918 года ассигновала на улучшение сельского хозяйства один миллиард рублей. Пошел этот миллиард в основном на обустройство первых советских хозяйств. Года через два еще пример: «Лесные поляны». Так называли совхоз, организованный В. Бонч-Бруевичем при одобрении и участии Ленина.

Ленинская мечта о ста тысячах тракторов! Она-то и была началом начал политики индустриализации

«Госсельсиндикат», «Главземхоз», в конце 1920 года уже было около 6000 совхозов с площадью около трех с половиной миллионов десятин. Статистика напоминает о «мощи» зарождавшейся сельской индустрии: на один совхоз в среднем приходилось по десяти плугов, три бороны, две сеялки, по 0,6 сельхозмашины (конной молотилки, лобогрейки, сноповязалки) и два десятка рабочих на совхоз. То бишь, минимум денежных и технических средств. Но именно в ту осень 1920 года родился на государственной земле, на счет государства уже упомянутый совхоз «Лесные поляны». Условия рождения: двадцать пять тысяч рублей ссуды и сорок шесть десятин распахи.

Сорок шесть десятин... У сальского «Гиганта» сорок шесть тысяч гектаров. Летом двадцать восьмого Пленум Центрального Комитета партии принял по докладу М. И. Калинина постановление «Об организации новых (зерновых) совхозов». Их определили одиннадцать. Зерносовхоз № 1

и сказал с дощатой трибуны: «Хозяева на фабриках, люди в один год показали, что они могут хозяйствовать и на земле».

Показали. Могут.

И в полях и в новых мастерских — повсюду встречались мне рабочие совхоза с судьбами любопытными, красноречивыми. Династии механизаторов, почетные рабочие — тут обычное дело. В области знают семьи Подольских, Синченко, Кулаковых. Могучи три брата Хворосты — Андрей, Петр и Николай Павловичи. Петр — лучший тракторист совхоза. Так вот, отец их, Павел Митрофанович, был сыном красного партизана и когда-то стал одним из первых рулевых «Гиганта». Знамениты братья Ковтуновы — Василий и Алексей Лукьяновичи. Алексей сейчас механиком, а в 1974 году, будучи комбайнером, он побил суточный рекорд на жатве, стал лучшим комбайнером Дона.

В мастерской у стенда регулировки топливных насосов познакомился я с хорошим человеком, золотым мастером Василием Пав-

лобного пункта становились тесными для пшеницы, ячменной и кукурузы «Гиганта».

Бывший зерносовхоз № 1 имел когда-то более двухсот тысяч гектаров угодий. Конечно, со временем сочли целесообразным зерновой гигант разукрупнить, поделить на несколько хозяйств. Но главное, он давал самый дешевый хлеб в стране. Главное, получал урожай хотя по нынешним меркам и не ахти какой, но все же раза в полтора больше, чем намолачивали единоличники, те самые тысячи и тысячи ходоков, которые устроили буквально паломничество к зерновикам невиданного «государственного имения». Совхоз распахивал земли первым донским и уральским артелям — протягивал руку пролетарской помощи единомышленникам за тысячи верст от Сальских степей. Не случайно в начале тридцатых годов бригаде трактористов «Гиганта» было вручено в Москве Красное знамя за весновспашку на Урале, за рабочую солидарность. «Гигант» награжден орденом

Выпускники Сальского техникума.

Первый директор «Гиганта» Тихон Александрович Юркин и директор нынешний Дмитрий Дмитриевич Ангелев.

сельского хозяйства в крестьянской стране. Совхозы как тип сельскохозяйственных предприятий рождены Великим Октябрем, это — прочное звено ленинского плана социалистического строительства в деревне. Владимир Ильич считал, по свидетельству В. Бонч-Бруевича, что дело это крайней важности, что, когда оно наладится, усовершенствуется и разовьется, от совхозов наше Советское государство должно будет иметь очень много и материальных и политических выгод. Ибо «нам нужны хлебные, молочные, мясные, овощные фабрики... Фабрики, они нужны и сегодня. Еще более мощные, более совершенные, подчиненные современным технологиям. Так что совхоз и колхоз — единоутробные братья, дети одной матери, социалистической революции, и старший брат — совхоз».

В январе 1918 года ВЦИК принял «Основной закон о социализации земли». В тот же год были созданы более 3100 совхозов, они имели около двух миллионов десятин земли. Одна беда: революционные бои и огонь гражданской войны смели с лица конфискованной земли налаженные именные, сожгли их вместе с машинным парком. Шло время, возникли

решили построить в Сальской степи.

С июня нынче ему пошел пятидесяти год, вот и выколосился золотой, юбилейный урожай!

...Земля здесь давала не более двадцати пудов зерна — в десять раз меньше, чем сегодня. Палатки, палатки, суховеи, ни деревца, ни тени... Вокруг шла коллективизация, разыгрывалась небескровная драма в самом сердце далеко не тихого Дона. А здесь энтузиасты совхозного строительства, иногородние, больше приезжие москвичи, юные рабочие Батайска и Ростова, а с ними и недавние батраки коннозаводчиков под размахистую разинскую песню пахали степь. Тянули монументальные быков, а то и верблюдов, запряженных в заморские плуги. Но не быками поднималась тут главная целина: государство купило за океаном сотни тракторов. В «Гиганте» борозды вели четвереста «фордов» и «картерпиллеров». В первый год распахали шестьдесят тысяч десятин. Среди черной перепаханной степи белели остерки ковыля с палатками комсомольских бригад, вагончики с выгоревшими флажками и лозунгами. В год рождения хозяйства сюда приезжали Н. К. Крупская, А. М. Горький. Тогда-то писатель

ловичем Калачовым. Тоже династия — Калачовы! Василий Павлович — ровесник совхоза. Его отец Павел Иванович приехал добровольцем пахать Сальскую степь и вскоре стал рулевым, потом и комбайнером, он один из первых в совхозе Героев Социалистического Труда. И вот сын уже тридцать четыре года ремонтирует машины. А сын сына, внук героя Павла Калачова, — зоотехник на отделении. У него, у Виктора Васильевича, диплом плюс авторитет отца и деда.

Вот такие они, мастеровые зерновой индустрии.

4

За окнами совхозного музея — просторная площадь, чересчур зеленые в зыбком мареве деревья, мальчишки на велосипедах. Универмаг, кинотеатр, музыкальная школа, машиносчетная станция. И улицы в тени строгих гледичий, и дома, утопающие в садах, и сады, окружающие дома. А на краю зеленого современного зернограда высится элеватор. Даже человек приезжий сразу видит, что элеватор, хлебный бастион, достраивался тут не однажды. Вал зерна возрастал с годами. И бетонные глубокие «силосы» Трубецкого

Ленина за огромные заслуги в индустриализации производства зерна. В хозяйстве урожай за полвека возросли вдвое и даже больше чем втрое. За годы существования совхоз отсыпал государству более шести миллионов тонн зерна. Шесть миллионов тонн! Почти тысячу эшелонов. В хозяйстве работают более двухсот пятидесяти тракторов (эталонных, так как один К-701 заменяет несколько железных пахарей на гусеницах), более двухсот комбайнов, в том числе сто девяносто зерновых, сотни других, весьма сложных и производительных сельхозмашин, шестьдесят пять автомобилей. Теперь за год вносят около десяти тысяч тонн минеральных удобрений: самолеты летающих агрохимиков заменили былинных орлов в небе Сальской степи.

Зерновое дело поставлено на поток. Быки и верблюды вытянули жилистые шеи да так и замерли на старых музейных фотографиях... А сейчас на каждого работающего в «Гиганте» приходится в среднем двадцать шесть лошадиных сил! Довольно высокий показатель энерговооруженности совхозных рабочих. Почти все пшеницы и ячмени (восемьдесят пять процентов) были свалены за

трое суток. А вся уборка зерновых (почти с двадцати четырех тысяч гектаров!) заняла менее двух недель. Сработала новая технология производства зерна. То был красивый, могучий поток: каждые сутки высвобождались из-под бремени урожая две тысячи гектаров. И сразу — под плуги. В общей страдной работе велик урок тридцати трех совхозных транспортно-уборочных звеньев.

5

Старики вспоминают: приобретенные в США машины первый же урожай окупил на шестьдесят процентов. В общем, за два урожая полтысячи единиц заморской техники оправдали себя полностью. Игра стоила свеч. Теперь «Гигант» ежегодно дает государству в среднем три, а иной год так и пять миллионов рублей прибыли. Рентабельность достигла почти шестидесяти процентов. Сказалась высокая насыщенность техникой. Механизация на все сто процентов весьма выгодна.

Справедливо и пророчески звучат до сих пор слова К. А. Тимирязева, приветствовавшего революцию: «Культура поля всегда шла об руку с культурой человека». За каждой цифрой гиганта зерновой индустрии — жаркая деятельность людей незаурядных и гордых необыкновенной историей родного хозяйства. Так уж повелось с первых дней жизни степного десанта, что техника, техническая грамотность у них были в особой чести. А где техника, там и общая образованность выше, и кругозор пошире, и больше людей начитанных, развитых, а потому авторитетных. Где техника, там и наука.

На полях «Гиганта» повстречал я старейшего зерновика страны, патриарха растениеводов Дона — Никиту Никитовича Бородину. Среди пшеницы, озбоченный признаками появления ржавчины и явного переувлажнения земли, встретил ученый 73-й год рождения! Так вот, Никита Никитович показал мне тетрадь с интересными выписками, среди них есть и высказывание профессора МГУ, руководившего еще и сельскохозяйственной школой на Бутырском хуторе, Михаила Григорьевича Павлова (1837 год): «Участь сельского хозяйства как ремесла есть неподвижность, как искусства — слепая удача или ряд хозяйственных ошибок, как науки — рассчитанный успех». Стало быть, давно известно, что ремесленникам на живом поле делать нечего, они пожнут экономическую неподвижность.

Хозяйства, подобные «Гиганту», все ближе к торжеству рассчитанного успеха. Тут наука не гость, а равноправный рабочий совхоза. Опорный пункт Всесоюзного НИИ удобрений имени Прянишникова, бюро экономического анализа, автоматика машинно-сметной станции, совет научной организации труда (НОТ), постоянно действующий факультет высоких урожаев озимой пшеницы областной школы передового опыта. Это все в одном «Гиганте». А начинали в зерносовхозе № 1 с годовых курсов рулевых (так в годы первой пятилетки называли трактористов). Но курсы переросли себя и превратились в Сальский сельскохозяйственный техникум.

Механизаторский всеобуч возглавляет совхозный совет, а председателем того совета много лет

избирается главный агроном Николай Федорович Трофименко, человек мудрый, здесь очень уважаемый, несмотря на строптивый характер и чисто агрономическое упрямство в спорах, когда речь заходит о судьбе посевов, севооборота, чистых паров. Такие люди, как агроном Трофименко и секретарь парткома Алексей Митрофанович Дубовицкий, добились, что «Гигант» имеет в результате направленной, многолетней работы с молодежью, когда-то со вторым, а теперь уже с третьим и четвертым поколениями пахарей, свои высококвалифицированные кадры главных специалистов, управляющих, бригадиров и звеньевых. Больше половины механизаторов — классные водители тракторов и машин. В совхозе сто двадцать четыре специалиста с высшим и средним образованием!

Совхоз сам направляет в учебные заведения тех, кто хочет вернуться агрономом, зоотехником, инженером, механиком. А также и врачом, и учителем, и дирижером хора, оркестра, что жизненно важно для зернограда.

Сейчас «Гигант» выплачивает ежемесячную стипендию семидесяти восьми студентам вузов и техникумов. И одновременно шестидесять человек учатся в техникумах и институтах заочно. Есть и свое сельское ПТУ. За последнее пятилетие совхоз получил от него около двухсот молодых механизаторов, то есть половину всех трактористов-машинистов. А зимние курсы дали еще сто человек. Быть может, именно это поколение осуществит мечту агронома Трофименко — доведет валовой сбор зерна в «Гиганте» до восьмидесяти тысяч тонн! Кто знает?

6

Более двадцати лет директорствует в «Гиганте» Дмитрий Дмитриевич Ангелев. О нем речь особая, очень уж самобытный человек. Однажды Дмитрий Дмитриевич привез из универмага могучий магнитофон-стерео. И запустил на полную громкость любимую запись. Любит хорошие, ритмичные мелодии директор. Как видно, душа просит. И сейчас директор просто радовался редкой свободной минуте и симпровизировал танец согласно стерео-музыкальному течению летнего вечера. Ах, хорошо в степи за Доном было тогда, в июне.

— Директор должен уметь все, — с улыбкой говорил мне Дмитрий Дмитриевич. Сам он, по видимому, умеет все или почти все. Жизнь у него за плечами довольно долгая — скоро шестьдесят — и временами наверняка была нелегкая. Знает, как выращивать яровые хлеба в Сибири и озимые на Дону. Кандидат сельскохозяйственных наук, а защититься производственному нелегко. Депутат Верховного Совета РСФСР. Хорошо водит машину, начитан, неплохо знает музыку, главное, любит ее, как поле, как вообще жизнь. Много помогает молодым диссертантам, приезжающим из научных центров в совхоз за консультацией. И, наконец, великолепно, заразительно танцует, — жал, очень редко. Ангелев любит молодежь, принимает ее со всеми ее порывами, нетерпением и жадной скорой самостоятельностью. Но он-то понимает, что без багажа знаний молодежь далеко не уйти. Хотя, смеется ди-

ректор, степь и широка! И дорог в ней много. В общем, учиться надо основательно. И чем раньше, чем обстоятельнее, тем для нынешних молодых людей лучше. Такое время. Отсюда политика Ангелева — не пропустить одаренных. Отсюда механизаторский всеобуч, теснейшая связь «Гиганта» с Донским сельскохозяйственным институтом и «своим» — тут же, на территории центральной усадьбы — Сальским сельскохозяйственным техникумом.

— Есть тайная мечта, — сказал мне в канун сложнейшей жатвы Дмитрий Дмитриевич, — продать к шестидесятилетию Октября шестидесят тысяч тонн хлеба...

Хорошо бы, мечта обернулась золотой явью. Но Дмитрий Дмитриевич больше не возвращался к тому внезапно возникшему разговору: он человек земной и предпочитает действовать, идти к результату, а не говорить о нем в тоне мечтателя.

Мы вернулись на землю, на зеленую землю «Гиганта», какой она была недели за две до страды.

Совхоз — живая история индустриализации нашего сельского хозяйства. Хотя, если говорить о науке программирования амбарной урожайности, о праве науки вмешиваться в ход зернового производства, то здесь много наболевшего, нерешенного. Восторжествовал хозрасчет, а земля, основное средство производства, не имеет, по существу, назначенной цены, ибо нет ее, экономической оценки различных почв. Нет под руками директора совхоза, грубо говоря, ценника, учитывающего множество факторов, влияющих на экономику растениеводства, на себестоимость зерна, а значит, до сих пор не учитываемых планами, спускаемыми сверху. А ведь без кадастра нельзя практически внедрить научно обоснованное планирование.

Что дала индустриализация этому хозяйству?

Производительность таких машин, как тракторы К-700 и Т-100, пятнадцать — двадцать и даже двадцать четыре гектара за один машино-день. Производительность труда в 1976 году возросла почти на треть по сравнению со среднегодовым показателем десятилетней давности.

Сколько, думаете, необходимо гиганту нашей зерновой индустрии на производство одного центнера зерна? Всего двадцать минут.

Счетная машина выдала еще одну интересную цифру: каждый работающий в 1976 году произвел продукции почти на семь тысяч двести рублей. Сказали свое слово минеральные удобрения на зерновых полях, повышение культуры. И более высокая, чем десять лет назад, оплата труда, то бишь материальная заинтересованность. Теперь хозрасчет позволяет отчислять в фонд поощрения раз в шесть больше средств, чем до его внедрения. Эти деньги — доля плановой прибыли. Они и растут вместе с прибылью хозяйства...

— Если уж говорить о подобных резервах, то они еще велики, — убежден директор. — Мы хотим и способны производить центнер зерна не за двадцать, как сейчас, а за пятнадцать минут. Но... Ничего еще выработка на условный трактор. Машинный парк морально стар, автопарк износился. Мало высокопроизводительных машин для обработки зерна, сушки, сортировки. Да и удобрений не-

достаточно... Учтите, что до сих пор завышена норма на агронома — три с половиной тысячи гектаров обслуживаемой земли. Пора на отделении иметь не одного, но трех агрономов!

Главное, не все силы хозяйства и специалистов подчинены зерну, его производству. Помехи? Наша специализация все еще недостаточно углублена. Тут мешают нам собственная робость, излишняя опека, зерносовхоз занимается и молоком, и мясом, и племенным свиноводством.

Я обратил внимание в совхозе на лозунг: «Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически». Люди теперь грамотные, видя каждодневно перед глазами наказ Ильича, они еще ревностнее относятся и к делу и к судьбе хозяйства. А хозяйство знаменитое, показательное, отстаивать нельзя. Нелзя ему не совершенствовать свою экономику. На виду и жить и работать трудно.

* * *

Чему учит полувековой опыт «Гиганта»? Вопрос Максима Горького и сегодня жгуч, любопытен. Ответ изложен в специальных статьях, книгах, посвященных совхозу и его людям, в диссертациях молодых ученых Дона, обожающих работать с Ангелевым и Трофименко. Коротко он звучит так: индустриализация сельского хозяйства — одна из политических целей, указанных в проекте Конституции СССР. Собственно, это и было всегда составной частью аграрной политики партии, разработанной Лениным. Но индустриализация не только механическая замена живой лошадиной силы на л. с. машины. Не только облегчение ручного, физического труда. Это — инженерное мышление. Это машинизация всех исконно крестьянских работ по возделыванию земли. И прямо скажем, вторжение шестерен, коленчатых валов, шатунов, вообще железа в живую ткань природы, даже нарушение в чем-то ритма жизни в зеленом мире, подчиненного отныне новым технологиям, законам инженерии. И все это требует особого отношения со стороны человека, хозяина хлебной степи. В этом проблема. В этом и положительный, поучительный опыт «Гиганта», поскольку здесь интересы производства, планирования не сталкиваются с природными возможностями земли. А ее плодородие, напротив, с годами повысилась.

Почему так счастливо все обошлось для судеб Сальской степи? Социализм предполагает строго научный подход к ведению хозяйства на земле. Где и сама почва, и растение, и окружающая их природная среда живые. Живые! А там, где живет живое, все расчеты должны быть оптимальны, они не допускают отклонений и грубого произвола. Три поколения гигантовцев участвуют в научно обоснованном производстве зерна, и тем самым они подчинили неблагоприятные природные условия своим производственным интересам. Интересам социализма на земле. Вот чему учит опыт «Гиганта». Такова энергия жизни — я имею в виду не только силу, заключенную в зерне злаковых. Энергия жизни породила эти красивые, усталые после страды поля. И снова меняется цвет работающей земли.

Г. Ряжский. 1895—1952. ДЕЛЕГАТКА. 1927.

Государственная Третьяковская галерея.

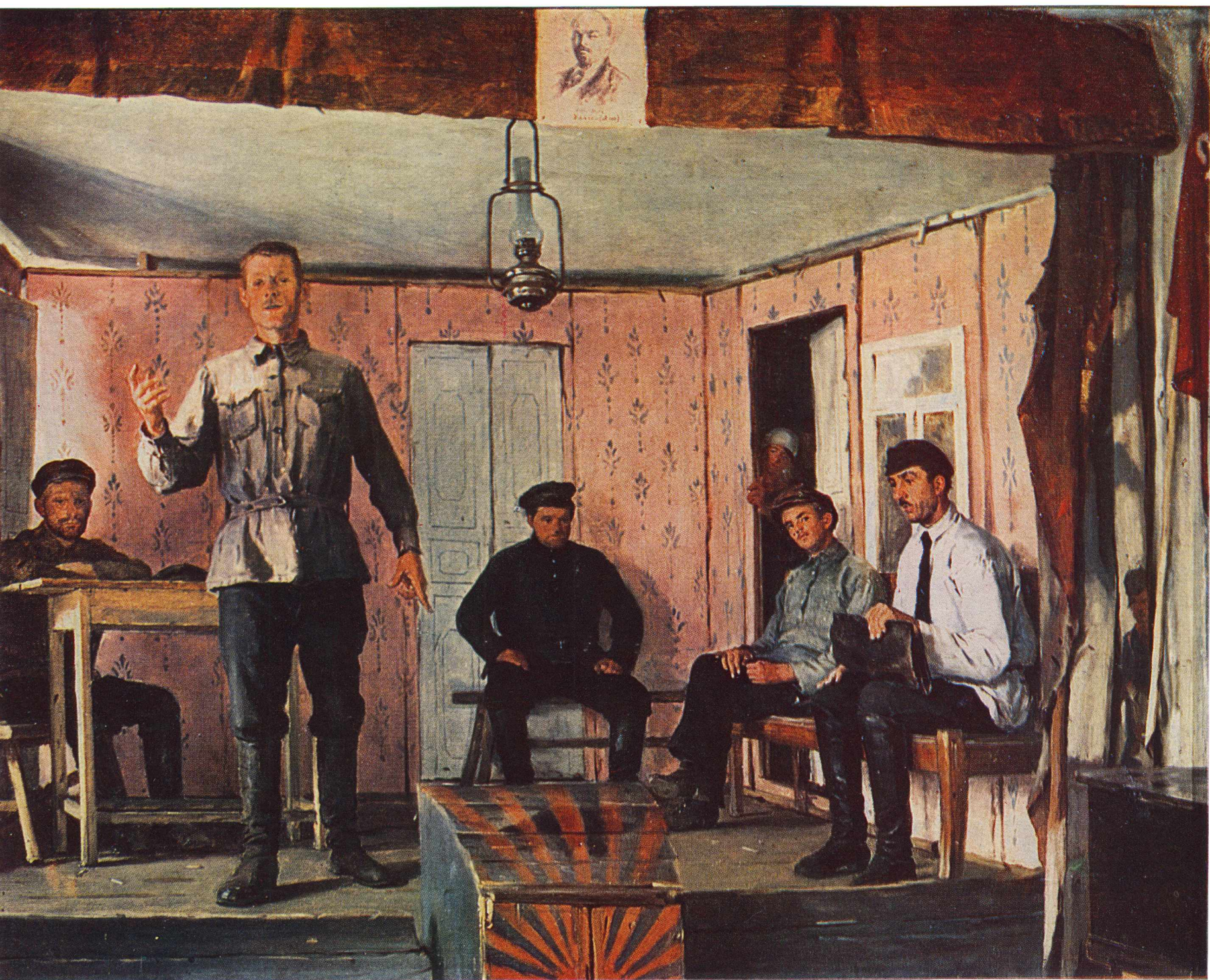

П. Шухмин. 1894—1955.

ПРИКАЗ О НАСТУПЛЕНИИ. 1928.

Центральный музей Вооруженных
Сил СССР.

Е. Чепцов. 1874—1950. ЗАСЕДАНИЕ СЕЛЬСКОЙ ЯЧЕЙКИ. 1924.

Государственная Третьяковская галерея.

Лариса ЛАТЫНИНА,
заслуженный мастер спорта

Рисунки М. ПИНКИСЕВИЧ

Я

Январь 1966 года. Четыре месяца прошло после поражения нашей команды. Четыре месяца я тренер. В местечке под Минском с милым названием Стайки выполняю первое серьезное задание. Белый снег за окном и белые листы — индивидуальные планы гимнасток — на столике. Дорогу до октября 1968 года длиною в двадцать два месяца надо вычертить сначала на бумаге. Дорогу к победе. На Олимпийских играх в Мехико проиграть можно как будто случайно. Выиграть случайно нельзя.

В нескольких листах я должна была проставить цифры, складывающиеся в компоненты победы. Составить самый хороший план, однако, не самое важное. Я заполню триста клеточек в графах. Придет ли уверенность, что план этот будет выполнен? Во-первых, я еще не представляю полного состава команды. Но есть, к сожалению, и во-вторых. Каждая гимнастка сборной вместе со всеми достоинствами обладает и недостатками. Не только в гимнастических упражнениях. В характере. В жизни вообще. Знать эти слабые места — мало. Знать надо человека. Это не уместить в разграфленные листы...

...Наташа. Золотые медали чемпионки мира. Победа. Слава. Изменили ли они ее? Кажется, она и не осмыслила еще всего происшедшего. Иногда после победы начинается погоня за ее эквивалентами. И слава уже не звенит по-настоящему: разменена. У Наташи этого нет. Она по-прежнему мечтательна и одухотворена. Это создало ее облик гимнастки. И вступает в противоречие с рационализмом тренировок. Или тренера? Наташа не боится трудностей на помосте... Но помост слишком небольшой квадрат...

Вчера я спросила ее:

— Как у тебя дела в университете?

— Никак,— по обыкновению простодушно ответила она.

— Так это же плохо, Наташа!

— Наверное, Лариса Семеновна. Знаете, времени-то нет.

Конечно, это не детская ссылка... Времени мало. Наташа не умеет рационально его использовать. Вновь противоречие... Где средство? Взять чемпионку мира за руку и повести ее сдавать сессию?

...Зина. Никаких затруднений на любой тренировке. Все получается. Удивительно легко, непринужденно. И какое поразительное спокойствие у двадцатилетней девушки! Но вот кончается тренировка, и это желанное достоинство трансформируется в равнодушие к гимнастике.

Мы стоим рядом. Взгляд направлен мимо. Все, что связано с гимнастикой, с командой, исчерпано. Зина не будет усложнять жизнь мыслями о своем завтрашнем дне в спорте. Сегодня все получается хорошо. А если завтра что-то не получится?

— Ты не думаешь, Зина, что произвольную программу надо изменить?

— Повысить трудность?— Зина слегка поворачивает голову и медленно говорит:— Если надо изменить, изменяйте... Я выучу...

Мы печатаем новые главы из повести Ларисы Латыниной «Команда». Смотри журнал «Огонек» №№ 1—4 за 1974 г. и №№ 12—15 за 1976 г. Фамилии в повести иногда подлинны, иногда изменены или вообще не названы.

— Без этого ты не двинешься вперед.
— Я же сказала, Лариса Семеновна, надо — выучу,— повторяет она медленно и спокойно.

— Ты сама-то хочешь этого?

Зина вскидывает ресницы и пожимает плечами. Выражение глаз у нее не меняется.

...Лариса. Человек, настроенный на победу. Этому надо только радоваться? Она стала чемпионкой страны в пятнадцать лет. Для такого возраста эликсир победы дурманяще крепок. Попробовал — и не оторвешь. Кажется, чуть прибавишь, и жар-птица в руках. Лариса — рекордсмен по нагрузкам, но мысль об успехе сегодня ее не окрыляет, а мучает.

— Может быть, мы в чем-то ошибаемся?— спрашивает она.

— Не думаю. Сейчас рано искать ответ.

— Сейчас рано?

Она искренне удивлена. После того чемпионата прошло больше двух лет. Ей они представляются чередой потерянных дней.

— Видишь ли, Лора... Впереди еще больше года... Многое может измениться.

Она смотрит на меня исподлобья. И верит и не верит...

Ольга же верит всему и ждет от нас ответа на любые вопросы. Цветет румянец во всю щеку, звенит залихватскими колокольчиками смех. Неисчерпаемый оптимизм. Чего же еще желать?.. «Младенческая грация души» — это свежесть, гибкость чувств. А твердость? Умение принимать трудное решение?

Снова я склоняюсь над листами. Пятый план... Лина. Единственная, оставшаяся из нашей команды-победительницы. Могу подписывать план, не читая. Точно. Рассчитано. В каждой графе и в каждой тренировке все выверено и осмыслено многолетним опытом. В задаче со многими действиями правильный ход решения и ни одной частной ошибки. Получим ли мы нужный ответ?

Каждый день не сложение, а вычитание сил. Хватит ли их? Лина еще не знает, как жестоко Мехико. Я представляю. Закрывать глаза на это? Тренерам спокойнее, когда Лина в команде. Взрослая ведет девочек. Таков день сегодняшний. Но ведь наступит и завтра...

Об Ире, которая была запасной в Дортмун-

сху — утвердим. Ты размеры формы сообщила?

— Ростовки я сообщила. Но состава команды пока не знаю.

— И я не знаю,— ответил он благодушным голосом.— Ты не волнуйся, Лариса, сейчас никто этого не требует. Готовы у тебя двое к первенству Европы. Хорошо! За ними еще двое, бесспорно! Летом на Спартакиаде и остальные определяются.

— Просто это у тебя выходит, Валентин Иванович.

— И у тебя так же выйдет. Не усложняй раньше времени.

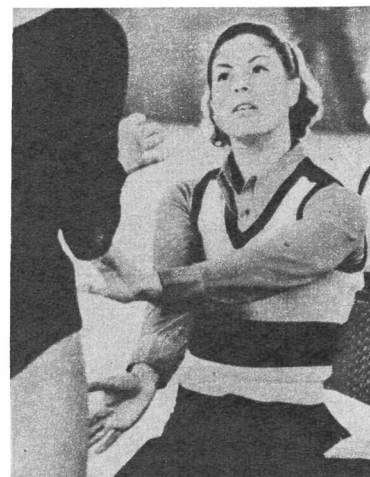
— Лучше усложнять раньше.

Валя засмеялся.

— Лучше попроще. И раньше и позже.

...Но проще не получилось. В мае на первенстве Европы Наташа сорвалась на брусках. Зина заняла в многоборье второе место. Вернулись мы домой без единой золотой медали. Неважное начало.

Из обсуждения после этого срыва я запомнила два момента. Профессор Бокарев, повертев длинными пальцами у подбородка, спросил:

Теревышки не предвидитсЯ

де, я почти ничего не знаю. Гимнастки без недостатков — мечта! У нас, чемпионов прошедших лет, недостатков ох как немало. Тогда свое не беспокоило. Сейчас боюсь каждой малости.

За окном снежинки танцуют в замысловатом хороводе. Сложный мир движения. Мы познаем его в гимнастике. Должны познать и то, что еще сложнее...

Вошел наш главный тренер Валя Кулатов.

— Вот это снежная фантазия! Самое время упражняться в падении на лыжах. Ходила?

— Сегодня некогда, Валя.

Он сел, искоса взглянул на планы.

— ...Да, завершим эту цифирь, поедem в Мо-

— Лариса Семеновна! Тщательно ли вы анализировали соотношения средств общей физической и специальной подготовки? Э-э... некоторая нестабильность не следствие ли пренебрежения общей подготовкой?

— А вы как думаете, Виталий Александрович?— не очень вежливо переспросила я.

— Не исключено,— ответил профессор.

Багровый, тучный Мекасеев сказал громко:

— Той осенью пресса-то нас ориентировала правильно. Молодые. Блеск медалей слепит. Теперь-то вот и без блеска и без медалей.

Вечером меня пригласили к нашему руководителю Борису. Ровно в шесть в училище

против его кабинета хор разучивал «Ноченьку» из «Демона». И я не удержалась, спросила:

— Привыкли вы к такому соседству, Дмитрий Леонидович?

— В целом ничего. Вот под вечер — «Ноченьку»... А иногда и утром «Солнце низенько»... Давай-ка пить чай, Лариса Семеновна, с новым печеньем «Юбилейное».

— Хотели бы подсластить некоторые выводы, Дмитрий Леонидович?

— А что же горького? Понимаешь ли, вот ведь какое дело. Текущие заседания, текущие вопросы, текущие ответы.

...А потом была подготовка в армянском среднегорье — в Цахкадзоре.

II

Цахкадзор — в переводе — долина цветов. От Еревана до него пролегло пятьдесят семь километров. Быстро их не одолеешь: подъемы, повороты. А мы еще и останавливались. С горного седла рассматривали вершину Араарата. В местечке Цовинар пили холодную воду. В самом Цахкадзоре в сумерках бродили вокруг удивительно сохранившегося древнего храма тысячелетнего коричневого камня. Поэтому на базе, на высоте почти двух километров, мы оказались, когда совсем стемнело. Слева от нас подгоняемый прожекторным лучом что-то бормотал бульдозер.

Утром мы пошли в зал. На обратном пути Наташа заявила:

— Лора! Мне дышать трудно.

— Считай, что началась акклиматизация в среднегорье.

— Считаю, но дышать трудно.

— Трудно? По сравнению с Мехико здесь курортный воздух. Там только собираются посадить побольше лилий, чтобы они поглощали угарный газ. Здесь полно зелени и нет этого газа.

— Тогда как же вы здесь адаптируетесь к условиям Мехико?

— Как... Частично!

На следующий день съехались все и сбор начался по-настоящему.

Давно замечено: в горах большинство людей стремятся стать лучше. Жаль, что Наташа перестала изучать психологию. Может быть, она растолковала бы, в чем истоки этого стремления. Честно говоря, меня этот вопрос не занимал. Нагрузки в среднегорье волновали.

Кончались первые четыре дня двухразовых тренировок. Рвение было все то же.

На пятый день я зашла к нашему врачу Михал Михалычу. Он придал своему новому кабинету с помощью походной аптечки, двух фонендоскопов и прибора Риварочи вполне медицинский вид.

Сейчас Михалыч что-то писал и спросил, не поднимая головы:

— Данные осмотра и проб?

— Да, Михалыч.

— Я как раз сейчас обдумываю показатели. Осмотр и данные проб говорят: надо снижать нагрузки. И объем и интенсивность. В

среднегорье каждый день промедления может дорого обойтись. Но если исходить из задач морального настроя, психологической подготовки, то нельзя нагрузки снижать.

— Только так.

— У меня обобщены наблюдения после семи тренировок. Конечно, еще рано судить о всей картине, но... Я бы сказал, риск велик.

— А может быть, мы создаем трагедию там, где ее нет?

— Через день, максимум два начнутся жалобы на самочувствие. Объективные! Снижение работоспособности. Я обязан на них реагировать. Но как врач я должен сегодня думать о мерах профилактических.

— Я знаю только одну меру. Сказать девочкам: «Будет труднее, чем мы ожидали. Но вы обязаны это выдержать».

— Может быть, чуть снизите объем и повысите интенсивность? Психологически это легче воспринять.

— Варьировать будем. Но нагрузки-то не изменяются.

— А если, Лариса Семеновна, мы их индивидуализированно чуть уменьшим все же?

— Поговорю с тренерами. А потом с девочками. А вы Михал Михалыч, если будут жаловаться, объясните: декомпрессионные явления, что ли.

Михал Михалыч поглядел на меня и как можно строже и поучительно сказал:

— Объяснять — одна из задач врача. Но как практик я должен помочь. — Он встал и добавил торжественно и официально:

— Я вас поддержу, Лариса Семеновна!..

...На шестой день никто не пошел ни в горы, ни к источнику. Михалыч сказал мне значительно: «Жалобы на самочувствие у всех».

Вечером я долго говорила с девочками: надо перетерпеть. Слушали они уныло, но кивали головами.

На следующей тренировке я спросила Викентия Дмитриевича:

— Может быть, снизим? Денек-другой, а там посмотрим?

Глаза у него сразу стали сонно-равнодушными.

— Стоит ли? Неделя осталась. Дотянем.

Он посмотрел на Ларису, стоящую перед огромным зеркалом, и повторил:

— Дотянем.

— Мы потянем, а может порваться...

— Может. В крестьянстве говорят, однако, день год кормит.

После тренерского совета мы с Валею Кулатовым остались вдвоем в маленькой комнате у раздевалки.

— Конечно, тренеры, как правило, поддерживают старшего тренера. Так и сегодня. И вот план мы выполним. А через месяц на пред-олимпийские соревнования в Мехико привезем разобранную команду. Кому же это нужно?— говорю я со вздохом.

— Впереди год. Вы подтянетесь!

И снова утренняя тренировка. Я у весов.

— Сколько сбросила за неделю, Лора?

— Килограмм семьсот, Лариса Семеновна,— скороговоркой выпалила моя тезка.— И еще резерв есть: сведу веснушки.

Я посмотрела на ее веснушки, на заострившийся нос и вздохнула. Потрескавшиеся губы у нее строго сжались. А раньше она так смешно, по-галошечки открывала рот...

— К октябрю поправим внешний вид,— успокоительно заметила Лариса.— А как, судя по вчерашнему, вытанцовываются у меня вольные под «цыганочку»?

— Кажется, да.

— «Кажется»,— я слышу от Викентия Дмитриевича часто...

— Я сегодня не могу сказать определеннее...

Действительно не могу и на последней тренировке этого сбора. Смотрю на девочек в разных концах зала. Девочки наши. Джуньеты, Джоконды, Татьяны. Пусть не так. Но все-таки героини не написанных еще книг. Вот эти исхудавшие девочки, перемазанные магнезией, с потеками пота на лицах, с прядками волос, прилипшими ко лбам. У них усталые лица, синева под глазами, и даже горный загар не может победить бледность. Пусть они еще не героини. Теперь остается сделать шаг вперед...

Наташа не выскочила, а устало поднялась после прыжка из ямы с поролоном. Села рядом со мною.

— Даже не верится, что все кончилось.

— Только начинается.

...Перерыв. Вечерней тренировки не будет. Мы собираемся на южном предгорье, чтобы развести костер.

Мы не можем обойтись и без огня, и без колышущейся травы, и без шумящего леса. И без этого месяца в небе, похожего на краешек ковчика с серебристой холодной водой...

— Оля, спишь ресницы,— слышу я голос Софьи Ивановны.

Наташа тихо говорит:

— А последние, меркнущие огоньки... Смотришь сверху — словно огни города с самолета.

Однако предолимпийские соревнования в Мехико мы проиграли. Белая лошадь для парада победителей нам не понадобилась.

Глаза после неудачи видят все контрастно. Черное — белое. Контрастно. А глубоко ли?.. Уступили мы крохи. Во второй день. Снова в произвольной программе. Правда, в зачет у нас шли все без исключения результаты. И в первый и во второй день. Началось с неудачи. Ира на первом же прыжке растянула мышцы...

— Не такая уж характерная для гимнастики травма, — сказал мне, как всегда, тихо Михал Михалыч. — Но медицина в моем лице, во всяком случае, в ближайшие дни бессильна. Видишь ли...

— Вижу... Понятно, — только и оставалось мне ответить. А всем ли понятно?

Продолжение следует.

В тот действительно прекрасный день Мария Ивановна — почтальон одного из отделений связи города Запорожья, набив свою толстую сумку на ремне письмами, газетами, журналами, отправилась поутру, как всегда по знакомой, тысячу раз исхоженной улице, где она знала всех и все знала ее.

Мария Ивановна шла от дома к дому, заходила из подъезда в подъезд и ловко, привычно быстро раскладывала по почтовым ящикам письма и газеты. Но каждый раз, когда этот ящик принадлежал кому-нибудь из подписчиков «Советского спорта», Мария Ивановна не торопилась протолкнуть в щелку ящика газету: с первой страницы газеты ей улыбался счастливый и родной Вовка — сын. И она улыбалась ему в ответ.

То был, наверное, самый счастливый рабочий день почтальона Марии Ивановны Яценко: у нее ведь хорошая и добрая профессия — каждый день нести людям радостные вести. А сегодня она несла им и свою радость: сын в далекой Америке установил рекорд мира, прыгнул в высоту на 2 метра 33 сантиметра.

Новость эта уже успела облететь мир. Раньше о ее Володе мало кто знал, а сегодня о нем знали все и хотели знать все.

Мария Ивановна прочитала, что было написано во всех газетах, — писали очень хорошо, и ей это было приятно. Ее поздравляли на каждом шагу — знакомые и незнакомые люди. В ее почтовое отделение летели телеграммы на имя Яценко. К ним домой на улицу Кремлевскую валом валили соседи, приехали корреспонденты, двери не закрывались...

Яценко — Мария Ивановна и ее муж Илья Кириллович — люди простые и скромные, к тому же всеобщему вниманию не приучены и потому чувствовали себя несколько смущенно. Отец даже ворчал: «Подумаешь, что за событие такое, ну, прыгнул наш Вовка там в Америке, хорошо, что прыгнул, молодец, спасибо ему, что не посрамил, а шуметь-то зачем?»

Илья Кириллович, старый запорожский сталева, и Мария Ивановна воспитали двух сыновей и одну дочь. Володя — младший в семье. В прошлом году он закончил запорожскую школу № 59 и совсем немного не дотянул до золотой медали — две четверки у него было в аттестате. Учился Володя легко и хорошо, хотя школа была трудной — специальная, преподавание велось на английском языке, и знание языка (а Володя говорит совсем свободно) сослужило ему добрую службу там, в Америке: услуг переводчика на пресс-конференции не понадобилось.

Оглушительный для многих, но только не для Володи и его тренера Василия Ивановича Телегина, неожиданный рекорд взбудоражил спортивный мир, о нем много говорили, говорят и будут говорить. Но прожил неделю в Запорожье в спортивном лагере «Закалка» на острове Хортица, что на Днепре, прожил там рядом с Володией Яценко, его товарищами, его тренером, я понял, что дело тут не в рекорде или не только в нем, а прежде всего в том, кем, где и как этот рекорд ковался.

...Пятнадцать лет назад в Запорожье приехал молодой тре-

нер — выпускник Смоленского института физкультуры Василий Телегин. Стал работать в коллективе физкультуры Запорожского трансформаторного завода.

Телегин был влюблен в легкую атлетику, считал, что лучше «легкой» в спорте ничего нет и быть не может. Он тренировал и сам тренировался: прыгал в высоту и в длину, с шестом, был неплохим спринтером и в этих легкоатлетических дисциплинах совсем подбирался уже к мастерским рубежам, да вот только мастером не стал — не успел. Сам не стал мастером, но поклялся себе, что научит других быть большими мастерами в спорте.

Шесть лет назад в его легкоатлетическую группу при спортклубе «Трансформатор» пришел милый белокурый, очень скромный и очень маленький мальчик — Володя Яценко. Он был худущий-прехудущий и на спортсмена совсем не походил. Но Телегину мальчик понравился.

Я познакомился в Запорожье с одним человеком, судьей всеобщей категории, старым тренером по легкой атлетике Павлом Леонтьевичем Хазаном, который вспомнил, как пять или шесть лет назад Телегин показал ему однажды мальчишку и сказал, что тот будет большим мастером. Но опытный Хазан, через руки которого на его долгом веку прошло немало спортсменов, Телегину тогда не поверил, в чем сейчас и признается. Тем мальчишкой был Володя Яценко.

А вы посмотрите на него теперь — это атлет!

Статен, красив, могуч и умен. И так прекрасно он сложен, что в свои восемнадцать лет и при своем росте 192 сантиметра вовсе не похож на неуклюжего акселерата.

В истории с рекордом Владимира Яценко много удивительного и неувиданного. Все эти пятнадцать лет тренер Телегин работал с атлетами на «Трансформаторе» один, без помощников, не имея, по сути дела, никакой современной базы: заводской стадион, построенный сорок лет назад вместе с Днепрогэсом, за все эти годы

не реконструировался и совсем обветшал. Но Телегин благ не ждал и не требовал, он работал. На острове Хортица, до которого от завода рукой подать, Телегин вместе с тренерами по другим видам спорта, вместе с ребятами, с рабочими, спортсменами завода построил скромный, но очень уютный спортивный лагерь, и вот тут, на Хортице, в лагере, и растил своих ребят.

Телегин вырастил много хороших спортсменов, среди которых и мастера и кандидаты в сборную страны. А Володя Яценко лишь один из них, пока самый известный.

Известно, что стиль, которым прыгает Яценко и все остальные из школы Телегина, — это знаменитый «перекидной», но присмотритесь внимательнее к прыжкам Яценко, и вы обязательно увидите что-то совсем новое. По сути дела, стиль, который использует Яценко, лишь похож на перекидной — это совсем новый стиль, и по праву его можно назвать телегинским.

И вообще тренер Телегин при всей своей скромности и застенчивости в своем деле новатор, он все делает необычно, по-новому. Телегин говорил мне, что Володя и другие его ученики тренируются совсем не так, как многие известные прыгуны. Во всяком случае, прыжков на тренировках его ребята делают во много раз меньше, чем принято, но зато в каждый прыжок все они — и ученики и учитель — вкладывают столько мысли, воли, мощи и сил, что каждый такой прыжок, может быть, стоит иных десяти.

О Володе Яценко написано пока что мало, у него ведь нет еще биографии, как он сам говорит, но зато есть биография, и очень интересная, у школы, в которой он воспитывался. И на мировом рекорде Владимира Яценко закончилась лишь одна глава биографии этой удивительной заводской спортивной школы. Атака на высоту, которую начал пятнадцать лет назад тренер Василий Иванович Телегин, продолжится.

Михаил МАРИН

Василий Иванович Телегин и Володя Яценко.

Фото А. Бочинина

«Место, где я хотел бы жить..... Шахматово».

А. Блок «Признания»

Н

а одном из поэтических вечеров, когда Александр Александрович Блок, завершая выступление, прочел стихотворение, которым часто заканчивал свое чтение — «Голос из хора», — из зала раздался требовательный голос: «Прочтите стихи о России!»

«Это все о России», — ответил поэт.

Действительно, все три тома лирики Блока — «трилогия вочеловечивания» — поэтический дневник жизни русского человека на рубеже двух эпох, его поэмы, проза и драматургия раскрывают нам, как постигал душу России ее национальный поэт.

Путь большого писателя всегда не прост и не гладок, но если сегодня задумаемся мы о судьбе и пути Блока, то ясно почувствуем строгую логику развития в его творчестве образа России. «Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь. Все ярче сознаю, что это — первейший вопрос, самый жизненный, самый реальный. К нему-то я подхожу давно, с начала своей сознательной жизни, и знаю, что путь мой в основном своем устремлении — как стрела, прямой, как стрела — действенный... Недаром, может быть, только внешне наивно, внешне бессвязно прозвучу я имя: Россия. Ведь здесь — жизнь или смерть, счастье или гибель...» — писал Блок К. С. Станиславскому.

Близится столетний юбилей Александра Блока, и все чаще приносит почта в нашу редакцию письма, в которых читатели «Огонька» пишут о литературном наследии поэта, поднимают вопросы увековечивания его памяти, сохранения мемориальных блоковских мест. Вот отрывки из одного из таких писем, полученного совсем недавно. Его автор — Борис Васильевич Филатов, уроженец села Ивановское, Дмитровского района, Московской области. «Длительное время, — пишет он, — жил я в деревне Аладьино вблизи речки Лутосни, каждое лето провожу в этих местах. Я очень их люблю: это — моя Родина, и я горжусь тем, что на этой земле, в имении Шахматова, жил и творил гениальный русский поэт Александр Блок, который первый прославил Великую Октябрьскую революцию в советской поэзии». Но, пишет далее Б. В. Филатов, современная судьба Шахматова вызывает глубокую тревогу. «Соловьиный сад погибает, дичает, зарастает, погибает старый серебристый тополь, воспетый А. Блоком. Упала одна из трех старых берез при въезде в Шахматово и т. д. При взгляде на нынешнее Шахматово становится больно и горько... Если Шахматово не будет восстановлено, если там не будет создан музей, то исчезнет этот замечательный уголок Подмосковья: уже сейчас здесь вырубают леса, засоряют реки, строятся однообразные стандартные дома, нарушающие поэтический облик

Александр Блок. Шахматово. 1909 год.

этих мест... Необходимо срочно объявить заповедными окрестности Шахматова, взять под защиту закона прекрасные ландшафты вокруг таких деревень, как Гудино, Осинки, Лукьяново, Аладьино, Тараканово, Боблово, по обе стороны речки Лутосни, по сторонам Таракановского и Рогачевского шоссе в 5—7 километрах вокруг Шахматова. Потомки не поблагодарят нас, если «Россия Блока» исчезнет».

Это письмо читателя — реальное отражение положения статьи 67 проекта Конституции СССР, которая ныне обсуждается всей страной: «Забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей — долг граждан СССР». По закону СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» к ним относятся и «...места и отдельные предметы, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся... деятелей литературы и искусства».

...Усадьба Блока была совсем неподалеку от Москвы. В наши дни электричка с Ленинградского вокзала немногим более чем за час доходит до станции Подсолнечная, а там примерно в двадцати километрах в сторону от железной дороги и Шахматово, о котором Андрей Белый писал: «Здесь, в окрестностях Шахматова, что-то есть от поэзии Блока... встали горбины, зубчатые лесом: напружинились почвы и врезались зори:

И от вершин зубчатых леса
Засветит брачная заря».

Те же холмы, с разбросанными по склонам деревеньками, угрюмые еловые леса, кое-где перемежающиеся светлыми березовыми рощицами, то же небо над головой и тишина, тишина поистине заповедная и совершенно необычная в наш вечно спешащий, грохочущий век встретят нас на пути к усадьбе поэта. С детства Александр Блок очень любил бродить по этим изумительным местам. Часто верхом на своем любимом коне Мальчике отправлялся он по шахматовским окрестностям.

Бабушка поэта, известная в свое время писательница и переводчица Елизавета Григорьевна Бекетова, сообщала его двоюродному

Любовь Дмитриевна Менделеева в роли Офелии. 1898 год *.

брату Андрею Кублицкому в Барнаул: «А знаешь ли, несмотря на близость железной дороги и больших городов, у нас в Шахматове природа совсем дикая, и многие места в окрестностях прелестны и еще неизвестны тебе. Сашура нынче много рыскал верхом и делал открытия: он собирает будущим летом объездить эти места вместе с вами».

Двоюродный брат А. Блока Ф. Кублицкий, оставивший очень интересные воспоминания о юности Блока, опубликованные пока лишь частично, писал: «Саша всегда старался забраться куда-нибудь подальше, в новые места, в глухие лесные дороги, открыть новые виды и дали, которыми так богата эта часть Подмосковья. Обычно поездки эти совершались под вечер, когда спадала жара и лошадей меньше беспокоили мухи и слепни. Часто возвращались домой уже почти в темноте. Вставала красная полная луна, туман белой пеленой стлался вдоль реки и поднимался к усадьбе... Саша обычно обгонял нас с братом на своем более крупном «Мальчике». Конь этот был с норовом: в молодости его долго держали в темной конюшне, и потому зрение его было испорчено, и он часто пугался и бросался в сторону, но Саша привык к его замашкам и справлялся с ним довольно хорошо».

Высокий белый конь, почуя
Прикосновения хлыста,
Уже волнуясь и танцуя,
Его выносит в ворота.

Саша необычайно хорошо относился к животным. Особенно любил он собак, и они его любили. Ирландский сеттер Марс, погибший в Шахматове от чумы, был одним из его любимцев. Позднее Саша постоянно возился и гулял с такой своей матери Крабом. Гоняя в сопровождении отчаянно лающего Краба кур из сада, Блок шутил: «Мы с Крабом — братья Гон-куры».

Вообще каламбуры очень удавались Блоку. Однажды приезда из Сибири в Шахматово своих младших двоюродных братьев, он говорил: «Приедут два Мамина-Сибиряка».

В счастливо сбереженных временах шуточных письмах Блока Андрею Кублицкому, а также письмах матери поэта (мы приводим здесь отрывки из них) рассказывается о том, что в те годы, когда рождались многие из стихов первого тома лирики Блока, жизнь в усадьбе была полна мальчишеского веселья, возни с так любимыми Блоком собаками, поездками по окрестным полям и лесам, подготовкой спектаклей, работой в саду.

АЛЕКСАНДР БЛОК.

«Пик кланяется тебе,— писал Блок младшему брату в июле 1899 года,— собакам и ежам. Недавно я сильно бил Арапку и Орелку, потому что они кусали лошадь гудинского мужика Никиты. Лошадь испугалась и побежала очень скоро, чуть не сломала телегу, а Никита испугался, прыгнул из телеги, и у него немного заболела шея. Лошадь остановилась далеко в поле. Никиту очень жаль, потому что он бедный, больной и старый, у него болят ноги. Теперь Арапка меня боится, а Орелка машет хвостом и ворчит, когда я его ласкаю. Арапка плохая собака, он кусает лошадей и рвет платье у баб. Надо посадить его на цепь, потому что он очень большой и сильный и может больно кусаться. Но большие собаки также, однако, кланяются тебе, преимущественно Орелка...»

Я езжу в Боблово иногда на Гнедом, потому что Мальчик плохо ходит и брыкается задними ногами. Серый кушает много, но ничего не делает. Бурый очень много работает, также и Коска довольно много. У нас есть маленькие цыплята, но Пик не кушает их. Очень странно! Сороч и коршунов также очень много, они лучше умеют кушать кур, чем Пик».

Через год Блок вновь упоминает о жизни в Шахматове в письме брату в Барнаул:

«Завтра, 6-го сентября мы с мамой поедем в Петербург. В Шахматово теперь очень хорошо и, я думаю, гораздо красивее и лучше, чем в Барнауле. У нас молотили рожь и овес, мы с Иваном рубили очень много дров...».

«Сашура... очень много работает в саду...— писала Андрею Кублицкому мать поэта.— Он полет цветники, обрезают траву вокруг них, чистит дорожки, косит и убирает сено в саду, также поливает. Я очень рада, что он все это делает, потому что это очень хорошо для сада и полезно для Сашуры. Он после работы всегда веселый и много говорит глупостей. К Менделеевым он ездит не часто. Театр будет в июле, будет пушкинский: «Евгений Онегин», «Дон Жуан», «Скупой рыцарь», «Дмитрий Самозванец». В Боблове все преимущественно дамы, и Сашура один господин, будет играть все роли мужчин. Трудно будет, много работы...»

Заря жизни, первая книга стихов, пробуждение любви к родной земле — все это стоит у Блока под знаком Шахматова.

В течение тридцати пяти лет из сорока одного прожитого приезжал он сюда. Здесь написал Блок около трехсот лирических стихотворений, работал над поэмами, статьями, пьесами. Здесь входила в его сердце Россия.

Выхожу я в путь, открытый взором,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косоогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах.
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав...

Лучше всего творчество Блока можно понять и почувствовать, соприкоснувшись с тем, что будило его поэзию. С высокого, поросшего старыми березами, кленами и молодыми деревцами холма, где стояла усадьба Шахматова, открываются взору бескрайние просторы средней России, предстает перед нами та природа, что необычайно четко и ясно отражена в пейзажной поэзии Блока. Поэт был точен в описаниях. «Темнозеленые межи», которые «сбегают к овином», — это окрестности исчезнувшей не так давно деревушки Шепляково, и теперь вьется из Шахматова к деревне Гудино «пестрым лугом дороги узкой колея», до сих пор, чтобы попасть в Шахматово, надо идти разбитой проселочной дорогой, усыпанной ярко-голубыми васильками полями ячменя, вспоминая: «...еще леса, поляны, и проселки, и шоссе, наши русские туманы, наши шесты в овсе...». Прекрасные строки создавались под этим небом, на этой земле или были вдохновлены ею.

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.
О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.
Наш путь — степной, наш путь — в тоске
безбрежной,

Тексты и фотографии, помеченные *, публикуются впервые.

В твоей тоске, о, Русь,
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.
Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...
И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

Не раз выходил Блок на берега своей «Непрядвы», небольшой речки Лутосни, то скрывающейся в оплетенных хмелем зарослях ивы и ольхи, то вырывающейся на простор лугов, чтобы вновь пропасть в темной чаще леса. Сейчас Лутосня изменилась, обмелела, а когда-то мельничные плотины поднимали ее воду...

За Лутосней, на самом высоком в округе холме, на фоне зубчатой крошки леса виднеется село Боблово. Там в старинном парке стоял дом, в котором жил великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев.

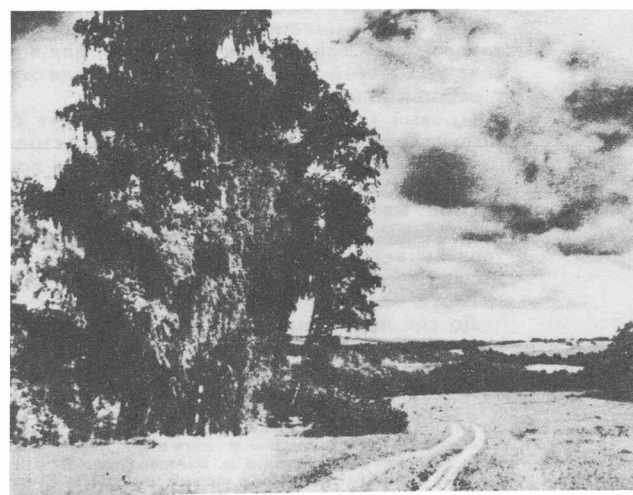
Молодой Блок часто ездил верхом в Боблово к своей Прекрасной Даме — невесте Любови Дмитриевне Менделеевой. В домашних спектаклях, устраивавшихся в Боблове, приобщался Блок к искусству сцены. «Гамлет», «Скупой рыцарь», «Маленькие трагедии» — репертуар был достаточно разнообразен и сложен. Воспоминания участников, письма и фотографии сохранили для нас сведения о тех спектаклях. Александр Блок не стал профессиональным актером, о чем мечтал в юности, но через всю жизнь пронес любовь к искусству театра. Любовь Дмитриевна Менделеева, впоследствии жена поэта, посвятила себя театру, ее сценический псевдоним — Басаргина.

Романтическая атмосфера молодости Блока видна в воспоминаниях Любови Дмитриевны: «Первый и единственный за эти годы мой более смелый шаг навстречу Блоку был в вечер представления «Гамлета». Мы были уже в костюмах Гамлета и Офелии, в гриме. Я чувствовала себя смелее. Венон, сноп полевых цветов, распушенный на показ всем плащ моих золотых волос, падающих ниже колен... Блок в черном берете, колете, со шпагой. Мы сидели за кулисами в полутьме, пока готовили сцену. Помост обрывался. Блок сидел на нем, как на скамье, у моих ног, потому что табурет мой стоял выше на самом помосте. Мы говорили о чем-то более личном, чем всегда, а главное, жуткое — я не бежала, я смотрела в глаза, мы были вместе, мы были ближе, чем слова разговора. Этот, может быть, десятиминутный разговор и был нашим «романом» [...] поверх «актера», поверх вымуштрованной барышни, в стране черных плащей, шпаг и беретов, в стране безумной Офелии, склоненной над потоком, где ей суждено погибнуть».

И сейчас, почти через восемьдесят лет после тех спектаклей, романтично Шахматово. Но это, к сожалению, романтика запустения, когда заросли и сравнялись с лесом парковые аллеи — лишь очень внимательный взгляд отличит сейчас порядки деревьев, — когда вырос молодой лесок на месте дома, когда таинствен и угрюм старый парк, в котором каждую весну еще зацветает блоковская сирень, летом алеет шиповник и тянутся к солнцу какие-то загадочные, нехарактерные для Подмосковья растения, потомки тех, что сажал когда-то с дедом-ботаником Бекетовым молодой Блок.

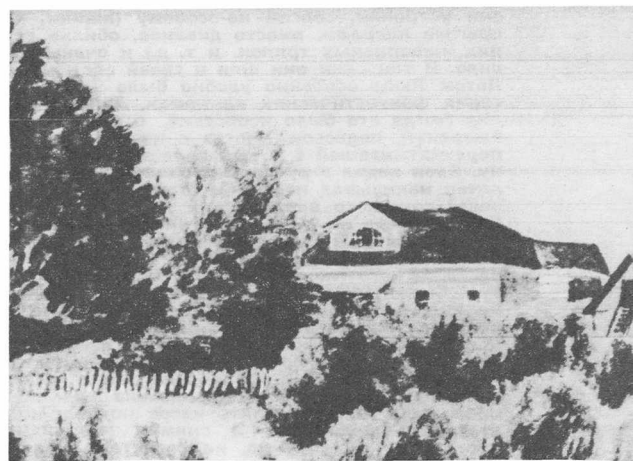
Но идут и едут в Шахматово люди. Ежегодно здесь бывают тысячи тех, кому дорога русская культура. И звучат над Соловьиным садом стихи Александра Блока, и, поклонившись земле, где жил и творил он, приехавшие в Шахматово увозят с собой новое, истинное постижение Блока и его России, воочию увиденной в этом сказочном уголке нашей страны. Но вместе с восхищением увозят памятники отсюда и чувство горечи. Перед ними возникают вопросы, подобные тем, что поставил в своем письме Б. Филатов и которые привели нас сегодня в Шахматово. Действительно, почему до сих пор не восстановлен небольшой дом поэта — пять комнат внизу, две наверху, его флигель, сад и парк, то есть не сделано то, что осуществлено в Михайловском, Тарханах, Тригорском? Почему усадьба Блока поросла травой забвения, почему не открыт здесь музей великого поэта и приезжающие к нему люди вынуждены бродить по лесам, полям и холмам, разыскивая то, что осталось от Шахматова?

В мае 1977 года исполком Мосообрсовета поставил под государственную охрану «как памятник истории местного значения территории усадьбы А. А. Блока Шахматово, здание бывшей церкви», где венчался поэт. Кроме

Россия Блока.
Вид из Шахматова.
Фото В. Молчанова. 1946 год*.

Усадьба Шахматова.
Рис. Е. Бекетовой. 1880-е годы*.

ландшафтов, пока охранять здесь нечего. Дом на шахматовском холме, поросшем лесом, надо срочно восстанавливать, и не как памятник местного значения — как памятник истории и культуры государственного значения, известный ныне всему миру.

Восстанавливая усадьбу Блока, следует создавать не театральный макет, надо воссоздать атмосферу, которая царил в его доме. Достичь этого без мемориальных вещей Блока и Бекетовых, которые были в Шахматове, которые когда-то видел поэт, которые помнят прикосновение его рук, невозможно.

Все, кто когда-нибудь восстанавливал старые усадьбы и создавал в них музеи, знают, как безумно трудно разыскивать по самым различным уголкам страны и за рубежом подлинники вещей владельцев. Они рассеяны временем и судьбой, и их поиск порой напоминает самый захватывающий детектив, и даже самая незначительная находка вызывает чувство, подобное чувству художника, завершившего наконец долгий, упорный труд.

За сто лет, прошедших со дня рождения Блока, и пятьдесят с небольшим лет со дня его смерти вещи, книги, письма и рукописи поэта тоже разошлись по всему свету. Не считая того, что сосредоточено в государственных хранилищах, — это в основном рукописи, дневники, письма, фотографии.

Но сейчас еще можно разыскать некоторые предметы шахматовской обстановки, сохранилось несколько десятков книг из библиотеки Блока — Бекетовых, бывшей в усадьбе, дорожный ящик с монограммой поэта, портреты его

ЗВЕНЬЯ ПАМЯТИ

предков — всего более двухсот мемориальных вещей Блока известны сейчас у различных владельцев. Словом, есть материалы для воссоздания живой атмосферы усадьбы, где жил и работал Александр Блок.

В новый музей с радостью передадут семейные реликвии живущие в нашей стране родственники Блока и Бекетовых. Готовы предоставить восстановленному Шахматову интересные материалы и потомки некоторых современников поэта. Именно там, например, хотела бы видеть архив своего отца Р. С. Городецкая — дочь друга Блока, поэта С. М. Городецкого.

До сих пор время от времени обнаруживаются неизвестные ранее свидетельства людей, бывавших в Шахматове. Вот, например, отрывки из воспоминаний дальней родственницы Блока А. Е. Лозинской-Стратоницкой:

«Осенью 1905 года — в августе — мы с мамой прогостили неделю в Шахматове. О Шахматове писали многие в своих воспоминаниях о Блоке, и я описывать его не буду. Скажу только, что оно очаровало меня. Деревню я знала хорошо и очень любила, т. к. сама выросла в деревне; но в великорусской деревне я, белоруска, была в первый раз. Все было непохоже на наши места — и люди, и общий ландшафт, и... дорога, на которой можно было если не сломать шею, то сильно прикусить язык. От станции Подсолнечная до Шахматова было, кажется, верст 20—25, но толчков, ухабов и пр. хватило бы и на 50...

Блоки жили не в «большом» доме, а через двор, в маленьком флигеле, который сами они устроили, совсем по-особому (ящики, покрытые коврами, вместо диванов, обилие всяких живописных тряпок и т. д.) и очень красиво. И так сами они шли к своей обстановке. Летом Любе особенно удобно было ходить в своих фантастических костюмах, или сарафанах (тогда это было новостью), с массой бус, ожерелий, подвесок, иногда с цветной лентой, перехватывавшей à la grecque ее золотую голову. Блок ходил в русской рубашке, иногда под вечер накидывал на плечи старенький «армячок», почему-то вызывавший негодование Любы; но когда он сидел на ступеньках веранды в этом костюме, да еще опираясь на палку — скорее «посох» — с крючком, я не могла отвести от него глаз: эллинистический пафос, да и все тут! Сняла его раз в таком виде — и снимок не вышел, к моему большому огорчению. Вообще я снимала всех с усердием, как всякий новоиспеченный фотограф; и тоже, как всякий новоиспеченный фотограф, большей частью неудачно. Если бы я предвидела, что я «делаю историю», может быть, преодолела бы лень промывать негативы пять часов подряд; но я этого не предвидела, и снимки получились убогие, о чем, конечно, не перестаю жалеть.

В Шахматове жилось эту неделю очень весело. Нас, молодежи, было пять человек: Блоки, два внука Кублицких и я. Гуляли по лесам и лугам (погода была хорошая), а вечерами играли в «буримэ», что мы все очень любили. Но, как ни странно, особенно удачных буримэ у Блока я не помню, и вся наша «поэзия» у меня не сохранилась. Сохранилось в памяти только одно четверостишие А. А., но не буримэ, а «н случаю». Будущий биограф Блока, Мария Андреевна Бекетова, очень любившая музыку, часто играла по вечерам на рояле, и особенно охотно и часто Баха. А. А. совершенно был равнодушен к музыке, уверял, что абсолютно лишен слуха (хотя впоследствии увлекался Вагнером). И вот по этому случаю он написал:

Не мороз дерет по коже,
Вызывая боль в зубах...
Тетя, тетя! Для кого же —
Уж не для меня ли Бах?! [...]»

Фотографии, о которых пишет Александра Евгеньевна, пусть даже и «убогие», пока неизвестны. Интересно их разыскать — это еще ряд уникальных блоковских документов.

...По традиции в первое воскресенье августа на подмосковной земле прошел Блоковский праздник поэзии. Хотелось бы, чтобы в столетний юбилей автора «Двенадцати» в 1980 году состоялся он в восстановленном Шахматове, в музее-заповеднике Александра Блока, обратившего к России проникновенные, прекрасные строки:

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И ввязнут спицы росписные
В расхлябанные колени.

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви.

Ушла в прошлое та Россия. Не минули бури истории и маленькую усадьбу поэта. Но нерасторжимы звенья памяти. В ранг государственного закона возведена в нашей стране забота о сохранении для будущих поколений памятников истории и культуры. Ведь «двигаться вперед может только память, а не забвение».

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ТЕАТРАЛЬНЫХ ПРОГРАММОК

Н. ЛЕЙКИН

Это не статья, затрагивающая те или иные проблемы современного театрального искусства, не обозрение новых постановок завершившегося театрального сезона. Это именно заметки на полях театральных программки сезона 1976/77 года. Причем, что очень важно сразу же оговорить, заметки отнюдь не по существу спектаклей, как правило, в целом интересных и уже получивших в прессе серьезный, большей частью позитивный разбор. Заметки эти сделаны, так сказать, попутно, по отдельным частным, побочным поводам, не касающимся сути, основного содержания данных спектаклей. Однако по таким поводам, с которыми связано возникновение недоуменных вопросов.

А КАК ЖЕ ЧАЙКА?

Да, да, та самая чайка — неотъемлемая эмблема Московского Художественного театра. Вот уже десятилетия парит она на мхатовском занавесе, на мхатовских программках, на мхатовских юбилейных значках, словно осенняя своими белыми распластанными крыльями искусство этого театра как его прекрасный чеховский символ. «Эмблема чайки на нашем занавесе», сказал Вл. И. Немирович-Данченко, — символизирует для нас наше творческое начало, нашу влюбленность в Чехова, его громадную роль во МХТ».

И вот однажды, войдя в старое здание Художественного театра, мы не увидели чайки. Театр встретил нас открытой сценой. И лишь по бокам ее с краешков раздвинутого занавеса как-то стыдливо и робко чуть выглядывали уголки знакомых белых крыльев...

Отсутствием театрального занавеса никого нынче не удивит. Даже во МХАТе. К этому привыкли. Этот постановочный прием прочно вошел в обиход современного театра. Речь сейчас о другом. О том, что чайка «улетела» с чеховского спектакля (дело было на премьере «Иванова»), — спектакля глубокого, сильного, с такими истинно чеховскими, истинно мхатовскими образами, как граф Шабельский — М. Прудкин, Лебедев — А. Попов... С такими опять же истинно мхатовскими реалистическими декорациями художника Д. Боровского, которые помогли постановщику спектакля О. Ефремову воссоздать на сцене подлинный дух чеховского творения.

Так почему же именно в этом спектакле надо было отказываться от занавеса? Так ли уж необходимо диктовалось это решение постановочным замыслом?

Правда, в самом конце спектакля занавес дали, и чайка водворилась на свое законное место. Но, может быть, в Художественном театре на постановках пьес Антона Павловича Чехова все же не надо отказываться от традиционного занавеса? Хотя бы ради того, чтобы не сгонять белокрылую чайку с ее насиженного родового гнезда...

ПОЧЕМУ БЫ ИМ НЕ ЖИТЬ?

В числе других героев, хороших и разных, с двумя поистине прекрасными людьми познакомили нас театры в минувшем сезоне. Это два современных крестьянина: русский — Егор Полушкин из спектакля театра «Современник» «Не стреляйте в белых лебедей» и молдаванин Кэлин Абабий из спектакля Центрального театра Советской Армии «Святая святых».

«ПОПУТН

И тот и другой исповедуют мудрую и непреложную истину: смысл человеческой жизни определяется прежде всего тем, как человек живет, независимо от того, сколько он прожил и чем занимается... И оба они исто-во, свято любят родную землю, солнце, воздух, деревья, траву, все живое на этой земле. И оба страстно радуются за то, чтобы сделать ее еще краше, по-сыновьи, по-хозяйски берегут природу, заботятся о ней.

Да вот беда — оба они гибнут: Егор от рук браконьеров; у Кэлина сердце отказывает. Но почему, собственно, должны они уходить из этого мира? Почему утверждение высоких нравственных идеалов и духовных ценностей, олицетворяемых этими людьми, должно осуществляться за счет их праведных жизней?

Может быть, и не возникло бы такого вопроса, если бы случай был единичен. Однако, посмотрев подряд два эти спектакля, невольно обнаруживаешь тенденцию. Кстати, она и в том, что наших героев при жизни считают незадачливыми чудаками, бедолагами, а после смерти памятники им ставят.

Ну, хорошо, пусть не тенденция — просто совпадение авторских замыслов и решений. Но почему бы не быть ему иным? Почему бы не жить дальше Егору и Кэлину, почему бы не продолжать успешную, при всех драматических поворотах, борьбу против своих моральных антиподов и торжествовать победу над ними вместе с нами, а не с надгробных постаментов? Разве такое решение, такое развитие событий менее отвечало и соответствовали бы нравственным нормам и закономерностям современной действительности?

НУЖНЫ ЛИ ШЕКСПИРУ СОАВТОРЫ?

Конечно же, нет. Как не нужны соавторы и Гоголю, и Островскому, и Чехову, и Горькому.

И тем не менее вопрос этот не так уж странен и беспочвен, как может показаться на первый взгляд. На программках и афишах спектаклей, поставленных по пьесам классиков, нередко встречается строчка: «Сценическая редакция театра» или «Сценическая редакция имярек». Как правило, это имя режиссера-постановщика. А, скажем, в постановке комедии «Два веронца» на сцене Московского драматического театра имени К. С. Станиславского у Шекспира обнаруживаются сразу два соавтора интермедий. И тут не стоит даже касаться содержания, литературных достоинств этих интермедий. Пусть они будут безупречны сами по себе. Но все же зачем Шекспиру соавторы? Неужели так уж слабы и никчемны интермедии для слуг-шут-ов Спиды и Ланса, принадлежащие перу самого классика?

А что скрывается за формулой «сценическая редакция»? Только ли бережные купюры? (Хотя и в этом плане целесообразность отнюдь не всегда бесспорна.) Порой «сценическая редакция» означает и нечто большее, когда режиссерское толкование, режиссерская трактовка идейного содержания классической пьесы, классических образов подменяются режиссерским соавторством. Уместное и подчас необходимое в работе театра с живым, современным драматургом, зачем оно классике?

А разве можно считать правомерным такое режиссерское соавторство, когда текст классической пьесы перекомпоновывается, переставляются в ней эпизоды, монологи разбиваются на реплики?

Наверное, в теории для всех очевидна неправомерность самовольных вторжений в классический текст. Так, может быть, стоит и в нашей театральной практике позаботиться о том, чтобы поберечь, оградить классическую драматургию от все более распространенного соавторства? Или хотя бы ограничить его разумными пределами?..

ЫЕ» ВОПРОСЫ

ЗАЧЕМ ЗАГАДЫВАТЬ РЕБУСЫ!

Как уже было сказано, театры сейчас сплошь и рядом отказываются от занавеса. Зачем — это, правда, не всегда ясно. Но порой отсутствие занавеса бывает очень и очень кстати: имеешь возможность еще до начала представления если и не разгадать возникающие перед тобой ребусы и загадки сценического оформления, то хотя бы разобраться в том, что творится на театральных подмостках. Или по крайней мере дать привыкнуть глазам к тем непонятным по своему назначению и смыслу предметам, декорационным конструкциям и элементам, которые породила фантазия постановщика и сценографа.

Взять, к примеру, спектакль «Фантазии Фаяртьева», идущий одновременно в двух столичных театрах. И в Центральном театре Советской Армии и в «Современнике» интересная, хотя и не во всем бесспорная пьеса молодого драматурга А. Соколовой, посвященная теме морали, нравственных исканий современника, глубоко трактована режиссерски, отлично сыграна многими талантливыми актерами. Тем досаднее ребусы и загадки постановочных и сценографических решений, которые предлагают зрителю: в ЦТСА — режиссер М. Левитин и художник П. Белов, а в «Современнике» — режиссер Л. Толмачева и художник Д. Боровский.

Ну что, скажем, должен символизировать собой в спектакле ЦТСА висящий под самым потолком на вешалке женский зеленый брючный костюм, который время от времени начинает дергаться, вроде бы приплясывать? Или к чему здесь установлен посреди сцены большой горящий софит (ведь действие происходит в обычной городской комнате)?.. А что означает некая круглая конструкция, которую можно принять то ли за большое окно, то ли за громадный фотообъектив и которая служит также дверью для входящих и выходящих через нее персонажей?..

Не менее трудно разобраться и в сумбуре каких-то затемненных, уходящих куда-то ввысь лестниц, площадок и поддерживающих их столбов в спектакле «Современника». Ломаешь голову и над тем, почему установленный на одной из этих лестничных площадок письменный стол, за которым работает герой, наполовину висит в воздухе. А почему выгородка одной из комнаток, где разворачивается действие этого спектакля, наглухо обита кусками самых различных ковровых тканей?..

Нет сомнения, на все эти вопросы, конечно же, могут дать исчерпывающие ответы сами режиссеры и художники. Но ведь им не предоставляется непосредственное слово, спектакль должен говорить сам за себя.

Есть, правда, еще критические, рецензентские комментарии, которые те или иные постановочные загадки нередко именуют сценическими метафорами, усматривая в них нечто многозначительное и глубокомысленное. Иногда это соответствует действительности.

Однако не лучше ли не усложнять без особой нужды театральный язык и не отвлекать зрительскую мысль от главной идеи произведения, выражаемой актером, на разгадки изощренных постановочных головоломок?..

ЧТО ЗА СТРАННОЕ ПРИСТРАСТИЕ!

Этот вопрос вызван тоже спектаклем «Фантазии Фаяртьева». В нем — и в ЦТСА и в «Современнике» — обнаружилось необъяснимое пристрастие режиссуры к демонстрации предметов интимного дамского туалета.

В ЦТСА по всей сцене во множестве раскиданы женские туфли — белые, красные, желтые, черные. Одного этого было бы вполне достаточно самого по себе, чтобы дать характерную приметку квартиры, населенной преимущественно прекрасным полом. Режиссеру этого показалось, видимо, мало. И первое,

что бросается в глаза, когдаходишь в зрительный зал, — это развешанные обильно на сцене, где только можно, различные образцы нижнего женского белья, большей частью ночные рубашки и всевозможные комбинации. Так они и висят на протяжении всего спектакля, никакой существенной роли в нем не играя.

А в спектакле «Современника» нижнее женское белье демонстрируется, так сказать, в действии. Одна из героинь пьесы, девушка Люба (кстати, ее превосходно, сильно играют в очередь чудесные молодые актрисы «Современника» Марина Неёлова и Екатерина Маркова), по замыслу режиссера довольно долго пребывает на сцене, что называется, в дезабилье.

Но ведь есть все-таки разница между драматической сценой и подиумом в Доме моделей, где работают профессиональные манекенщицы. Это во-первых. А, во-вторых, к чему откровенное, нарочитое неглиже в серьезном драматическом спектакле, даже если это трагикомедия? Особенно в таком, исповедующем подлинность и глубину переживания, воплощения «жизни человеческого духа» театре, как «Современник». Что это дает для вскрытия «подводного течения» пьесы, для психологического проникновения в образ?

НЕ МНОГО ЛИ СОБАК!

Давно замечено, что появление на сцене «братьев наших меньших» всегда вызывает в зале веселое оживление. И зрительское внимание сразу же переключается на четвероногих статистов. Это естественно. Но всегда ли это на пользу драматическому действию?..

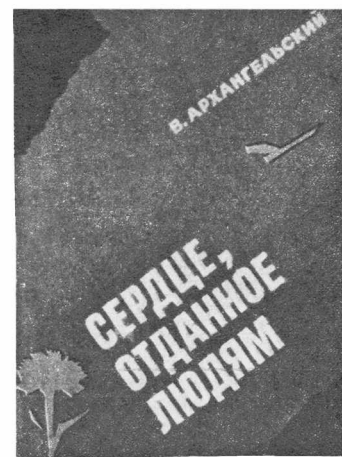
В минувшем сезоне прелестные, славные живые собаки вышли на театральные подмостки сразу в нескольких спектаклях, например, «Не стреляйте в белых лебедей» («Современник»), «Душа поэта» (Московский драматический театр на Малой Бронной), «Два веронца» (Московский драматический театр имени К. С. Станиславского)... В последнем очаровательный дрессированный песик — не то шпиц, не то лайка, не то смешанный с кем-то терьер, — сопровождавший слугу-шута Ланса, выглядел, пожалуй, уместно, ибо забавлял публику в клоунской интермедии, поставленной в соответствующем шутивно-игровом ключе. А вот в первых двух то самое веселое оживление зала, вызванное появлением на сцене собак, явно диссонировало с остро драматическими контекстами этих спектаклей.

И ласковый, покорный жесткошерстный фокстерьер на руках Кольки, сына Егора Полушкина («Не стреляйте в белых лебедей»), и две роскошные, горделивые, ухоженные борзые, с которыми пришла в таверну мать находившегося там молодого человека («Душа поэта»), умиляли, восхищали, удивляли. Но, как бы там ни было, они, эти ни в чем не повинные песики, уводили зрительское внимание в сторону от очень серьезных, суровых нравственных ситуаций, ослабляя самым фактом своего появления в этих ситуациях напряженное развитие драматических сюжетов.

Мы все очень любим собак, наших верных, преданных друзей и помощников. Но для проявления этой любви театр все-таки место мало подходящее. Необходимость «масового» появления собак на его подмостках по меньшей мере сомнительна. И, уж во всяком случае, вводить собак в драматические представления, памятуя о возбуждаемой ими реакции зрителя, следует очень осторожно и осматривательно. А может быть, вообще не стоит этого делать?..

Все эти «попутные» вопросы возникли и заданы из самых добрых и благожелательных побуждений. Ведь частности, о которых идет речь, неотрывны от целого и так или иначе влияют на него.

КНИГА О КОММУНИСТАХ

В этой книге, едва насчитывающей полтора-два странички, три небольшие документальные повести, хотя автор скромно назвал их очерком, беседой и интервью. Три повествования о тернистом, жестком, но возвышенном и благородном пути тех, кто, пройдя все круги ада, не изменил идеалам далекой юности, не сдался на милость инквизиторов XX века, остался до конца верен революционному долгу коммуниста, пролетарскому интернационализму.

Свыше тридцати лет отделяют нас от последних залпов второй мировой войны, от победы над фашизмом. Взрослыми стали не только дети, но и внуки фронтовиков — и тех, кто отдал жизнь на алтарь Отечества, и тех, кого пощадила изменчивая военная судьба.

И если для нас и наших друзей в социалистическом мире девиз «никто не забыт, ничто не забыто» стал символом памяти, беспримерной стойкости борцов с фашизмом на фронтах и в глубоком подполье, то недруги наши уже давно готовы предать забвению миллионы павших, руины Сталинграда, Варшавы и Ковентри, виселицы Минска и Львова, гарь газовых камер Освенцима и Бухенвальда, пепел Лидице, Хатыни и Орадура. Покровительственным взором окидывают они бесчинства новоявленных фюреров Аугусто Пиночета и Яна Смита, шабаша неонацистов в ФРГ. Их слух ласкают истерические вопли антикоммунистов на обоих американских материках и неистовство пекинского антисоветчиков.

Сила книги Валентина Архангельского «Сердце, отданное людям» не только в запоминающихся, страстных рассказах о жизненном подвиге в борьбе с фашизмом и неонацизмом неслыхаемых коммунистов-интернационалистов Эрнста Тельмана, Цолы Драгойчевой, Луиса Корвалана и их соратников, но и в том, что она зовет к бдительности, предупреждает, что на дрожжах неистового антикоммунизма неизбежно произрастают семена тех режимов, которые сегодня мир с содроганием наблюдает в Чили, Уругвае, Сальвадоре или в Родезии и Южно-Африканском Союзе.

Необычна форма повествования, избранная автором. Например, о жизни и борьбе Эрнста Тельмана и его последних днях в гитлеровском застенке мы узнаем из уст немецкого антифашиста Отто Домбахера, чудом уцелевшего узника Бухенвальда. Интересен и волнующ до предела искренний и человечный рассказ об отце, записанный со слов сына Луиса Корвалана, вырвавшегося из пиночетовского лагеря смерти в дни, когда Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили еще томился в тюрьме. Героический путь отважной болгарской коммунистки Цолы Драгойчевой зримо прослеживается по вопросам и ответам, данным в романтически-приподнятом и философском плане и созвучным сегодняшнему дню.

— Всю свою жизнь Вы посвятили борьбе за торжество идеалов социализма, дважды были приговорены к смертной казни за коммунистические убеждения. Как Вы относитесь к разного рода идейным перерожденцам и ренегатам? — спрашивает автор книги Драгойчеву.

Ответ раскрывает характер революционера:

— Во все времена, от самой древности до наших дней, наиболее глубоким и неизлечимым всегда было клеймо позора, которым метились предатели. Измена всегда считалась самой черной низостью, на которую только способен человек. Измена клятве, которую произнес, измена людям, с которыми сражался плечом к плечу, измена земле, которая тебя родила, Родине, которая тебя вскормила...

Книга В. Архангельского посвящена коммунистам, людям новой формации, интернациональному братству.

Георгий ОСИПОВ

В. Архангельский. Сердце, отданное людям. Издательство «Ештардия». Ташкент, 1976, 144 стр.

МЕКСИКАНСКОЕ ЛЕТО

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

АЭРОФЛОТ И РАЗРЯДКА

В Аэрофлоте очередное радостное событие — открытие новой линии, на сей раз по маршруту Москва — Франкфурт-на-Майне — Лиссабон — Гавана — Мехико. Праздник и у нескольких московских журналистов: мы летим с представителями Аэрофлота, причем не просто совершаем рейс в Мехико и обратно, но собираемся задержаться там и познакомиться со страной.

За многие годы журналистской работы мне посчастливилось побывать во многих странах, но я не припомню, чтобы очередная предстоящая зарубежная поездка когда-либо вызвала у моих друзей такую хорошую зависть, как эта. «Вот где бы я хотел побывать больше всего!» — к этому сводились напутствия моих собеседников. Посмотрев на Мексику своими глазами, я понял, что для таких высказываний есть веские основания. При всех сложностях и противоречиях своих будней страна прекрасна: она сказочно богата как уникальными историческими памятниками, так и изумительной природой; немаловажно и то, что в Мексике среди прочих официальных учреждений существует правительственный Совет по туризму — в эффективности его деятельности мы вполне убедились, ни разу в нем не побывав и с его руководством не встречаясь. Но к этому мы еще вернемся...

Итак, лайнер ИЛ-62М стремительно и плавно взмывает в московское небо и берет курс на Франкфурт-на-Майне. Впереди, до Мехико, более 13 тысяч километров лету. Кстати, это не самый дальний рейс Аэрофлота. В 1974 году, например, открылась его самая протяженная трасса, связавшая Москву с Лимой, — около 16 с половиной тысяч километров. Еще немного статистики: Мексика стала 78-й страной, куда летают наши самолеты, а в ближайшие годы они будут совершать регулярные полеты в 100 аэропортов более 90 стран мира. Так уверенная поступь разрядки оставляет свои невидимые, но весьма знаменательные отпечатки и на воздушных трассах. Между прочим, Мексика стала уже пятой страной Нового Света, куда летают самолеты Аэрофлота. А вообще трансатлантическая трасса освоена нашими пилотами еще с 1963 года, когда был открыт воздушный мост Москва — Гавана.

Обе Америки, Южная и Северная, таят в себе немалые возможности для более интенсивного развития воздушного сообщения с нашей страной. Другие континенты сотрудничают с Аэрофлотом куда активнее. Так, только в 1976 году и в начале 1977-го советские воздушные лайнеры проложили путь в Анголу, Мозамбик, Гвинею-Бисау, Бенин, Мавританию, Острова Зеленого Мыса, на Мадагаскар. Таким образом, уже 26 африканских стран связаны воздушным сообщением с Советским Союзом.

Полеты Аэрофлота на ближних и дальних зарубежных трассах стали делом таким привычным, что первый рейс в Мехико сам по себе выглядел вполне обычным, вплоть до того, что самолет по какой-то неистребимой аэрофлотской традиции был забит до отказа в оба конца. Как всегда, спокойно и четко работали экипажи; они дважды сменяли друг друга в пути. Каждый раз при посадках и взлетах на промежуточных аэродромах наш ИЛ садился и отрывался от земли, как на показательных учениях, а в воздухе на десятикилометровой высоте и при скорости почти в тысячу километров в час он вообще казался неподвижным.

Только приземлившись в аэропорту Мехико и выйдя из обжиготого уже за сутки самолета (16 часов летного пути плюс три посадки), мы впервые почувствовали, что полет был не совсем обычным. Если в Москве наши недолгие сборы в аэропорту и посадка в самолет ничем не отличались от такой же процедуры на других рейсах, то в Мехико мы, едва сойдя с трапа, попали в окружение встречающих нас мексиканцев. Многочисленные журналисты, представители местных властей и общественности заполнили большой зал в здании аэропорта, где состоялась пресс-конференция, посвященная открытию новой авиалинии. На вопросы отвечал наш известный пилот, Герой Социалистического Труда А. Витковский. Уже по характеру самих вопросов и по тому, что пресс-конференция затянулась на целый час, было видно, что мексиканцы придавали большое значение новой трассе, заинтересованы в ней. Затем встретившие нас мексиканцы были приглашены на борт ИЛа и совершили на нем полет. Пресса, радио и телевидение широко и дружелюбно отметили прибытие советского самолета и начало эксплуатации новой авиалинии. Вообще, начиная с этой встречи в аэропорту, нас всюду во время поездки по стране сопровождало самое дружеское отношение со стороны всех, с кем нам доводилось встречаться. Темпераментный и вежливый, улыбчивый и музыкальный, грациозный и красивый народ красивой страны был самым радостным нашим открытием в Мексике.

Радужное отношение к советским людям имеет здесь глубокие корни. Мексика была первой страной американского континента, установившей еще в 1924 году дипломатические отношения с нашей страной. Примечательно, что этот шаг был предпринят в результате массовой кампании мексиканских трудящихся за установление таких отношений. В 1930 году под давлением внутренней и внешней реакции правительство страны разорвало дипломатические отношения с нами. Но в 1942 году они были восстановлены. Уже одна эта дата говорит о многом...

И, наконец, в Мексике вполне подтвердились традиционные, устоявшиеся представления о ней: там действительно очень много песен и кактусов. И оказалось, что между ними есть определенная связь: из кактусов делают такой крепкий напиток, что под его воздействием невозможно не пить. Впрочем, в Мексике хочется пить и на трезвую голову.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ГИГАНТ

Мехико — главные воздушные ворота и столица страны. Что в первую очередь бросается в глаза в этом городе? Чрезвычайное обилие людей и автомобилей. Даже Нью-Йорк, по-моему, уступает Мехико в этой концентрации населения и машин. Причем не один я так считаю. Многие мои коллеги-журналисты, тоже побывавшие в обоих городах, думают так же.

По самым последним данным, в Мехико проживает восемь с половиной миллионов человек. Это без пригородов. То есть после Шанхая и Токио он стоит по населению на третьем месте в мире (Нью-Йорк — на четвертом; Москва, для примера, — на седьмом). А с пригородами в мексиканской столице насчитывается около одиннадцати миллионов жителей! Причем мне трудно понять, по каким признакам статистики отделяют эти пригороды от города. Когда знакомишься с Мехико, едешь по его улицам, протянувшимся на десятки километров каждая, когда попадаешь на его необозримые окраины, то, право, не замечаешь почти никакой разницы между собственно городом и его пригородами. В последних, правда, дома победнее, но народу там не меньше, чем в центре.

Столица ярко отражает, возможно, главный феномен сегодняшней Мексики — стремительный рост населения. В последнем демографическом ежегоднике ООН указывается, что с 1966 до 1975 года в 15 наиболее населенных странах число жителей возросло на 25 и больше процентов. Наибольший прирост — 40 процентов — отмечен в Мексике. Для сравнения можно указать, что в Англии, ФРГ, Италии, Франции, США и СССР прирост населения за тот период был от трех до девяти процентов. Полагают, что за ближайшие 24 года население страны удвоится и составит 120 миллионов человек. Столь стремительный рост так изменил соотношение возрастных групп населения, что иждивенцы моложе 15 лет составляют ныне более половины всего населения. Уже один этот факт таит в себе немало сложностей и противоречий. Заглядывая в конец своего пребывания у власти (президент здесь избирается на один шестилетний срок — Е. Н.), президент Лопес Портильо говорит, что он хотел бы видеть в 1982 году Мексику «более демократической страной, стремящейся к свободе, страной, в которой молодежь, составляющая 75 процентов населения, имела бы работу».

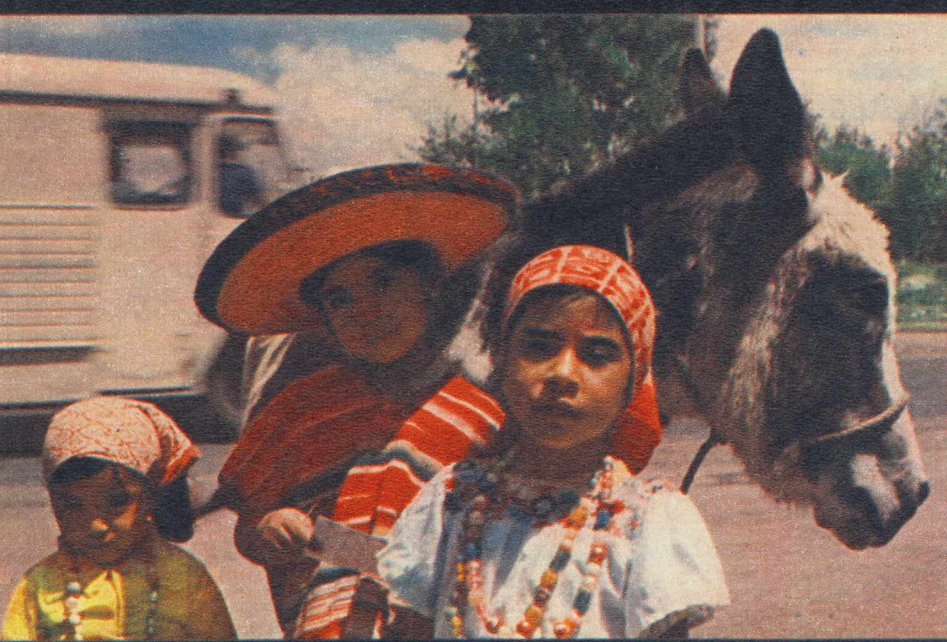
Проблема обеспечения работой миллионов нуждающихся в ней мексиканцев очень сложна. На то много причин, в том числе и демографических. Согласно прогнозу Межамериканского банка развития, к концу нашего века население города Мехико составит 26 миллионов (!), и он станет крупнейшим городом в мире. В тех же исследованиях отмечается, что через десять лет 80 процентов мексиканцев будут жить в пяти крупнейших городах страны — Мехико, Гвадалахаре, Монтеррее, Пуэбле, Сьюдад-Хуаресе. Такая тенденция в данном случае говорит не только о росте индустрии, но и о нелегком положении сельского населения. Впрочем, как отмечают и мексиканские источники, уровень жизни рабочих тоже оставляет желать лучшего.

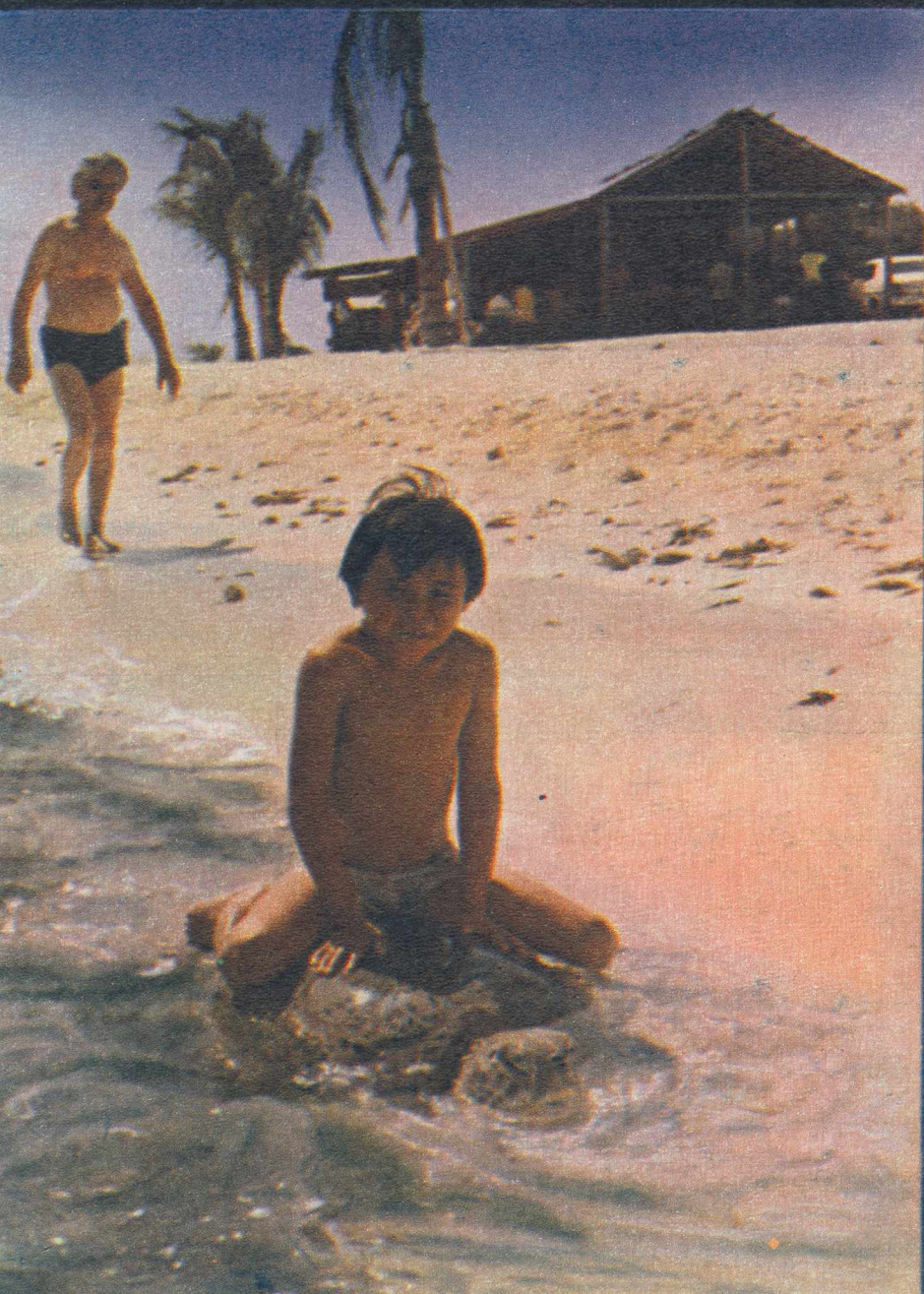
Выше я обратил внимание на демографические парадоксы, немало меня удивившие. Но главное, разумеется, в социальном неравенстве. И вот одно из следствий такого положения: пять миллионов мексиканцев (по данным французской газеты «Монд») нелегально работают в США в условиях жесточайшей эксплуатации, но на родине для них работы нет.

Общие для капиталистической системы кризисные явления не обошли и Мексику. Ситуация во многом осложняется большой экономической зависимостью Мексики от США: две трети мексиканского экспорта и импорта и четыре пятых дохода Мексики от туризма зависят от США.

За несколько дней до нашего приезда в Мексику в ее столице прошел XVIII национальный съезд Мексиканской коммунистической партии (МКП). Впервые за многие годы съезд коммунистов проходил в легальных условиях. В докладе на съезде отмечалось, что кризис охватил экономические, политические и социальные стороны жизни мексиканского общества. Мнение о необходимости проведения политических реформ настолько глубоко укрепились в сознании масс, что правительство вынуждено было пойти на открытую дискуссию по этому важному вопросу, отмечалось в докладе на съезде. «Я получил в наследство страну, переживающую кризис... — заявил президент Лопес Портильо в конце прошлого года, — и я надеюсь, что через полтора года положение полностью стабилизируется». На этом пути предстоит сделать многое.

Центр мексиканской столицы осовременен многочисленными зданиями разных фирм и банков. Мексика принадлежит к числу экономически развитых стран «третьего мира», у нее есть немало природных

богатств, среди которых сегодня важное место занимает нефть. Почему именно «сегодня»? Дело в том, что сейчас Мексика постепенно возвращает себе славу «нефтяной державы», которой она пользовалась в 20-х годах. В начале 70-х годов страна неожиданно была вынуждена импортировать нефть. Тогда и было открыто несколько новых месторождений; к концу 1974 года Мексика вновь превратилась в экспортера нефти. Официальные представители государственной нефтяной компании «Петролеос мекиканос» («Пемекс») считают, что проводившаяся ранее политика консервации нефтяных запасов вместо их усиленной эксплуатации приносит свои плоды: сейчас цены на нефть выросли по сравнению с прошлым в четыре раза. Как сообщил министр природных богатств Мексики, запасы нефти в стране составляют от 30 до 60 миллиардов баррелей, то есть в шесть раз превышают запасы знаменитых аляскинских месторождений.

Важно, что на этой базе в Мексике сейчас развивается нефтехимическая промышленность. С этим аспектом жизни страны я познакомился, едва войдя в номер гостиницы «Фиеста палас», где мы остановились в Мехико. На столе рядом с рекламным туристическим проспектом лежало весьма необычное для гостиничной «литературы» издание — «Мексиканский экономический отчет компании Ллойда» за июнь 1977 года (выходные данные: 15-й год издания, тираж 100 тысяч, ежемесячник, подписка в 63 странах, цена в год для тех, кто не является клиентами компании, — 12 американских долларов). В первых строках отчета приводятся сложные названия некоторых продуктов нефтехимической промышленности. Затем сообщается, что вот эти самые продукты с такими мудреными названиями необходимы при производстве самых элементарных вещей: губной помады и прочей парфюмерии, включая духи, всевозможных синтетических тканей, искусственной кожи, автомобильных покрышек, лекарств и т. п. Авторы отчета пишут, что по развитию нефтехимической промышленности можно судить о «прогрессе всей нации и развитии ее индустрии». Далее мы читаем: «В течение многих лет нефть, сталь и туризм были «большой тройкой» мексиканской экономики, и развитие их в последние два десятилетия было внушительным. Теперь другой партнер как равный присоединился к этим трем. За небывало короткий срок — за 35 лет — национальная нефтехимическая индустрия выросла от нуля до многомиллиардного гиганта, который в своей отрасли сейчас занимает пятое место в мире». Затем идет подробный рассказ об этой сфере мексиканской экономики. В заключение читателю предлагается приобретать акции прибыльного и бурно растущего бизнеса.

Этот бизнес в Мехико лезет не только в глаза стальными и стеклянными конструкциями своих офисов, еще ощутимее он лезет в нос одуряющим запахом бензина, пожираемого нескончаемым потоком автомашин. Мехико находится на значительной высоте над уровнем моря, воздух сухой, для нас, равнинных жителей, непривычный, а крепкий бензиновый напор висит над городом и не продувается никакими ветрами. Сочетание этой сухости и вредных паров переносится тяжело: у одних раздражается носоглотка, у других болит голова, у третьих случается и то и другое вместе.

Не подумайте, что я отличаюсь особой чувствительностью к загрязненной атмосфере большого города. Вот свидетельство другого москвича, журналиста В. Силантьева, хорошо знающего Мексику: «Каждый раз, когда я пересекал остановившийся у светофора поток автомобилей, на меня надвигалось удушливое облако выхлопных газов. Начиная кружиться голова от сизого дыма, который в Мехико особенно ядовит. Прибавьте к облаку выхлопных газов дым труб многочисленных заводов, копоть и сажу, которые они выбрасывают на город». Это писалось десять лет назад. Сегодня положение еще хуже.

Легкие города-гиганта тяжело больны в результате технического прогресса. Где выход из этого противоречия? Для перенаселенного людьми и машинами Мехико кризис чистого воздуха подошел, по-моему, уже к трагедийной стадии.

Даже тропическая зелень на улицах и площадях выглядит болезненной. В полную силу она еще противостоит современной цивилизации в парке Чапультепек, который считается одним из самых больших в мире городских зеленых массивов. Здесь, под кронами деревьев-великанов, привольно расположились зоопарк, культурный центр, аттракционы, памятники старины, несколько музеев. Он очень хорош, этот зеленый оазис, который кажется прямо-таки волшебным, сказочным в центре окутанного бензиновыми парами города. Во всем своем величии он стоит как укор людям, так еще и не научившимся беречь свою кормилицу-природу. Не этот парк должен вызывать изумление в городе, а отравленный воздух над городом как нечто удивительно противоестественное на нашей зеленой и голубой планете.

Из-за обилия автомобилей в столице проблемой стало и само уличное движение. Одна за другой ползут (а не едут!) по городским магистралям машины. Полицейские проявляют поистине героические усилия, пытаясь ликвидировать «пробки». Любопытно следить, как они лавируют между потоками транспорта, свистят, кричат, жестикулируют. Ни секунды на месте! Как они выставляют свою смену при такой нагрузке?! А в то же время не скажешь, что они раздражены, озлоблены (что было бы вполне естественно в этом городском аду). Наоборот! Симпатичные и внимательные люди. В этом убеждаешься, едва выйдя на улицу. Идешь, глядишь по сторонам, щелкаешь фотоаппаратом. Подходит полицейский:

— Простите, вы, наверное, иностранец?

— Да, а что?

— Вам не нужна никакая помощь? Может быть, нужно куда-то проехать, пройти... Я могу подсказать дорогу.

И так к вам подойдет не один полицейский, пока вы прогуливаетесь по городу.

ИНДУСТРИЯ ТУРИЗМА

В столице дышится трудно. Зато вся страна в целом может похвастать пока еще не исчерпаемыми запасами чистого воздуха, как горно-

го, так и морского — на любой вкус! Если индустрия нефти пожирает и отравляет животворную атмосферу, то индустрия туризма прибыльно торгует ею. И знаменательно, что с ростом технического прогресса, загрязняющего нашу планету, растут масштабы туризма, люди спешат из отравленных ими же мест на чистое лоно природы. В Мексике этот процесс особенно заметен (помните, в предыдущей главке «три кита» — нефть, сталь и туризм?).

Вдоль побережья Тихого океана, Мексиканского залива и Карибского моря находится много курортных центров. Богатая тропическая растительность, бархатный белый песок, чистая теплая вода, удивительные памятники древней культуры привлекают миллионы туристов со всего мира. Мне, например, повстречались на прославленном курорте Акапулько отдыхающие из Австралии. Но не только морское и океанское побережье влечет к себе туристов. В любом уголке живописной страны можно провести дни и недели, которые останутся незабываемыми на всю жизнь.

На развитии индустрии туризма сосредоточены огромные усилия государства и частного капитала. Мы провели несколько дней в Канкуне, новом курорте Карибского моря, и смогли убедиться, как эффективно трудятся люди в этой важной сфере мексиканской экономики. В райском уголке земли, словно специально созданном для блаженного отдыха, за несколько последних лет буквально на пустом месте вырос курорт, который, несомненно, в самом ближайшем будущем приобретет всемирную известность.

Канкун — это зеленый остров в виде латинской буквы L, опоясанный белой песчаной каймой. Он расположен неподалеку от побережья и теперь соединен с ним. Длина острова — 21 километр, ширина — 400 метров, то есть мы имеем дело с идеальным пляжем, созданным самой природой. Среднегодовая температура — 27,5°, солнечных дней в году более 240. От Мехико полтора часа лету, от американского курорта Майами — 70 минут.

Еще в 1970 году, когда началось строительство нового курорта, здесь проживало 117 человек. Сейчас число жителей перевалило за 70 тысяч. В 18 километрах от Канкуна вырос аэропорт, принимающий все типы современных реактивных самолетов. Вдоль песчаных пляжей острова поднялись отели самой разнообразной архитектуры, схожие друг с другом только в одном: в каждом можно отдохнуть с полным комфортом. А что касается фантазии архитекторов и художников, то она поистине неисчислима. Между прочим, есть немалое сходство с болгарскими морскими курортами, — похоже, что в Канкуне и в Болгарии работают мастера одной школы, одного направления.

Есть у Канкуна и другая притягательная сила, о которой в многочисленных рекламных проспектах говорится так: «Тысячу лет назад в Канкуне отдыхали императоры племени майя, а сегодня вы можете загораживать на тех же пляжах». Действительно, здесь, на юге Мексики, на полуострове Юкатан, процветала одна из древних цивилизаций, созданная индейским племенем майя. Час-другой езды от Канкуна, и в изумлении останавливаешься перед памятниками этой удивительной культуры, особенно отличавшейся достижениями в области искусства, астрономии и математики. Дошедшие до нас творения древних умельцев стоят в ряду величайших художественных ценностей, созданных человечеством. Это изображения на стенах храмов, архитектурные сооружения, работы резчиков по камню... Замечательный по своей точности солнечный календарь племени майя был изобретен в незапамятные времена. У них вообще счет времени велся отменно. Через определенные промежутки времени в городах майя воздвигались каменные столбы, на которых отмечались важные события и записывались их даты. Примечательно, что и эти хроникальные записи на столбах являют собой великие произведения искусства. Так было развито чувство прекрасного даже у этих своеобразных летописцев! Последний такой установленный майя столб был воздвигнут в 1516 году в Тулуме (к тому времени этот обычай насчитывал уже 1200 лет!), городе на берегу Карибского моря. Впервые увидевшие Тулум в начале XVI века испанцы сравнивали его со своей прекрасной Севильей. Мы попали в этот город летом 1977 года. На высоких скалах, с которых открывается чарующий вид на морскую даль, высятся развалины величественных строений. Они и сегодня говорят многое о поистине волшебной одаренности их создателей, которые теперь живут как бы во второй раз, открывая свои чудесные творения изумленным ученым и туристам.

Как здесь, в Тулуме, так и повсюду в Мексике памятники древней культуры тщательно охраняются и служат не только науке, но и индустрии туризма. В этом убеждаешься на каждом шагу, прежде всего в самом Мехико, где их просто не счесть. Это не случайно. Именно на том месте, где стоит сейчас столица, находился воздвигнутый ацтеками город Теночтитлан, в котором жило 300 тысяч человек, насчитывалось 70 тысяч домов, дворцов, храмов. А в пятидесяти километрах от Мехико находится 60-метровая пирамида Солнца, рядом с ней чуть меньше — пирамида Луны и целый комплекс древних сооружений, по которым бродишь, буквально раскрыв рот от удивления.

Индустрия туризма процветает не только за счет климата и наследия индейских племен. С таким же успехом использует она и другие компоненты истории и современности страны. Мало того, что всячески популяризируется древняя цивилизация. С не меньшей тщательностью сохраняются памятники эпохи трехвекового испанского владычества, памятники борьбы страны за независимость, и наконец, здесь умеют показать товар лицом, когда идет речь о современных достижениях архитектуры и монументальной живописи, столь популярной в стране. И все это подается в благоприятной атмосфере не назойливого, но хорошо налаженного сервиса. Одна только цифра: в стране свыше 1500 отелей.

«Уверенный и улыбающийся гигант на марше», — так названа Мексика в одном из самых популярных альбомов — путеводителей по стране. Что касается индустрии туризма, то это определение вполне соответствует действительности. Да и в других сферах у страны большие возможности. Можно только пожелать, чтобы они были полностью использованы.

**Александр
ГОЛУБЕВ**

НА ВОСХОДЕ

Блеснул луч света... В глубине ветвей
проснулась горлинка и отряхнула крылья.
Легко и просто с первой песней ей
в лучистое врываться изобилье.
Рассветом летним мимо куреня
пройдет к колодцу старичок сутулый.
Скользнет ведро со звоном по камням,
и отзовется вдруг колодец гулом.
Скрипит натужно деревянный вал.
Играют в брызгах утренние краски.
А за плетнем, где тлеет краснотал,
спят павшие друзья под сенью общей

каска.

ЦВЕТУТ

Молчит старик. В прохладе родника
таится новый день. И в первосвете
цветут подсолнухи. Вовсю блестит река.
И горлинка воркует о бессмертье.

Сомненья ни к чему. Все в прошлом,
как день вчерашний, как прошедший
дождь.
Снег наземь лег бесшумною порошей,
и не спеши ты по двору идешь.

Ночуют овцы на степной кошаре.
Пар из дверей да под ногами хруст.
И вдруг повеет теплотой из хмари:
«Я, Дашенька, до холодов вернусь».

Он чмокнул в щеку смуглую чабанку,
на память бросил ей узорный кнут.
И поскакал в станицу спозаранку,
освободив каурую от пут...

Дымится сумрак у вершин отрогов.
Кружит в поземке неосевший снег.
Неужто там по свеянной дороге
спешит с войны озябший человек?

Далекий куст глаза печалью застит.
И как ей, старой, муки позабыть?
Быть может, в валенках пойти по насту
и чернотал в отчаянье срубить?

Молчит степнячка на крыльце в затишье
Под ветром гнется одинокий куст.

И вечер шепчет голосом осипшим:
«Я, Дашенька, до холодов вернусь»...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

А он идет задумчиво и робко,
едва касаясь увлажненных век,
а он идет шуршаще и негромко,
мой первый снег, мой самый первый снег.
Кружат пушинки в зимнем поднебесье,
спуская наземь неба пелену,
идет мой снег в Иркутске и Полесье
и, может быть, в Ростове-на-Дону.
Играет снег и нехотя ложится
на грядку и замерзшие цветы.
Я вновь хочу, как путник, поклониться
пушистому безмолвью чистоты.
Отдать поклон заиндевшей вербе,
и старым куреням, и декабрю...
Мой первый снег, мой добрый небочерпий,
за все тебя, за все благодарю.

В глухом лесу сова смеется,
река спешит ватагой льдин.
Журавль дубовый у колодца,
как витязь посреди былин.

Увитый жухлой повиликой,
он до костей почти продрог,
уснув в дозоре с длинной пикой
на перепутье трех дорог...

ЭТОТ СУРОВЫЙ ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Б. ПРОТОПОВ

Замечали ли вы, читатель, как
меняются люди, попадая на железно-
дорожный вокзал? Вчера еще
солидный, полный достоинства
гражданин среди беспокойного пле-
мени гонимых ветром странствий
становится наивным и беспомощ-
ным. В вокзальной суете он вдруг
обнаруживает, что позабыл массу
сведений, которые ему знать со-
вершенно необходимо. Вот он под-
ходит к окошку бюро справок и
робко нажимает кнопку. «Говори-
те!» — загорается надпись. Неко-
торое время пассажир со страхом
смотрит на нее и, наконец, заикаю-
щимся голосом начинает: «Скажи-
те, пожалуйста... будьте любезны...
не подскажите ли, с какой плат-

формы отправляется поезд но-
мер...» И, получив ответ, долго еще
стоит, размышляя, а верно ли он
понял информатора. И долго еще
пристает с тем же вопросом к ра-
ботникам вокзала, вызывая у них
естественное раздражение.

Учитывая это, Министерство пу-
тей сообщения издало сотни при-
казов, инструкций, правил и рас-
поряжений, в которых предписы-
вается беречь и холить пассажира,
как любимое дитя. И сервис, к при-
меру, на Курском вокзале Москвы
сначала просто поражает вообра-
жение.

В светлых залах, где властвуют
зеркальное стекло и полирован-
ный алюминий, стерильная чи-
стота. Беззвучно ходит эскалатор,
за считанные секунды доставляю-
щий вас с этажа на этаж.

Чудо-машины «Волхов», «Экс-
пресс» и другие оформляют про-
ездные документы с космической
скоростью и чуть ли не говорят
«До свидания!».

Чтобы пассажир не заблудился
в вокзальной толчее, десятки све-
товых указателей сообщают ему,
где приобрести билет, когда, куда
и откуда отправляется нужный
поезд, где можно перекусить или
попить чаю.

Дабы пассажир, боже упаси, не
утрудил руки, отряды молодцов-
носильщиков едят его глазами:
только мигни — и отвезут чемодан
куда прикажете.

И лишь у билетных касс, как
и в эпоху до чудо-машины «Экс-
пресс», зигзагами стоят угрюмые
очереди, рождая крамольную
мысль, что не все пассажиры —
любимые дети работников желез-
нодорожного транспорта.

А после разговоров с пассажи-
рами парадный фасад вокзала со
всем его электрическим сервисом
стал рушиться на глазах.

Агния Михайловна Северюхина
едет в отпуск из Кирова к род-
ным в Новороссийск. На Курском
вокзале у нее пересадка. Прибыла
сюда в десять утра, сейчас — пять
вечера. Все это время она про-
стояла в очередях. У кассы № 19
ей сообщили, что мест на Новоро-
сский нет. Бывалые люди посове-
товали пробиться к заместителю
начальника вокзала М. И. Бобко-
вой. Тут Агния Михайловна пове-
ла. Группа таких же неудачников
бунвально внесла ее в кабинет за-
местителя. Ее выслушали и сказа-
ли, что свой билет она может за-
компостировать в кассе № 33. Но,
отстояв полтора часа, Северюхина
узнала, что ее фамилии в списке
нет.

Теперь оставалось одно — отсро-
чить билет. Агния Михайловна
встала в очередь к дежурному по
вокзалу и через сорок минут узна-
ла, что штамп о продлении ставит
старший администратор в кассе
№ 57. Оттуда почему-то ее снова
направили к дежурному, от де-
журного снова к администратору...

Начальник смены Курского вок-
зала Петр Дмитриевич Жебелев,
когда я рассказал ему о злоключениях
Северюхиной, несколько по-
думав, молвил: «Ну-ка, я попро-
бую узнать, в чем дело!» И, спра-
вившись в кассе № 33, радостно

сказал: «Передайте Северюхиной,
что список с ее фамилией посту-
пил в кассу... Ей бы еще разок
спросить!»

«Спросить»... Не так-то просто
пробиться к окошечку кассира и
плечистому мужчине!

По нескольким часам затратили,
чтобы только продлить транзит-
ный билет, Нина Ивановна Виталь-
ская, следующая из Чукотки во
Львов, Нина Прохоровна Кордкин,
приехавшая из Херсона, да и дру-
гие пассажиры из очереди, в три
кольца завившейся у кассы № 57.

Интересно, что думает обо всем
этом начальник вокзала М. М. Же-
лудков?

С трудом протиснувшись сквозь
толпу, осаждающую запертую
дверь его кабинета, я постучался.
Некоторое время за дверью стояла
тревожная тишина, потом суро-
вый голос предупредил:

— Если еще будете стучать, по-
зову милицию!

— Мне лично к Михаилу Михай-
ловичу, — сказал я медовым голо-
сом. И, подумав, добавил: — А би-
лет у меня уже есть!

Тогда дверь открылась.

Оказалось, начальник заболел.

— Что с ним? — спросил я, пред-
ставившись.

— Попробовали бы вы несколь-
ко часов вести прием! — ответила
секретарь. — Сейчас пассажиров
принимает его заместитель, — до-
бавила она.

Однако кабинеты И. В. Максиме-
нюка и М. И. Бобковой были тоже
заперты.

Пассажиры разошлись, безна-
дежно разводя руками. Лишь один
не ушел.

— Дождусь, — твердо сказал
он, — говорят, что где-то здесь то-
варищ Максименюк. Я должен
уехать!

Анатолий Васильевич Бисяков
командирован в Грозный. Он дол-
жен сдать там вагон картофеля,
отправленный заготконторой стан-

ПОДСОЛНУХИ

Осенняя песня восхода,
подернулись жаром леса.
На пойме речной, в огородах
людские слышны голоса.

Пока холода не маячат
и небо полно синевы,
хозяином бережно начат
стожок из увядшей ботвы.

Он высится в дымке белесой,
исходит теплом дотемна,
чтоб после дороги небесной
на нем задремала луна.

Дайте небу малость загореться,
и тогда, ни свет и ни зоря,
побредут телята в чье-то детство
за рассветной песней звоня.
В супесном логу, где воздух сладок
и речушка в зарослях глуха,
летошник отыщет россыпь яблок
и табун забудет пастуха.
А к парнишке по жнивью ватагой
от испуга, что они одни,
прибегут из глянцевого отавы
поздних одуванчиков огни.
Здравствуй, осень, падчерница лета,
смирная невеста декабря.
Это для тебя нарядным светом
на яру осоки горят.
Им сейчас не по себе безвластье.

Осыпая вереск до колен,
ждут деревья по утрам ненастья
и стеклянно-чистых перемен.

Осень лесу голову охладит,
и потом в прохладе ясных дней
полетят вперегонки, как люди,
листья с облетевших тополей.

Приласкает космы рыжих веток.
Через стежку высохшую, вниз,
полетит, кружась, на лесосеку
в серебристой изморози лист.

Бродит осень в золотом предзимье.
То пригласит ширь глухих озер,
то лучами, поутру косыми,
разожжет на заводи костер.

Мягкий пар на цыпочки привстанет
на стекле озерной глубины,
спляшет, извиваясь, белый танец
на кружке ущербленной луны.

Любит осень свой последний праздник,
холодком шибящий под дых,
дальний голос, что манит и дразнит
бабье лето в просеках лесных.

ТЕПЛЫМ ВЕЧЕРОМ

В станице ранний листопад,
дни чистые пошли насмарку.

Прощаясь с летом, гомонят
за ржавой сеткою цесарки.

В затишье у плетней тепло,
гудит под вишней желтый улей.
И во дворе пока светло
от полыхающих петуний.

Сегодня от обид остыв,
я, кажется, впервые понял,
что этот медленный разрыв
с тобою сам я узаконил.

По улице среди осин,
прозрачных, как рентгено снимок
домой идешь ты с именин
и, к моему несчастью, мимо.

Проходишь мимо у окна,
не глядя в стекла, как когда-то.
И стала тягостней вина
и невозможно расплата.

Земле дано быть робкой и великой,
ходить в обнимку с разною судьбой.
Растить людей и ягоды клубники
и принимать за них нелегкий бой.

Следить без слов в степенном удивленье
за летом птиц и ледоставом рек
и не спеша возвращаться в то мгновенье,
когда на ней споткнется человек.
Воронеж.

ции Ибресси Чувашской АССР. Вагон № 2516463 с картофелем ушел, а для Бисякова места в поезде не нашлось. Если он задержится надолго, из картофеля получится каша. А вскрыют без документов, которые он везет с собой, — ответственность за недостачу ляжет на его плечи.

Дело государственное, но ведь кассиру это не объяснишь.

— Дождусь! — упрямо повторяет Бисяков.

Бисяков приехал в Москву сегодня утром, а Геннадий Андреевич Дудников, тоже с командировкой в Грозный, мается здесь вторые сутки. Да разве только он! На Курском вокзале транзитные командированные получают билеты в порядке живой очереди.

Но довольно критики по поводу того, как получить место в железнодорожном транспорте. Слышите? «Начинается посадка на поезд Москва — Симферополь...»

Последуем за счастливыми, которые с билетами наготове не торопясь шествуют к вагонам.

...Кто сказал, что Крым начинается в Крыму? Это неверно. Крым начинается в фирменном поезде Москва — Симферополь.

Настроение улучшается уже от одного вида проводницы Зинаиды Егоровны Гусевой. Вежлива, приветлива. Служебная форма на ней аккуратно подогнана. «Здравствуйте! Ваше купе третье...» «Входите, входите, я подам чемодан!» А после того, как посадка закончилась, забывавшемуся мужчине с ребенком: «Не торопитесь, еще две минуты в вашем распоряжении!»

Мы не избалованы внимательностью, поэтому любое теплое слово находит у нас отклик.

«Поздравляем механика-бригадир Сергея Федоровича Котельникова, проводницу Зинаиду Егоровну Гусеву, Галину Дмитриевну Ципан с 1 Мая. Желаем счастья и здоровья, благодарим за внимание и

заботу. Пассажиры вагона № 9».

«Благодарим за приветливость, за готовность оказать услугу... Пусть будет больше таких хороших людей, как проводники нашего вагона Володя и Рая Стрижевы!»

«Проводниками нашего вагона были добрые, отзывчивые женщины Л. Л. Сырова, Н. Я. Лебедева. Благодаря их внимание и заботе мы все время чувствовали себя желанными гостями «дома на колесах». Просим руководство дороги отметить замечательную работу Ларисы Леонтьевны и Клавдии Яковлевны...»

Это из книги жалоб и предложений поездной бригады Сергея Федоровича Котельникова.

— Неужели ни одной жалобы с начала года? — спросил я недоверчиво.

— Почему же... Есты! — Сергей Федорович быстро листает книгу. — Вот!

Действительно жалоба, и в довольно резких выражениях, на жару в вагоне — кондиционер не работал.

— Это я сам попросил написать, — улыбается Котельников. — Помогло. Раньше у начальства все руки не доходили.

...Скорый поезд летит вперед. Все больше голубеет небо, родимые березы и ели за окном мелькают реже.

Уже два пассажира выпили горячего чая и сейчас пребывают в рассуждении, чего бы покушать. Одни выгружают на столик домашнюю снедь, другие отправляются в вагон-ресторан, куда последуют и мы с вами.

Здесь светло и чисто, на окнах свежие занавески, на столах крахмальные скатерти. Милостивые, приветливые официантки в кружевных наолках.

Директор Виктор Федорович Леонов сидит за буфетом и время от времени, окидывая салон строгим

взглядом, задумчиво листает «Прейскурант вагонов-ресторанов», изданный Министерством торговли СССР. В этой замечательной книге значится 113 холодных закусок, 29 консервов разных наименований, 23 сорта колбасы, первых блюд — 81, вторых — 71, не считая соусов и гарниров.

В сегодняшнем меню у Виктора Федоровича блюд значительно меньше: рассольник по-ленинградски с курицей, курица отварная, бифштекс рубленый с яйцом и яичница. Но все приготовлено вкусно и уничтожается пассажирами с завидным аппетитом.

Виктору Федоровичу хотелось бы и этим блюдам подать и овощей и зелени. Лето на дворе, а в ресторане ни капусты, ни редиски, ни салата, ни огурцов. Нет также молока, ряженки, кефира, фруктовой воды.

Вагоны для ресторана, как правило, еще дедовской постройки. В кухне площадью 5—6 квадратных метров — плита, бойлер, посудомойка и холодильник. Уму непостижимо, как ухитряются работать на оставшемся пятатке шеф-повар, просто повар, чистильщик овощей и мойщица посуды!

— Да это уж ладно, — говорит Леонов, — а знаете, как вот этот вагон готовили к рейсу? Приходим и видим: стекла побиты, плита покорежена, колосников в бойлере нет, душ неисправен, грязь повсюду на вершок... Продуктами загрузаться пора, а мы ходим просим, чтобы ремонт хоть насколько сделали! Всю ночь грязь вывозили!

Много у директора и других хлопот. Скажем, в пути его вагон «заболел». Другой — замена — стоит где-то на десятом пути. Надо составлять его с «заболевшим», чтобы перенести продукты. Но пока от диспетчера придет указание, пока найдут исполнителя... Проще

договориться с составителем дядей Васей, посулить ему трешку, и он мигом добудет маневровый локомотив, разъединит состав и подцепит вагон.

Рабочему, который доставляет с базы продукты, тоже надо заплатить. Существует даже такса: в Симферополь — два рубля, в Москве — три.

Подвозчику угля надлежит сунуть рублевку, иначе привезет одну пыль. Какой-нибудь прибор нужно отремонтировать — слесарь тоже со значением в глаза смотрит...

Виктору Федоровичу Леонову, человеку заслуженному, ветерану войны, заниматься махинациями противно да к тому же и накладно. — Вся прогрессивка иногда на вымогателей уходит, — невесело усмехается он.

Но время к одиннадцати, официантка Майя Ревина уже собрала посуду и вопросительно смотрит на меня. Надо прощаться.

В моем вагоне уже спят, светит только купе проводников.

Симферополь встречает жарким солнцем, бодрыми кликами: «Дорогие гости! Кто в санатории «Украина», «Белоруссия», «Буревестник»... — вас ждет автобус!» Каждые семь минут в Ялту и Алушту отходят троллейбусы-экспрессы...

И забываются все невзгоды, и снова мы веруем, что «железная дорога — самый надежный и удобный вид транспорта».

Но почему же все-таки, прежде чем попасть в рай, мы должны пройти «чистилище»?

Судя по инструкциям и приказам Министерства путей сообщения, в этом году железнодорожники готовились к летним пассажирским перевозкам особенно тщательно. Однако, как видим, особо выдающихся результатов такой подготовки пока не видно.

Ветер раскачивал сосны, путался в кронах кедров и елей. Тайга шумела. День был по-осеннему холодный и пасмурный, солнце не показывалось. А капитану Ковтуненко казалось, что на дворе весна.

Три дня подряд он бродил по тайге вокруг того места, где выжигали древесный уголь, постепенно увеличивая радиус. И не зря. Естественно, последнее слово за судебно-медицинским экспертом, но и без него он теперь уверен, что на костре сожжен не труп, а скелет человека, извлеченный из обвалившейся могилы, вырытой когда-то на краю крутого обрыва. Следы крови в зимовье — это для простаков. Тот, кто перетащил кости к костру, допустил непростительную для себя ошибку — оставил в земле малую берцовую кость правой ноги. Вот она!..

А дело было так.

Против зимовья — домика, выстроенного для углежого, — местные работники милиции и дружинники наткнулись на остатки костра, на котором, по всему было видно, сожгли человека. Нашли череп, обгоревшие кости да засаленный кусок рукава ватной телогрейки. В домике на полу и на столе обнаружили пятна крови. К стене штыком от самозарядной винтовки Токарева был приколот паспорт Т. Д. Топоркова. Фиолетовыми чернилами на нем коряво выведено: «Кончился билет жизни. Это твоя последняя станция». От фотографии на паспорте, разрезанной штыком, осталось, как говорится, одно воспоминание. Узнать по ней владельца документа не представилось возможным. Костер был прибит дождем, а последний дождь пролил недели две назад. Руководители предприятия, выжигавшего уголь, редко посещали «точку», поэтому о гибели рабочего долго не знали...

Константин Павлович с разных точек сфотографировал и могилу и кость. Присев после этого на поваленное бурей дерево, он задумался.

Как явствовало из протокола осмотра места происшествия, на столе в зимовье углежого стояли две пустые и одна недопитая бутылки водки, четыре граненых стакана, на тарелках лежали остатки еды. Но вот странное дело: ни на одном из этих предметов не было следов от пальцев рук, на остатках пищи (хлеб, сыр, колбаса) — следов зубов.

О чем говорило отсутствие следов?

«Спектакль сыгран опытным человеком», — рассуждал Ковтуненко. Трое против одного — соотношение самое подходящее. Один и даже два человека не могли бы справиться с Пройдисветом. Тут он все рассчитал верно.

Бутылки, стаканы и тарелки он либо тщательно протер, чтобы на них не оставалось следов, либо вымыл и уже потом осторожно поставил на стол. И здесь Пройдисвет не допустил ошибки. Попробуй узнай: один он играл спектакль или с сообщником? Да и Пройдисвет ли это был? Доказать пока нечем!

Преступник делает все для того, чтобы его следы не отличались от следов других, сливались с ними. Но он не может не оставить индивидуального, только ему принадлежащего

следа. Задача того, кто осматривает место происшествия, найти его. Все ли было сделано?

Обнаружив безвестную могилу, капитан усомнился в этом. Нет, он не считал себя выдающимся сыщиком, а местных работников — дилетантами. Его коллегам не хватало опыта, они редко встречались с такими хитрыми и коварными преступниками, каким был Пройдисвет...

Ковтуненко вернулся в зимовье, подошел к окну и долго смотрел на поляну, где чернели остатки костра. И вдруг ему пришла в голову простая мысль. Он словно бы наяву увидел конечную сцену этой запутанной истории.

...На поляне пылают кедровые поленья, на которых уложены тряпье и кости человека, извлеченные из обвалившейся могилы. Опершись руками о стену зимовья, у окна стоит Пройдисвет и смотрит на зловещий костер...

Стены срублены из обструганных сосновых бревен, покрытых олифой. Вполне возможно, что на них остались следы рук Пройдисвета...

Захотелось сейчас же позвать сюда следователя прокуратуры, поднять на ноги экспертов и тщательно, сантиметр за сантиметром, осмотреть стены, подоконники, дверь, стол, найти следы рук, чтобы убедиться: Пройдисвет скрывался под именем углежого или другой какой-то человек.

Но если идти сейчас за заместителем начальника райотдела майором Сидоркиным, за всеми, кто должен присутствовать при осмотре места происшествия, мало ли что может произойти в его отсутствие.

У Константина Павловича были основания полагать, что Пройдисвет не исчез из этих мест...

Размышляя, как поступить, он услышал мужской голос, громко звавший:

— Ва-а-а-ля-я!

И тут же увидел девушку, выбежавшую из зарослей малинника. Она была вся в блестящих паутине, тонкие нити которой оплетали ее голубой с белым спортивный костюм.

Свидетели Константину Павловичу были сейчас ни к чему, но появление Вали можно использовать для дела. Он достал блокнот, написал несколько слов, вырвал листок и вышел из дома. Заметив его, Валя не удивилась. Он подошел, протянул ей записку.

— Пожалуйста, как можно быстрее передайте это Ивану Ивановичу. Немедленно уходите отсюда. И вы меня не видели!

Вале не надо было повторять дважды. Шутливо отковыряв, она исчезла в зарослях малины...

Капитан познакомился с Валею неделю назад в районном Доме культуры, на танцах. Завязался шуточный разговор, а потом Валя спросила:

— Кто вы, если не секрет?

— Геолог, — ответил он. — Тут, наверное, все геологи.

— Геолог? — переспросила Валя. — Странно. Мне кажется, вы такой же геолог, как я ихтиолог. В поселке вы уже четвертый день, не правда ли? Так вот, трижды я видела вас в райотделе у майора Сидоркина и ни разу — в геолого-разведке, где, между прочим, отвечаю за прием и увольнение кадров.

Константин Павлович словно язык проглотил. Хорош конспиратор!

Кто он, откуда и зачем приехал, в районном центре знали только секретарь райкома партии, председатель исполкома, прокурор и товарищи из РОВД. Константин Павлович считал, что для выполнения задания это к лучшему. Он появлялся всюду, не привлекая к себе внимания, разговаривал с самыми разными людьми, внимательно слушал, о чем говорили другие. И вот на тебе!

— Ивана Ивановича Сидоркина я хорошо знаю, — продолжала Валя, словно не замечая его растерянности. — Заместитель начальника по уголовному розыску... Он считает себя ве-

ликим детективом, а поступает нередко, как ребенок.

— То есть?.. — Сбитый с толку, Ковтуненко просто не находил слов.

— В таком поселке, как наш, все на виду, — добивала собеседника Валя. — Иван Иванович с комсомольцами встречается, о бдительности толково говорит. А сам? На окнах его кабинета висят занавесочки вроде детских распашонок, в других кабинетах — тоже. Скажете, чепуха? Товарищи сыщики, наверное, рассуждают так: мы на втором этаже, кто нас увидит? А напротив, через дорогу, между прочим, стоит трехэтажный дом. И оттуда все видно, как в кино. Я живу в том доме...

Она чуть наклонилась к Константину Павловичу и перешла на шепот:

— Кстати, насчет кино. До вашего приезда по вечерам я видела в кабинете Ивана Ивановича нашу поселковую знаменитость — Химическую Ловушку, секретаря моего начальника.

И дальше Валя рассказала вот что.

Однажды в кабинете Сидоркина Химическая Ловушка этаким мотыльком вспорхнула с дивана, на котором сидела, подлетела к репродуктору, стоявшему на сейфе, при этом споткнулась и чуть было не упала — спасибо, на ручку сейфа оперлась. Включила радио, метнулась к Ивану Ивановичу, схватила его за руки, подняла со стула. Правда, они не закружились в танце. Иван Иванович высвободился из объятий, поднял руки и замахал ими: увольте, мол!

Валя спросила:

— А если ту сценку видел кто-нибудь еще? Ведь не все умеют молчать, как я.

Ковтуненко уже оправился от смущения и не замедлил отыграться.

— Вы умеете молчать?! Вы мне, чужому человеку, только что рассказали такие пикантные подробности из жизни Ивана Ивановича...

— С умыслом рассказала. Во-первых, человек не чужой. Человек три вечера подряд, далеко за полночь, нос к носу сидит с майором Сидоркиным над какими-то бумагами. Во-вторых, разговор о Химической Ловушке вы Ивану Ивановичу обязательно передадите, и он будет обходить ее за километр.

— Почему вы называете эту женщину Химической Ловушкой? — полюбопытствовал Константин Павлович.

— Кличку придумала не я. Как говорится, слова народные. Попытайтесь представить... Бальзаковский возраст уже да-а-а-но перешагнула, а носит мини-юбки, чуть ли не каждый день меняет цвет волос — и колеры самые фантастические. Словом, это надо видеть своими глазами, это непередаваемо... Цель ясна — заполучить мужа. Их у нее уже немало было, но все как-то ненадолго...

Она помолчала и добавила:

— И вот вам еще одна деталь. Недавно обокрали квартиру нашего председателя райисполкома. А Химическая Ловушка живет с ним на одной лестничной площадке.

Об этом Ковтуненко уже знал. Ему было известно, что дверь открыли хорошо подобранным ключом, и тут чувствовался почерк Пройдисвета. Потому Константин Павлович и предполагал, что матерый вор не ушел далеко.

— Ну, напрасно вы на нее такую черную тень бросаете, — шутило возражал Ковтуненко. — Не она же совершила кражу.

— Не она, — согласилась Валя. — Но... Не нравятся мне она.

На следующий день Ковтуненко встретился с Сидоркиным, рассказал о разговоре с Валею, пошутил по поводу своей неудачной конспирации.

— Ерунда, — выслушав Константина Павловича, махнул рукой Сидоркин. — Ты знаешь, кто такая Валя? Дочь первого секретаря нашего райкома партии. Девушка серьезная. И насчет занавесок она вот как права. — Иван Иванович

Неотвра

ладонью провел по горлу.—Завтра же велю повесить шторы. Нечего посторонним подглядывать!

— Уже подглядели.

— Что подглядели?— насторожился Сидоркин.

— Как ты с Химической Ловушкой встречаешься...

— Постой, постой, о ком это ты?— не понял Сидоркин.— О секретаре Борщова? Да, была она у меня как-то вечером в кабинете. Даже дважды. Приходила насчет своего последнего мужа советоваться — сбежал и что-то прихватил из вещичек...

3

Догадка Константина Павловича подтвердилась: на проолифенных стенах избушки углежого эксперты обнаружили и изъяли отпечатки пальцев и ладоней. Эти отпечатки проверили по картотеке, и было установлено, что они принадлежат Пройдисвету.

Ковтуненко пошел дальше...

На двери — засиженный мухами листок ватмана, на котором рукою чертежника каллиграфически выведено: «Начальник геологоразведки П. Ф. Борщов». Секретаря не было: видимо, Химическая Ловушка сидела в парикмахерской или бродила по магазинам.

Майор Сидоркин костяшками пальцев постучал в дверь. Из кабинета донесся бас:

— Входи! Кто там такой вежливый?

Увидев Сидоркина, улыбнулся:

— Это ты, чертенок? Шутник! Ко мне, как когда-то к Чапаеву, люди заходят в любое время дня и ночи. И никто никогда не стучит.— Эти слова предназначались явно для Ковтуненко, человека нового, с Борщовым незнакомого.

— Петр Федорович,— сказал Сидоркин,— это товарищ из Москвы. Капитан милиции Константин Павлович Ковтуненко. Из МУРа он. Слыхал про такой?

— Кто же у нас в стране про МУР не слышал!— улыбнулся Борщов, крепко пожимая Ковтуненко руку.

— Петр Федорович тоже в милиции служил,— сообщил Сидоркин Ковтуненко,— так что в наших делах разбирается.

— Как с Федором Дмитриевичем?— заинтересовался начальник геологоразведки.— Есть какие зацепки?

— К сожалению...— развел руками Сидоркин.

— Да, совершить кражу из квартиры председателя райисполкома! Такого у нас еще не бывало...— Борщов задумчиво побарабанил пальцами по столу и спросил:— А с углежогом?

— Также похвастаться нечем...

Ковтуненко достал из папки фотографию Пройдисвета, протянул Борщову.

— Петр Федорович, не приходил к вам этот человек устраиваться на работу? Не знаком он вам?

Борщов долго держал снимок в руках, то отдаляя, то снова приближая к себе, и, наконец, ответил:

— Нет, не приходил. И вообще я его никогда не видел. Валю надо спросить — она у нас кадрами ведает. Или это секрет?

— Какой секрет!— возразил Ковтуненко.— Тем более я ее уже немного знаю. С вашего разрешения я дам Вале список людей — пусть проверит, не работали ли они у вас.

— Это она мигом сделает,— заверил Борщов и нажал на столе одну из разноцветных кнопочек.

Валю вошла бесшумно, остановилась у двери.

— Здравствуйте. Слушаю вас, Петр Федорович.

— Проходи, Валя, садись! Товарищам вот

надо помочь. Ивана Ивановича ты знаешь. А это Константин Павлович Ковтуненко из Московского уголовного розыска.

Валю чуть заметно улыбнулась, взглянув на гостя.

— Вот список людей,— продолжал Петр Федорович, протягивая листок,— проверь, пожалуйста, не работает ли кто из них у нас? И еще. Ты никогда не встречала этого человека? Не приходил он на работу проситься?

Как и начальник, Валю долго рассматривала снимок, морщила лоб. Наконец, положив фотографию на стол, сказала:

— На работу я такого человека не оформляла.

— Значит, ни в одной партии его быть не может?— Ковтуненко кивнул на фотографию.

— Совсем не значит,— мягко возразила Валю.— Случается, начальники партий сами набирают людей — дело не ждет, полевой сезон в разгаре.— Обращаясь к Борщову, Валю сказала:— Я проверю список.

Она вышла и вскоре вернулась. Заглядывая в бумажку, сообщила:

— Янко Язепович Бульба, Ян Янович Круминьш, Федор Васильевич Овчинников, Остап Григорьевич Олейниченко, Станислав Васильевич Пройдисвет, Сергей Анисимович Соснин и Тимофей Данилович Топорков по картотеке не проходят.

— А кого вы заносите в картотеку?— поинтересовался Ковтуненко.

— Всех, о ком отдан приказ начальника геологоразведки.

— Вы говорили, что начальники партий тоже могут принимать людей?

— Принимать — да, но мы обязательно оформляем их приказом. Иначе люди не получают заработную плату. Правда, докладные записки от начальников партий приходят нерегулярно.

— Спасибо, Валю.

— Пожалуйста.— И к Борщову:— Я могу идти, Петр Федорович?

— Да-да, конечно...

Когда Валю ушла, Ковтуненко сказал:

— Дайте мне, Петр Федорович, провозжато-го, и поведу я по партиям читать лекции о международном положении. Сам людей посмотрю, побеседую. Глядишь, и повезет. Пройдисвет мог взять себе еще одну фамилию — восьмую.

— А эти, которых Валю проверяла, разве не разные люди?— спросил Борщов.

— Один и тот же человек,— сказал Ковтуненко.— Здесь где-то он! И последняя кража из квартиры Федора Дмитриевича Белова его рук дело — почерк знакомый...

— Поезжайте,— сказал Борщов.— Только одного провозжато-го мало — не на зайца идете...

— Второй — я,— сказал Сидоркин.

— Тебе нельзя, Иван Иванович,— возразил Ковтуненко.— Ты в районе личность известная. Вспугнешь мне Пройдисвета. Именно поэтому и следователю прокуратуры я не порекомендовал ехать со мной.

— Пожалуй, ты прав,— согласился майор.

— Я поеду,— сказал Борщов.— Начальника орс с собой возьмем. Такой казачина — будь здоров! Ему все равно надо в партиях побывать. Четвертый — шофер, боевой парень.

На том и порешили.

Немереные таежные версты разделяли таборы геологоразведчиков. «Козлик» преодолевал крутые подъемы, заболоченные участки, обдавая фонтанами грязи деревья, росшие по бокам тропы-дороги.

...Встреча с Пройдисветом произошла в самой дальней партии. Беглец отпустил дремучую бороду, усы, загорел до черноты, но Ковтуненко, два долгих года разыскивавший этого опасного человека, сразу узнал его.

Операцию продумали до мелочей. Преступ-

ника схватили, когда он после ужина направлялся к своему шалашу, чтобы завалиться спать. Надели наручники, привели в палатку начальника партии, обыскали. Финский нож, игральные карты, бумажник с документами и деньгами... Из шалаша принесли мешок с вещами и выдавшую виды кожаную куртку. Все завернули в брезент, перевязали крест-накрест крепким шпагатом, опечатали сургучной печатью.

— В райотделе проведем осмотр и составим протокол,— распорядился Ковтуненко.— Сейчас не до этого.

Обращаясь к Пройдисвету, объявил официально:

— Санкция прокурора на ваш арест и этапирование есть, гражданин Пройдисвет.

— Он же Максим Миронович Клыков!— удивился начальник партии.— У него и паспорт есть и прописка райцентровская — все честь по чести.

— Разберемся!— коротко бросил капитан.

Снова «козлик» продирался через тайгу, преодолевая подъемы и заболоченные участки...

Что добавить к описанному выше?

Получив от Топоркова за вознаграждение паспорт (встреча уголовников произошла случайно), Пройдисвет уехал в Сибирь. Дело с «утерянной» фотографией уладилось. Став обладателем нового паспорта, беглец устроился выжигать уголь, поселился в таежном зимовье и зажил бирюком.

В районном центре Пройдисвет почти не бывал, а если случалась нужда, старался никому не попадаться на глаза.

Однажды Пройдисвет, теперь Топорков, познакомился с Химической Ловушкой — Аделаидой Владиславовной Раковой, быстро подчинил ее себе. Ракова, распущенная женщина, безропотно выполняла все, что требовал от нее любовник.

Это по приказу Пройдисвета она появилась в кабинете майора милиции Сидоркина — Пройдисвет решил приобрести огнестрельное оружие. Нет, не споткнулась Химическая Ловушка, как показалось Вале, а искусно разыграла сценку: опершись на ручку сейфа, проверила, закрыт ли он. Не ради любви к танцам пыталась она покружиться по кабинету с Сидоркиным. Ей надо было проверить, нет ли пистолета у Ивана Ивановича в кобуре под костюмом или в кармане. Оружие Ракова достать не сумела. В комнату дежурного ей проникнуть не представилось возможным.

Это она помогла Пройдисвету совершить кражу из квартиры председателя райисполкома. Любовник научил ее, как с помощью пластилина сделать слепки с ключей, и Ракова, воспользовавшись оплошностью младшей дочери Белова, сделала их. Кражу Пройдисвет совершил в тот вечер, когда вся семья Федора Дмитриевича была в районном Доме культуры на концерте московских артистов. Аделаида Владиславовна Ракова тоже присутствовала на представлении. Никто ее, естественно, ни в чем не заподозрил.

Это она, наконец, по приказу все того же Пройдисвета пригласила к себе на квартиру плотника Максима Мироновича Клыкова, одинокого мужчину, любившего выпить, повололчаться за женщинами, и вытаскала у него паспорт. Дело в том, что Клыков, встреченный однажды Пройдисветом на рынке, был не только разительно похож на него, но и родился в Москве в одном с ним году. С такого паспорта уже не надо было «терять» фотографию, и это вполне устраивало опытного преступника.

Когда через несколько дней Клыков обнаружил отсутствие паспорта, у него и в мыслях не было, что документом завладела «дама сердца». Плотник решил: обронил где-нибудь. Пил Клыков ежедневно, долго на одном мес-

тичность

те не держался. В поселок он приехал месяца за два до этого случая. Об утрате паспорта заявил в милицию, уплатил штраф, получил новый документ и вскоре уехал куда-то, даже не выписавшись.

Хотя у Пройдисвета и был «железный» паспорт, а в душу нет-нет да и заползал червь сомнения: настоящий Топорков и Боева знали историю документа. Случайно обнаруженная в тайге безвестная обвалившаяся могила и встреча на рынке с двойником — Клыковым дали толчок мыслям Пройдисвета. В тиши зимовья родился хитроумный план...

«Уничтожив» Тимофея Даниловича Топоркова и получив паспорт Клыкова, Пройдисвет, по его мнению, стоял теперь на земле обеими ногами. После кражи из квартиры председателя райисполкома он решил навсегда уехать из этих мест, но Ракова подбросила заманчивую идею — «взять» кассу геологоразведки, в которую вот-вот должна была поступить крупная сумма денег. Дождавшись сигнала любовницы, Пройдисвет отправился в одну из партий, где была крайняя нужда в людях...

На одном из допросов Пройдисвет попросил следователя прокуратуры дать ему возможность встретиться с тем, кто его «взял в тайге». Узнав об этом, Ковтуненко согласился.

...Пройдисвет долго рассматривал капитана, прежде чем спросил:

— Нашли, стало быть?

— Как видите.

— Долго искали.

— Как сказать. Иной раз запропаستися какая-нибудь вещица, всю квартиру перевернешь, пока найдешь. Вас же надо было искать по всей стране. А она у нас вон какая большая! Вещица спокойно лежит где-то, а вы из центральных районов в Сибирь сбежали, изменили фамилию... — Ковтуненко помолчал и добавил: — Зря вы мыли стаканы и тарелки, зря делали надпись на паспорте левой рукой... Автограф все равно оставили.

Пройдисвет вскинул голову и, прищурившись, посмотрел на Ковтуненко.

— Вы не только пальцы, а и ладони откатали на проолифенных стенах зимовья, когда смотрели на костер.

Арестованный дернулся на стуле, будто хотел вскочить (конвоир предупредительно положил ему на плечо свою тяжелую руку), пожевал толстыми губами и спросил:

— МУР?

— МУР, — спокойно ответил Ковтуненко.

— Я сразу понял. И когда вы переведетесь — такие?

— Только после таких, как вы.

— Ждать осталось мало. Таких, как я, по пальцам пересчитать можно. Гибнет воровская профессия...

Наступила пауза.

— Что меня ожидает? — поинтересовался Пройдисвет.

— А разве вы не знаете?

Пройдисвет пожал плечами.

— Могу сказать. Вам надо будет отбыть восемь лет по последнему приговору народного суда. Что полагается за побег, я думаю, вам известно. Напомню: статья сто восемьдесят восьмая УК РСФСР, лишение свободы до трех лет. На вашем счету надругательство над могилой, ношение холодного оружия, кража... Пройдисвет снова вскинул голову.

— Что, это новость для вас? — спросил Ковтуненко. — Я имею в виду ту кражу, соучастницей которой была Ракова. Она арестована и во всем призналась.

Только крикнул Пройдисвет, но ничего не сказал.

— Вполне возможно, что за вами числятся и другие опасные преступления, — продолжал капитан. — И вот что я хочу сказать вам еще: на снисхождение суда не рассчитывайте, на новый побег тоже. Лучше уж в колонии особого режима с вас глаз не спускать, чем по всей стране разыскивать. И выбросьте из головы мысль, что в колонии вы будете бездельничать, выезжать за счет других. Времена воров «в законе» давно и безвозвратно прошли. Зарубите это себе на носу!..

Константин Павлович посмотрел на следователя прокуратуры и слегка наклонил голову, что означало: беседа окончена.

— Уведите! — приказал следователь конвоиру.

К В А Р

Алексей МАРКОВ

СТАЛЬ

Все лишнее отринь!
Себя растрчиваешь, жаль!
Я говорю: остынь,
Но так, как остывает сталь!

ПЕСНИ

С годами песни
Старые дорожке:
Они былую
Молодость тревожат!

МАТЕРИАЛ

Была б твоя скульптура,
Возможно, на века,
Но жаль: не та фактура,
Она — из кизяка!

ОСАДОК

Кузнец я с самого рожденья,
Машу тяжелым молотом.
Я убежден: на дне терпенья
Лежит осадок —
золото!

ПЕТУХ

Петух, в котором
Спеси бездна,
До срока сделался
Облезлым.

ПРОПОЛКА

Не прополоча,
Алексеевна,
Считай, что поле
Не засеяно!

СЛЕПОТА

Не виновато, право, солнце,
Что мышь летучая слепа,

Что ей увидеть не дается,
Как светом полнится тропа...

НЕВЕДЕНИЕ

Откуда
Нашему ослу
Знать цену
И добру и злу!

ПИЛЬЩИКИ

Двое взялись
За пилу —
Перепилият
И скалу!

НАГОВОРЫ

Если целая орда
Скажет: «Слеп ты!» — и тогда
Не держись рукой за стену,
Только сдуй наветов пену!

В СВОЕ ВРЕМЯ [ВОСТОЧНОЕ]

Коль пора не подоспела,
Как же может видеть мир,
Что из всех ты самый смелый,
Самый праведный батыр?!

ДОВОЛЬСТВО

Лживого поближе,
Верного подальше.
Сладкого облизнут
И довольны фальшью!

ДРУЖБА

Если к дому друга
Тропка зарастает,
Значит, дружба
Вскорости растает.

УЗЕЛ

Крепок шелк
В узле,
А храбрец —
В седле!

Гастроли

ТАГАНРОГ НА ЕРМОЛОВСКОЙ СЦЕНЕ

Овацией встретили москвичи спектакль «Дядя Ваня» (постановка П. Хомского), открывший гастроли Таганрогского драматического театра имени Чехова. Есть такая «закономерность»: когда классику ставят и играет талантливый коллектив, пьеса смотрится будто заново; как бы впервые познакомишься с ее героями, подмечая в них то, чего раньше не замечал, что ускользало от твоего внимания. Так получилось и на этот раз. Встреча с доктором Астровым в исполнении А. Ливанова, с Соней — С. Ливада, с Войничкиным — А. Ионовым оказалась для зрителя встречей с незаурядными, сложными личностями, цельными натурами...

Таганрогцы привезли еще три спектакля: «Беспокойная старость» Л. Рахманова, «Последняя инстанция» Н. Матуковского и «Ривьера» Ф. Мольера. Каждый из них — серьезный разговор о человеке, его месте в жизни.

Нельзя не отметить, что успехом гастролей в Москве театр обязан прежде всего яркому, многоликому актерскому ансамблю, продемонстрировавшему великолепную сыгранность, тонкое понимание драматургии.

Н. МИХАЙЛОВА

На снимке: С. Ливада — Соня и А. Ливанов в роли Астрова в «Дяде Ване».

Фото И. Галанюка

Т Ы

ВЫЗОВ

Пускай коза
На дуб не плянется,
Тогда он
На нее не свалится!

ЖИВЫЕ

Покой —
Умершие найдут,
Оставшимся —
Остался труд!

ПУСТОТА

Если сердце
Не искрится,
Что глаза?
Одни глазницы!

НЕЗАДАЧА

Как на зеленых
Травах снег —
Женитьбы горькой
Неуспех!

ЛАСКА

Приласкал коня —
Полюбил меня.
Похвалил жену —
Все пошло ко дну!

ДУРАК

Как ни был бы
Дурак старателен,
Не станет умным
Он старателем!

НЕОБЪЯТНОЕ

Все необъятное объять
Не мучайся искусом:
В одной руке не удержать,
Приятель, два арбуза!

В ГОСТЯХ

Горя тот
Не видал,
Кто в гостях
Не бывал...

УКУСЫ

Все укусы — просто ноль!
Слово причиняет боль.
Лечится дождем трава,
Душу вылечат слова!

МОЛИТВА

Больнее в мире боли нету,
Чем пережить своих детей.
О, не пошли господь поэту
Жизнь — собственных стихов
длинней!

ТИШЕ!

Радоваться надо,
Только шум не нужен.
Ходит горе рядом,
Может и подслушать!

НАТУРА

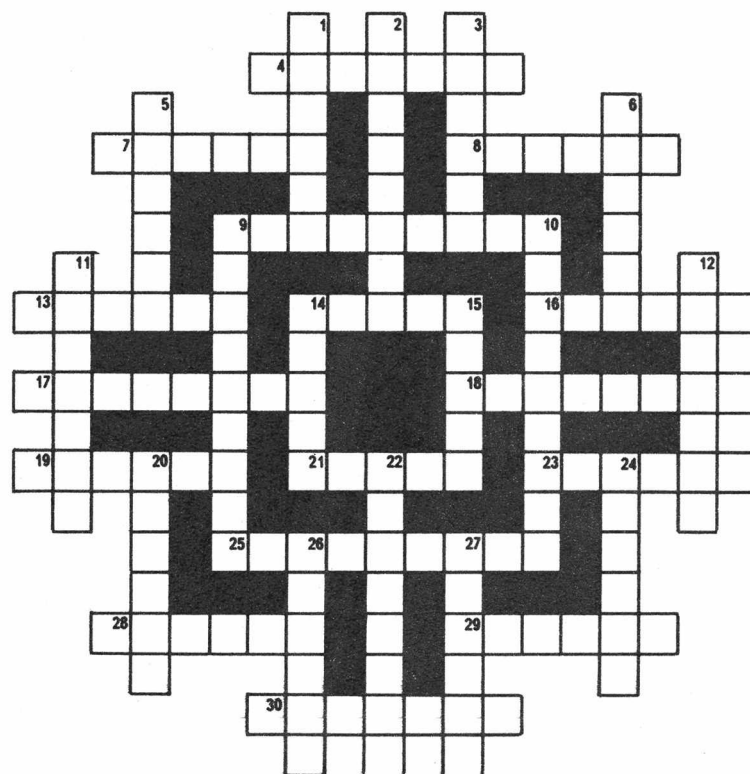
Я хозяйскую натуру
По тому могу прочесть:
Кто с овцы снимает — шерсть,
Кто-то вместе с шерстью —
шкуру!

ПЕРВЫЙ

— Подснежник — лучше всех
цветов! —
Ты восторгаешься безмерно.
Поспорить я с тобой готов:
— Ничуть не лучше! Просто
первый!

КРАСОТА

На некрасивых —
Брови хмурим,
Но все простим
Красивой дуре!

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Декоративное растение, цветок. 7. Строфа песни, стихотворения. 8. Точка орбиты космического корабля, наиболее удаленная от Земли. 9. Советский писатель, автор романа «Небит-Даг». 13. Скопление обломков горных пород, образуемое ледниками. 14. Продукт переработки свеклы или тростника. 16. Чемпион мира по шахматам. 17. Кровельный материал. 18. Аптечный работник. 19. Плотничный инструмент. 21. Опера Дж. Пуччини. 23. Разновидность атома одного и того же химического элемента. 25. Графическое изображение, показывающее соотношение между различными величинами. 28. Порт на побережье Алжира. 29. Искусственное волокно. 30. Рассказ М. Горького.

По вертикали: 1. Часть круга. 2. Древнегреческий астроном. 3. Домашний костюм. 5. Город в Краснодарском крае. 6. Сок, выделяемый растениями. 9. Старинный клавишный музыкальный инструмент. 10. Занимательная игра. 11. Залив Атлантического океана у берегов Ирландии. 12. Пушной зверек. 14. Начало спортивного соревнования в беге. 15. Русская народная сказка. 20. Раздел физики. 22. Химический элемент. 24. Гриб. 26. Земляной орех. 27. Государство в Европе.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали: 1. Телефон. 3. Парашют. 6. Ковалло. 9. «Героическая». 10. Планк. 13. Сатин. 15. Вальс. 17. Нахимов. 18. Антонио. 19. Голавль. 20. Планшет. 21. Стадо. 24. Автол. 25. Аксай. 26. Металлургия. 27. Лансинг. 29. Баккара. 30. Косатка.

По вертикали: 1. Тупик. 2. Нетто. 4. Ровница. 5. «Полдень». 7. Метрополитен. 8. Бальнеология. 11. Аванпорт. 12. Кристалл. 13. Стотинка. 14. Триплекс. 16. Лагуна. 22. Тальник. 23. Дружина. 27. Лубок. 28. Графа.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Новый рекордсмен мира по прыжкам в высоту Владимир Яценко живет в Запорожье. Он любит тренироваться на берегу Днепра. (См. в номере материал М. Марина «Начало биографии».)
Фото А. Бочинина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Студентка Лурдес. * У стен древнего храма. * Интересный разговор. * Эрнесто из Акапулько. (См. в номере очерк «Мексиканское лето».)
Фото В. Николаева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

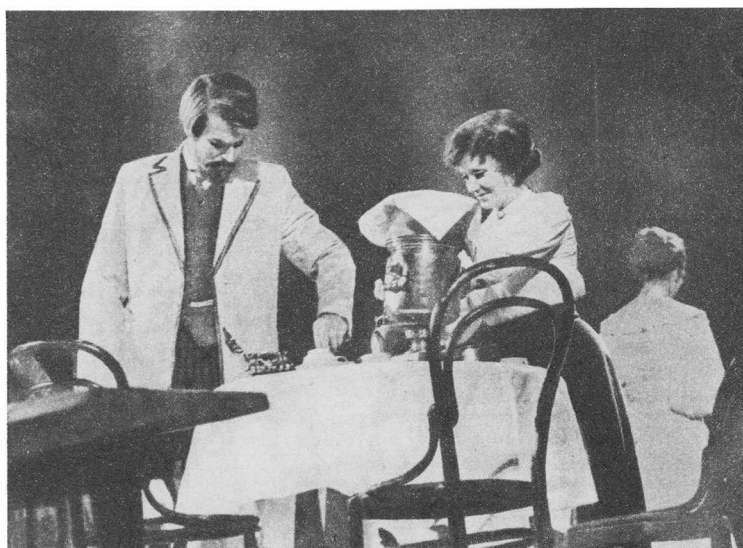
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

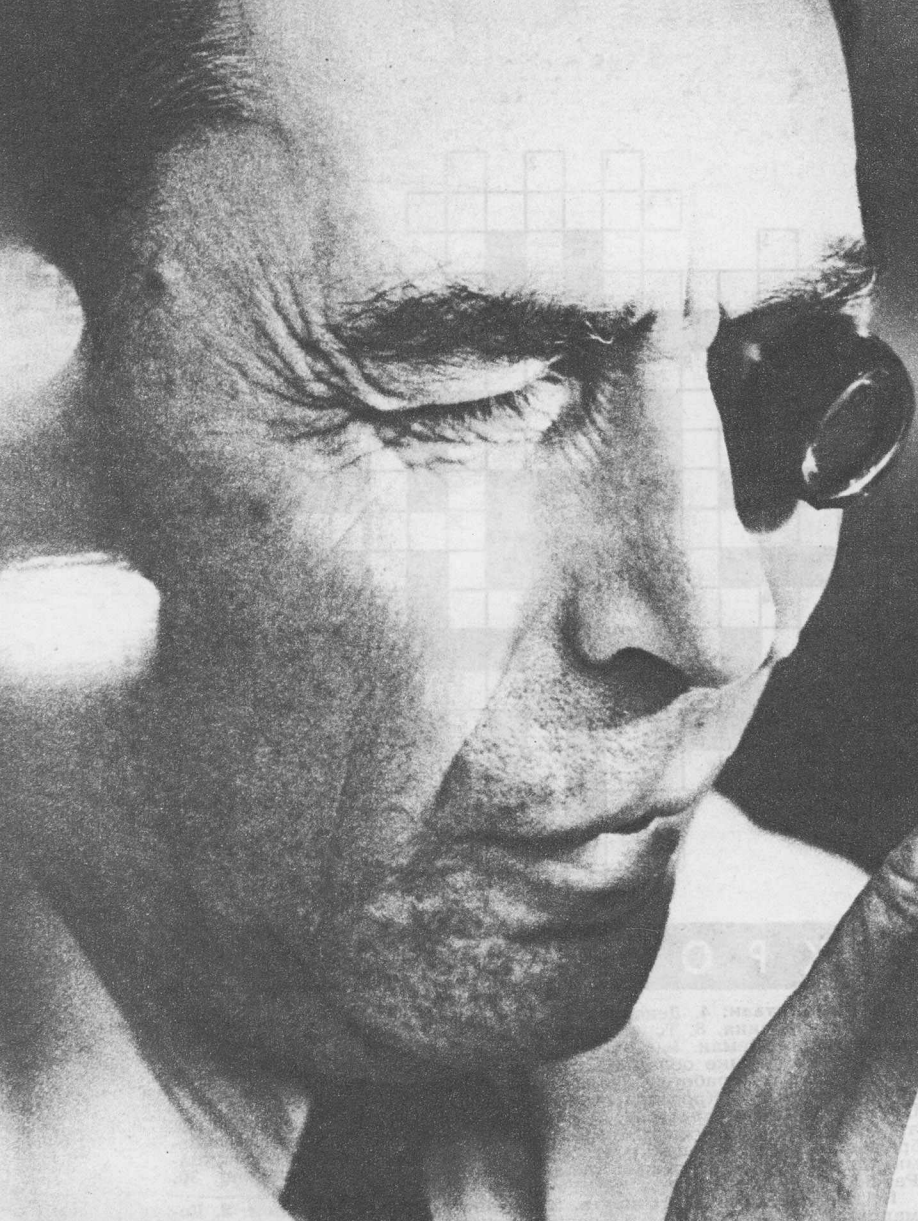
Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 258-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 25/VII—1977 г. А 09277. Подп. к печ. 9/VIII—1977 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1739. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 887.

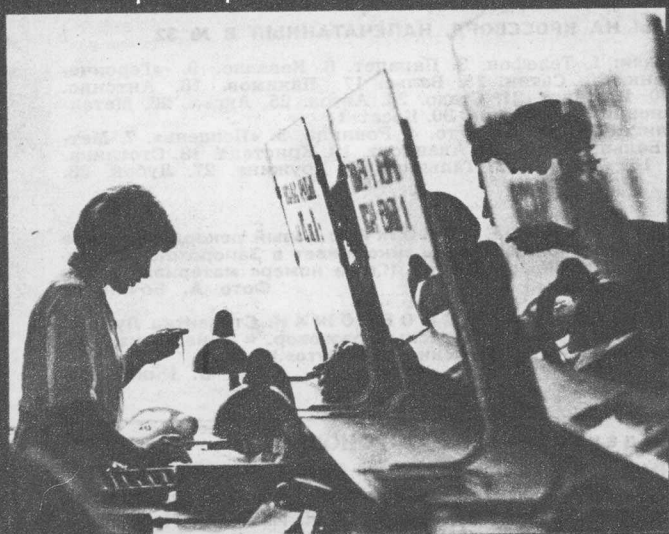
Ордена Ленина и Ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

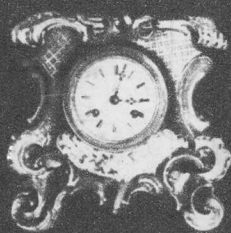
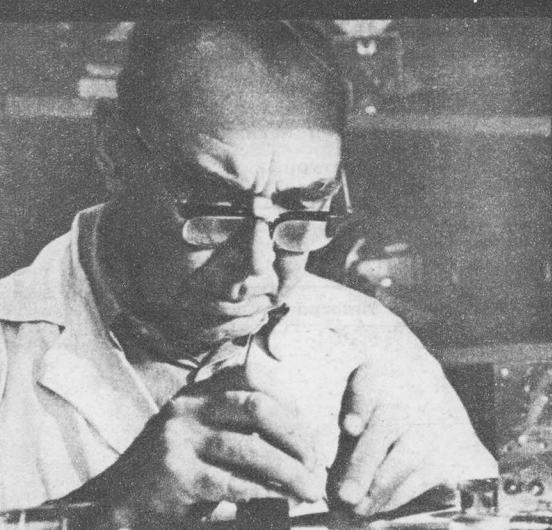

И. М. Александров

Каждый день Валентина Легошина выдает десятки отремонтированных часов.

С. И. Ермаков.

ЧАСОМ Е

Татьяна Воробьева, приемщица.

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ

«Сей же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и считая часы ночные и дневные». Это из древней летописи... Стало быть, часы, о которых она упоминает, еще старше! Делали-то их издавна — совсем простенькие и роскошные, изысканные и грубые, баснословно дорогие и дешевые, что названы были «ходунцами или ёкальщиками».

Если набраться терпения и захаживать в эту мастерскую, повидеешь, наверно, «машины времени» всех эпох и народов.

Здесь мы увидели отличные, в темно-вишневом кожаном футляре каретные часы «со спросом»: бронза, хрустальные ограненные стекла — старина.

— Почему «со спросом»? — это вопрос Сергею Ивановичу Ермакову. Он собрался было ответить, да тут принесли совсем уж мудреный механизм, им Ермаков тут же и занялся.

...Продолжаем рассматривать часы-диковинки, перенесшиеся сюда, в мастерскую на ультрасовременном Калининском проспекте, из давних лет, а то и веков... И из завтрашнего дня тоже, потому что здешние мастера умеют обращаться не только со стариной далекой, но разбираются и в механизмах, которые пока называют «перспективными»; они вот-вот поступят на заводские конвейеры.

Вообще-то говоря, это обычная часовая мастерская московской службы быта. С обычными заботами о выполнении плана, со своими будничными хлопотами. Несут сюда будильники и часы наручные, настольные... Приемщица Татьяна Воробьева — первая, кто с ними имеет дело. Рядом с ней мастер быстрого ремонта Ю. Д. Румш, человек знающий и оперативный, если дефект небольшой, исправит мигом. Но, скажем, принес кто-то диковинной формы часы:

— Стекло разбилось. Поможете!

На этот случай есть в мастерской рукодельник: А. И. Аржанов может выточить почти любое стекло. Не тотчас, разумеется...

Попадают и диковинки из диковинок. Владелец одной такой изложил свою просьбу совсем уж странно: «Вечный двигатель отремонтируйте!»

— Если вечный, так не остановился бы, — попытались отшутиться мастера. Но, заглянув в механизм, о юморе забыли: никак не могли сначала понять что к чему. Шарики перекатываются вроде как бы сами собой, похоже, и впрямь вечный двигатель! Отдали часы И. М. Александрову, большому знатоку. Долго он над ними маравовал и нашел все же там крохотную пружинку. Она-то и давала ход «вечному» двигателю — гоняла шарики по желобкам и колесикам, а те приводили в движение стрелки. Словом, заставили заново двигаться этот «перпетуум мобиле».

Тяга к старинным вещам породила моду на них. Некоторые откапывают порой такую рухлядь, что и при любом таланте не восстановишь. Но чаще все же попадают действительно интересные механизмы, которым возвращают жизнь руки ветеранов — И. М. Александрова, С. И. Ермакова или В. Г. Ширяева, знатока «мелких», наручных и карманных часов. Хорошим мастером стал и молодой Геннадий Минаев... Всего же в мастерской, о которой мы рассказываем, работает четырнадцать мастеров, и у каждого что-то свое. «Часовой ансамбль» — так мы окрестили этот коллектив. «Работают с чистой сердечной гарантией», — написал в своем письме сюда явно удовлетворенный заказчик.

— ...Но все же, что это за часы «со спросом»? — вернулись мы к началу беседы.

— Обычные часы, — улыбнулся Ермаков. — Видите кнопочку? Нажмите-ка...

Мы нажали, и часы начали вызванивать. Добросовестно отсчитали положенное количество часов, принялись за минуты...

Посмотрели мы, послушали, подсчитали, сверили — все точно!

— Вы кнопочкой спросили, часы и ответили...

Сколько в мастерской таких часов — разноликих, разноголосых, разновозрастных! И те, к которым прикоснулись руки «мастеров летосчисления», вновь живут, рассказывают о времени своем. Но показывают наше — московское, точное время...

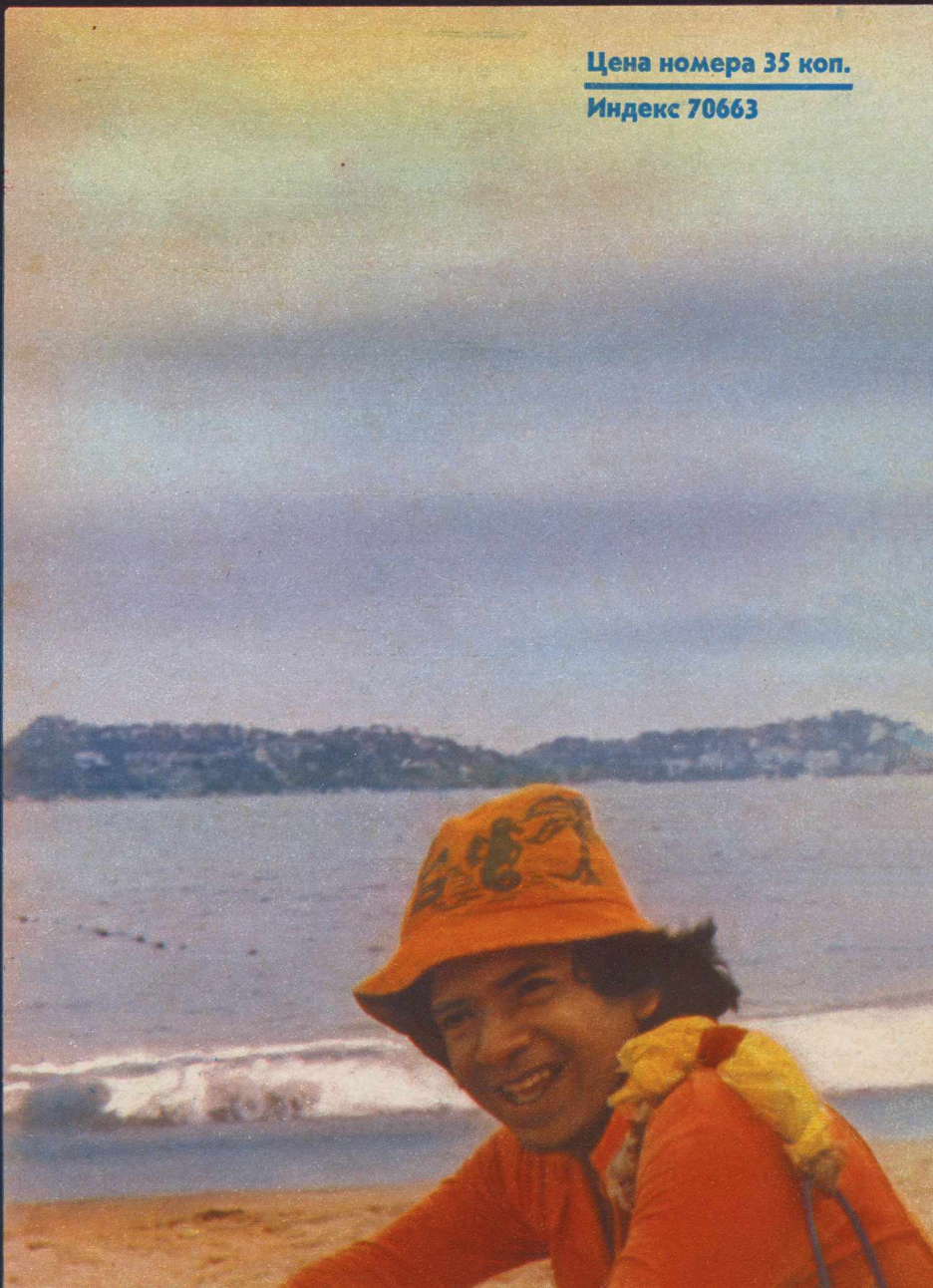

Здесь выверяется точность хода.

Заказчик, кажется, доволен.

РЬЕ

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663